

ISSN 2619-1636

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭТНОЛОГИЯ

Historical
Ethnology
2025

Том 10. № 2

Vol. 10. No. 2

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2025. Том 10. № 2

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

«Историческая этнология» – рецензируемый научный журнал, в котором освещаются новые методы и результаты исследований, стимулирующие дальнейшее становление в России и в сопредельных странах исторической этнологии как самостоятельного научного направления, тесно связанного со смежными историческими, этнографическими, культурологическими, антропологическими, социологическими дисциплинами.

Миссия журнала – содействие формированию новых стандартов историко-этнологических исследований на евразийском пространстве и укрепление международного сотрудничества в области исторической этнологии как объединительного механизма различных историко-социальных направлений гуманитарной науки.

В журнале публикуются работы по следующим темам: теория этнического, этническая реальность: синхронный и диахронный анализ, идентичность в теории и прикладных исследованиях, микроистория и культура повседневности, национальное образование.

Журнал принимает к публикации: оригинальные статьи, обзоры, переводы зарубежных материалов, мнения экспертов, дискуссионные, методические и информационные статьи, эссе, комментарии.

Год основания: 2016 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан»
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация)

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77-86148 от 19 октября 2023 г.

Выходит 4 раз в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тел./факс +7(843)292-84-82 (приемная)

© Академия наук Республики Татарстан, 2025

© «Историческая этнология», 2025

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2025. Vol. 10. No. 2

ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL

“Historical Ethnology” is a peer-reviewed scientific journal which highlights new methods and research results that stimulate the further development of historical ethnology in Russia and neighboring countries as an independent scientific field, closely related to allied historical, ethnographic, cultural, anthropological, and sociological disciplines.

The mission of the journal is to promote the formation of new standards of historical and ethnological research in the Eurasian space and to strengthen international cooperation in the field of historical ethnology as a unifying mechanism for various historical and social areas of the humanities.

The journal publishes works on the following topics: ethnic theory, ethnic reality: synchronous and diachronic analysis, identity in theory and applied research, microhistory and the culture of everyday life, national education.

The journal accepts for publication: original articles, reviews, translations of foreign materials, opinions of experts; discussion article, methodological and informational articles, essays, commentaries.

Year of establishment: 2016

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution “Tatarstan Academy of Sciences”
(420111, Bauman St., 20, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
ЭЛ № ФС 77-86148 on October 19, 2023

Published 4 times a year

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

420111, Baturin St., 7, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Tel./Fax +7(843)292-84-82 (reception)

© Tatarstan Academy of Sciences, 2025

© “Historical Ethnology”, 2025

<https://historicaethnology.org>
E-mail: his.ethnology@gmail.com

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующий отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: Шарифуллина Диляра Рашитовна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Сагдиева Эльвина Азадовна (Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief: Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

English Editor: Dilyara R. Sharifullina (Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Managing Secretary: Elvina A. Sagdieva (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ажигали Серик Ескендирулы – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии архитектуры стран Востока, почетный академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, главный научный сотрудник отдела этнологии и антропологии Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан)

Бари Донна – Ph.D. (политология), профессор политических наук, директор программы Патерно Феллоус, Университет штата Пенсильвании (Юниверсити-Парк, США)

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Гарипова Розалия Равилевна – Ph.D., доцент кафедры истории, философии и религиоведения Школы естественных, социальных и гуманитарных наук, Назарбаев Университет (Астана, Республика Казахстан)

Гибатдинов Марат Мингалиевич – кандидат педагогических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Головнев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Забирова Айгуль Тлеубаевна – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии колледжа гуманитарных и социальных наук, Университет Зайед (Аль-Айне, ОАЭ)

Загребин Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, и.о. директора Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук; профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, научный руководитель научно-образовательного центра «Современные этнополитические исследования» (Москва, Ижевск, Российская Федерация)

Иноуэ Ацуси – заведующий кафедрой Корнелиуса Вандербильта и профессор экономики факультета экономики, Университет Вандербильта (Нашвилл, Теннесси, США)

Канлыдере Ахмет – доктор наук, профессор кафедры истории, кафедры всеобщей истории Турции, Факультет гуманитарных и социальных наук, Университет Мармара (Стамбул, Турция)

Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь)

Курбанова Земфира Ибрагимовна – доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Нукус, Республика Узбекистан)

Лентон Адам – Ph.D., факультет политических исследований, Университет Джорджа Вашингтона (Вашингтон, США)

Минниханов Рифкат Нургалиевич – доктор технических наук, президент Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Петров Юрий Александрович – доктор исторических наук, директор Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Полунов Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Расулов Абдулла Нуритдинович – доктор исторических наук, профессор Наманганского государственного университета (Наманган, Республика Узбекистан)

Резван Ефим Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории «Международный центр исламских исследований» Музея антропологии и этнографии Петра Великого (Кунсткамеры) Российской академии наук, директор Санкт-Петербургского музея исламоведения (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Сейдаметов Эльдар Халилович – кандидат исторических наук, заведующий Крымским научным центром (КНИЦ), Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; доцент кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Всемирная история, историография и источниковедение», Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Хакимов Рафаэль Сибгатович – доктор исторических наук, научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Хотопп-Рике Миесте – доктор тюркологии, директор Института Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ICATAT) (Магдебург, Германия)

Чичек Хусейн – Dr. habil., старший научный сотрудник кафедры религиоведения Венского университета; научный сотрудник Эрлангенского центра ислама и права в Европе, Университета Эрланген – Нюрнберг; Центр перспективных исследований безопасности, стратегических и интеграционных исследований Боннского университета (Эрланген, Германия)

Ягафова Екатерина Андреевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Serik E. Azhigali – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Architecture of Oriental Countries, Honorary Academician of the Republic of Kazakhstan National Academy of Sciences, Chief Researcher of the Department of Ethnology and Anthropology, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology of the Science Committee of the Ministry of the Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Donna Bahry – Ph.D. in Political Science, Professor in Political Science, Director of the Paterno Fellows Program, Pennsylvania State University (University Park, USA)

Liliya R. Gabdrafikova – Doctor of Science (History), Chief Research Fellow at the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Rozaliya R. Garipova – Ph.D., Assistant Professor of the Department of History, Philosophy and Religious Studies of the School of Sciences and Humanities, Nazarbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Marat M. Gibatdinov – Candidate of Science (Pedagogy), Deputy Director for Research, Chief of the Center for History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Andrey V. Golovnev – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Director of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

Aygul T. Zabirova – Doctor of Science (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, College of Humanities and Social Sciences, Zayed University (Al-Ain, United Arab Emirates)

Aleksei E. Zagrebin – Doctor of Science (History), Professor at the Russian Academy of Sciences, Acting Director of the Institution of the Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology; Professor at the Department of the History of Udmurtia, Archeology and Ethnology, Udmurt State University, Academic supervisor of the Research and Education Center “Modern Ethnopolitical Research” (Moscow, Izhevsk, Russian Federation)

Atsushi Inoue – Cornelius Vanderbilt Chair and Professor of Economics, Department of Economics, Vanderbilt University (Nashville, Tennessee, United States)

Ahmet Kanlidere – Dr., Professor, Department of History, Department of General Turkish History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Elizaveta N. Kvilinkova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore, Center for Research on Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Zemfira I. Kurbanova – Doctor of Science (History), Head of the Department of Ethnography, Karakalpak Research Institute for the Humanities, Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences (Nukus, Republic of Uzbekistan)

Adam Lenton – Ph.D., Department of Political Science, The George Washington University (Washington, USA)

Rifkat N. Minnikhanov – Doctor of Science (Technical Sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Yuriy A. Petrov – Doctor of Science (History), Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Alexander Yu. Polunov – Doctor of Science (History), Professor, Head of the Inter-ethnic and Interfaith Relations Management Department of the Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Abdulla N. Rasulov – Doctor of Science (History), Professor of the Namangan State University (Namangan, Republic of Uzbekistan)

Efim A. Rezvan – Doctor of Science (History), Professor, Head of the International Center for Islamic Studies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Director of St. Petersburg Museum of Islamic Studies (St. Petersburg, Russian Federation)

Radik R. Salikhov – Doctor of Science (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow at the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Eldar Kh. Seydametov – Candidate of Science (History), Chief of the Crimea Research Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of History, Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of Science (History), Professor, Chief of the Department “World History, Historiography and Source Studies”, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Rafael S. Khakimov – Doctor of Science (History), Academic Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Mieste Hotopp-Riecke – Doctor of Turkology, Director of the Institute for Caucasian, Tatar and Turkestan Studies (ICATAT) (Magdeburg, Germany)

Hüseyin Çiçek – Dr. habil., Senior Research Fellow at the Department of Religious Studies, University of Vienna; Erlangen Centre for Islam and Law in Europe, Researcher, University of Erlangen – Nuremberg; Center for Advanced Security, Strategic and Integration Studies, University of Bonn (Erlangen, Germany)

Yekaterina A. Yagafova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of World Culture, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА: СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Бронзовые изделия как отражение этнокультурных связей
народов Южного Кавказа в древности**

С.Т. Самедова 161

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Традиции туркменского народа, связанные с беркутом

Т.Б. Хоммиев 180

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Праздник жизни и надежды
(традиции и ритуалы Навруза у каракалпаков)**

З.И. Курбанова 192

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Национальная борьба и скачки в культурном наследии гагаузов:
от прошлого к настоящему**

Е.Н. Квиленкова 207

ВИЗУАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**«Типы народов России» в иллюстрациях 1870-х годов
журнала «Нива»**

А.Э. Жабрева 224

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Изображения татар К.Ф. Гуна в периодических изданиях
второй половины XIX века**

Д.Ф. Гатина-Шафикова 249

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ НАРОДОВ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

- Крымские татары в социально-экономической жизни
Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX века**
Д.А. Прохоров 266

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

- Работа отряда Братьев милосердия в русско-татарском селе Кошки
Самарской губернии во время голода 1898 года**
Г.Г. Циденков 282

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

- Восприятие деятельности и образа Исмаила Гаспринского
татарской интеллигенцией начала XX века**
Э.К. Салахова 292

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

- Гаяз Исхаки о тюрьме Чистополя**
М.А. Ахметова 302

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

- Татарско-русское взаимодействие в татарских говорах Пензенской
области (на материале диалектологической экспедиции)**
А.К. Булатова 314

CONTENTS

TRADITIONAL CULTURE: SYNCHRONOUS AND DIACHRONOUS ANALYSIS

ORIGINAL PAPER

Bronze goods as a reflection of the ethnocultural ties of the South Caucasus peoples in ancient times

S.T. Samedova 161

ORIGINAL PAPER

The Turkmen people's traditions associated with the golden eagle

T.B. Hommyyev 180

ORIGINAL PAPER

The holiday of life and hope (traditions and rituals of Nowruz among Karakalpaks)

Z.I. Kurbanova 192

ORIGINAL PAPER

National wrestling and horse racing in the cultural heritage of the Gagauz: from past to present

E.N. Kvilinkova 207

VISUAL MATERIALS AS A SOURCE OF HISTORICAL AND ETHNOLOGICAL RESEARCH

ORIGINAL PAPER

“Types of the Russia Peoples” in the illustrations of the 1870s in the “Niva” magazine

A.E. Zhabreva 224

ORIGINAL PAPER

Images of Tatars by K.F. Huhn in periodicals of the second half of the 19th century

D.F. Gatina-Shafikova 249

SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF PEOPLES' DEVELOPMENT

ORIGINAL PAPER

**Crimean Tatars in the socio-economic life of the Taurida province
in the second half of the 19th – early 20th centuries**

D.A. Prokhorov 266

BRIEF MESSAGE

**The work of the Brothers of Mercy detachment in the Russian-Tatar village
Koshki of the Samara province during the famine of 1898**

G.G. Tsidenkov 282

INTELLECTUAL DISCOURSE

BRIEF MESSAGE

**Perception of the activities and image of Ismail Gasprinsky
by the Tatar intelligentsia of the early 20th century**

E.K. Salakhova 292

ORIGINAL PAPER

Gayaz Iskhaki about Chistopol prison

M.A. Akhmetova 302

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

BRIEF MESSAGE

**Tatar-Russian interaction in the Tatar dialects of the Penza region
(based on the materials of a dialectological expedition)**

A.K. Bulatova 314

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА: СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ

TRADITIONAL CULTURE: SYNCHRONOUS AND DIACHRONOUS ANALYSIS

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.161-179>

EDN: BSXCLF

Бронзовые изделия как отражение этнокультурных связей народов Южного Кавказа в древности

С.Т. Самедова

Институт истории и этнологии им. А.А. Бакиханова

Национальной Академии наук Азербайджана

Баку, Азербайджан

sevasamadova@mail.ru

Резюме. Объектом исследования являются древние бронзовые изделия, выявленные на Южном Кавказе в результате археологических раскопок на местах древних поселений и могильников эпохи бронзы и раннего железа. Среди различных типов бронзовых украшений наиболее многочисленными и функционально востребованными были браслеты, служившие одновременно украшением и оберегом. Имеется мнение, что они являлись эквивалентом денег, служили средством товарно-денежного обмена.

В регионе в эпоху античности ювелиры, наряду с украшениями из серебра и золота, продолжали производить и бронзовые украшения. Нередко встречаемые украшения из серебра и золота композиционно были близки или идентичны бронзовым украшениям. В античных пластах региона бронзовые украшения встречаются во всех типах могильников. В это время оружие, орудия труда стали производить из железа. Помимо браслетов, выявлены и другие типы бронзовых украшений – это различные подвески, перстни, шейные украшения, многочисленные пряжки.

В исследовании выявляются сходные по параметрам (техника исполнения, состав металла, стиль формы и декора) украшения, найденные во время археологических раскопок, территориально отдалённых друг от друга. Цель: на основе выявленных местных артефактов провести их сравнительный анализ со сходными, как правило, в пределах региона артефактами-украшениями, отразить такие стороны в этих изделиях как форму, вид и элементы орнамента, сырьевую базу изделий, свидетельствующие об этнокультурных контактах населения региона.

Ключевые слова: бронза, Южный Кавказ, Кавказская Албания, Иберия, Колхида.

Для цитирования: Самедова С.Т. Бронзовые изделия как отражение этнокультурных связей народов Южного Кавказа в древности. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 2. С. 161–179. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.161-179> EDN: BSXCLF

Bronze goods as a reflection of the ethnocultural ties of the South Caucasus peoples in ancient times

S.T. Samedova

*A.A. Bakikhanov Institute of History and Ethnology
of the Azerbaijan National Academy of Sciences
Baku, Azerbaijan
sevasamadova@mail.ru*

Abstract. The object of the study are ancient bronze goods discovered in the South Caucasus as a result of archaeological excavations at the sites of ancient settlements and burial grounds of the Bronze and early Iron Ages. Among the various types of bronze jewelry, bracelets were the most numerous and functionally in demand, as they were used simultaneously as decoration and amulets. There is an opinion that they were an equivalent of money and served as a means of commodity-money exchange.

In the era of antiquity, in the region, jewelers continued to produce bronze jewelry along with jewelry made of silver and gold. Commonly found jewelry made of silver and gold were compositionally close or identical to bronze jewelry. In the antique layers of the region, bronze jewelry is found in all types of burial grounds. At that time, weapons and tools began to be made of iron. In addition to bracelets, other types of bronze jewelry have been identified – various pendants, rings, neck jewelry, and numerous buckles.

The study identifies jewelry that is similar in parameters (technique of execution, metal composition, style of form and decoration), which was found during archaeological excavations located distant from each other. The objective of the study is to conduct the comparative analysis of the identified local artifacts with artifact decorations that are generally similar within the region; to reflect such aspects of these goods as form, type and elements of ornamentation, raw material base of products, which indicate ethnocultural contacts of the population of the region.

Keywords: bronze, South Caucasus, Caucasian Albania, Iberia, Colchis.

For citation: Samedova S.T. (2025) Bronze goods as a reflection of the ethnocultural ties of the South Caucasus peoples in ancient times. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 2: 161–179. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.161-179> (In Russ.)

Актуальность темы была обусловлена недостаточной изученностью истории внутренних этнокультурных связей древних народов Южного Кавказа. Богатый природными ресурсами регион издавна занимает стратегическое место, являясь торгово-экономическим и культурным перекрёстком Востока и Запада.

Начало сложных миграционных процессов и зарождение Великого Шёлкового пути приходится на эпоху античности, замыкающей период Древнего мира в истории человечества. Издавна народы Южного Кавказа в силу своего выгодного географического проживания на стыке евроазиатского континента на социальном, культурном и экономическом уровне контактировали и развивались вместе с народами всей Евразии. Сегодня по линии прохождения древнего Великого Шёлкового пути функционирует трансконтинентальный железнодорож-

ный маршрут. Как и в прошлом, он проходит через южнокавказский перешеек, выходит на Чёрное море (в древности Понт) и далее на Средиземноморье. Главной предпосылкой развития всех внешних связей в регионе в античные времена служила бурно развивающаяся торговля, обусловившая многочисленные внешние и внутренние этнические контакты. Территориально выгодное расположение региона в торговом аспекте способствовало превращению многих периферийных поселений в крупные транзитные города. О политической сплочённости южнокавказских народов в изучаемое время свидетельствует ряд письменных источников. В частности, в них повествуется о сопротивлении воинственных албанцев и иберов против греко-римских войск.

Археологические данные являются ключом к изучению культурогенеза того или иного народа. С этой точки зрения наше исследование методологически основано на сравнительном анализе некоторых местных и пришлых бронзовых изделий, с помощью которых изучается целостная картина производимых древними ювелирами украшений в регионе. Следуя глубоким традициям в металлообработке, значительная часть бронзовых украшений в регионе, впоследствии нашла своё воплощение в золотых и серебряных изделиях.

Регионально на процесс формирования этнокультурных связей между народами наибольшую роль оказывало веками сложившееся мировоззрение людей и их религиозные приоритеты, часто зависящие от политических ситуаций. Так, исследование золотых, серебряных и бронзовых изделий эпохи античности в Албании показывает, что тотем змеи здесь имел широкое распространение, начиная с VII в. по III в. н.э. (Асланов, Голубкина, Садыхзаде, 1966: 11). Чем объяснить этот факт? Его можно истолковать усилением и полным торжеством идеологии зороастризма на Востоке в средневековье, в том числе в Албании. Во времена Сасанидов Авеста была канонизирована, стала государственной религией всей Персидской империи. Согласно канонам этой религии, поклонение змее находилось под запретом, так как считалось, что она служила силам зла – Анхри Манью, в связи с чем причислялась к числу отрицательных явлений. Поэтому после III в. н.э. на памятниках материальной культуры региона не встречаются силуэты, формы, стилизации и элементы змеи. Параллельно, ранее и в античный период, культ змеи наблюдался и в древней Грузии. Так, в Вани (Западная Грузия, Колхида) были обнаружены браслеты со змеиными головками (Очерки истории Грузии, 1989: 297). Но и здесь в сасанидский период истории, в связи с усилением зороастризма как государственной религии, почитание змеи исчезает.

Среди албанской коллекции браслетов эпохи античности встречались простые браслеты со змеиными головками. Как правило, это тип браслетов, концы которых не сходились. Привлекает внимание тип вогнутого в тыльной части браслета – типичный скифский стиль. Во время раскопок в Грузии встречались аналогичные браслеты, но на концах их имелись стилизованные головки овов. Браслеты с головками овов встречались ещё раньше, в период Ахеменидской Империи на территории г. Оксус (между Таджикистаном и Афганистаном, кол-

лекция 1877)¹. Здесь был найден браслет по форме идентичный первым двум вышеупомянутым браслетам южнокавказского происхождения. Только в отличие от них на концах золотого браслета рисовались по две головы крылатых грифонов. Близость браслетов по форме и художественному оформлению их концов «звериным стилем» свидетельствует о близких этнокультурных контактах главных насельников региона, в то же время в них наблюдается их связь со скифами, заселившимися в пределах их границ. Проведя глубокий анализ артефактов древности, азербайджанский историк-искусствовед Н.И. Рзаев пришёл к выводу о том, что «звериный стиль» скифы переняли у своих оседлых автохтонных соседей – маннейцев, живших в районе о. Урмия (Южный Азербайджан) (Рзаев, 1960: 82).

Другим примером тотемических представлений древности является конь. Археоматериалы подсказывают, что среди населения Албании и Иберии был распространён особый фетиш – культ коня. Издавна у многих народов Кавказа сформировалось гиперболическое, переросшее в мифологию отношение к коню (Самедова, 2018: 185). Многочисленные находки конских упряжей и украшений к ним (бляхи, пластины), бронзовых фигурок лошадей с цепями и без, наличие скелетов в могильниках и отдельные их захоронения свидетельствуют о весомой роли коня в жизни древних людей. На Севере Албании, вследствие образования там контактных зон проживания аборигенного населения с кочевниками (аланами, скифами, сарматами), нередко обнаруживались бронзовые пронызки-коньки. Полиэтничность, торговая деятельность, брачные и династические союзы, политические события (войны, миграции и эмиграции) влекли за собой проникновение культовых элементов из одной среды в другую.

Аналитических работ, раскрывающих тему этнокультурных связей народов региона на основе артефактов, практически нет. Некоторые исследователи фрагментарно рассматривают сходства некоторых украшений без глубокого анализа их генезиса и традиций ношения. Научные труды археологов позволяют провести сравнительный анализ украшений, по ним же можно косвенно установить маршруты и следы контактируемых групп населения.

Классические образцы бронзовых предметов подтверждают глубокие традиции металлообработки. Изготовление ювелирных изделий из сплава меди и олова было перенесено на изделия из серебра и золота. Таким путём ювелирами были переданы накопленные веками технические новшества по металлообработке.

В пользу местного производства изделий указывает многочисленность тех или иных находок в определённом географическом радиусе, а также наличие производственных браков на местах поселений. Некоторые изделия-подражания внешне были близки к аналогам, но при детальном рассмотрении профессионалами, в плане техники исполнения изделий, становится ясно, что они

¹ Золото Ахеменидов. Блог Резы Саджади. URL: <https://sajjadi.livejournal.com/367407.html> (дата обращения: 10.12.2024).

изготавливались местными мастерами. Массовые находки типологически единых изделий, но несколько разнящихся по дизайну, также предполагают их местное производство.

Исторически народы южной части Кавказа поддерживали весьма тесные контакты с азиатскими и ближневосточными странами по сухопутным и водным (морским, речным) путям. Путешествуя по Азии и Востоку, купцы по пути вступали в деловые, торговые контакты, прежде всего, с ближайшими соседями, вследствие чего в их материальной культуре и духовных познаниях мира формировалась тенденция формирования идентичных форм и элементов культуры. Археологические изыскания в регионе позволяют провести сравнительный анализ, выявить своеобразие и аналогии между этническими культурами, свидетельствующими о развитых внутренних культурных контактах в регионе. То же самое можно сказать относительно колхидской (причерноморской) и приморской дагестанской культур. Географическая близость аборигенных этносов региона способствовала формированию тесных этнокультурных контактов. Культурные отношения в древности складывались и благодаря этнокультурному родству между основным населением и мигрировавшей от него части этноса (не важно, оседлого или кочевого) в другую отдалённую среду обитания, перенеся, тем самым, этнокультурные традиции на новое место дислокации. Итак, одной из причин некоторых сходств в материальной культуре отдалённых друг от друга частях региона, является миграция населения. На огромном кавказском пространстве прослеживаются межрегиональные контакты народов. Так, сравнительный анализ внешне идентичных по форме изделий, разбросанных по разным отдалённым областям региона, но с присутствием в них некоторых своеобразных стилизаций, не дают полной картины происхождения изделия, так как фаунистические и флористические предпочтения имеют аналогии в природе. Это подтверждают вышеупомянутые вогнутые браслеты из Азербайджана, Дагестана, Грузии, изготовленные по скифскому образцу. В браслетах наблюдаются разного рода характерные стилизованные тотемы. Прохождение ювелирных изделий возможно определить лишь по своеобразие традиционных технических приёмов, по популярности и стилю декоров.

Некоторый наблюдаемый культурный синкретизм артефактов местных и пришлых народов, наличие в импортируемых или экспортируемых изделиях привнесённых элементов культуры свидетельствуют о внешних и внутренних контактах народов. В исследуемое время в регионе был распространён обмен готовыми изделиями – и это было вполне закономерно.

Бронзовые браслеты

На местный характер исполнения изделий указывает не только их изобилие, стандартизация форм, стиль и воплощение в них дизайнерских элементов, но и факт копирования орнаментов на другие предметы материальной культуры (на керамику, архитектуру, ткани). Так, нередко на обнаруженных бронзовых

украшениях присутствовали гравюры, орнаменты с геометрическими и растительными рисунками, идентичные декорам на керамических сосудах.

Характеризуя древние браслеты по региону, отметим, что почти повсеместно были найдены следующие их бронзовые разновидности: с сомкнутыми концами, с закрытыми (браслеты с закрытыми концами создавались способом литья), с несходящимися и незамыкающимися концами, как правило, круглой и четырёхугольной формы в сечении, утолщённые в середине или на концах, подковообразные и лентообразные с несомкнутыми концами, круглые массивные и тонкие. Встречались бронзовые кольца, бляхи-пластины, петли для нашивки кольца, пуговицы. Наблюдаются локальные варианты браслетов. Так, в Мингячевире в одной из гробниц на левой руке костяка был выявлен бронзовый браслет нестандартной формы: из круглой в сечении проволоки, концы которой суживаются и спирально обвивают друг друга, вследствие чего браслет легко раздвигался (Халилов, 1985: 58). Интересный ювелирный приём был применён при создании перстня-печатки из Гёранбоя, где концы кольца не замыкались, в связи с чем, при надобности кольцо, также, как и браслет, можно было расширить или сузить по размеру пальца. На наружной части кольца имелся изящный ободок с двумя вдавленными полосами, между которыми в ряд были выбиты кружочки. Видимо, узор был получен методом чеканки с внутренней стороны (Казиёв, 1949: 33). Композиционно такого рода кольца встречались и в древней Грузии, что подразумевает культурные контакты двух народов. В Гарабаге (с Доланлар, Ходжавендский район Азербайджана) был обнаружен локальный тип бронзового браслета, состоящий из двух ободков, в середине него имелись перемычки (Минкевич-Мустафаев, 1949: 45, 51–56).

Классификация обнаруженных браслетов по инкрустациям следующая: с гладкой поверхностью, украшенные рубцами, насечками в виде полос (вертикальными, горизонтальными, параллельными, косыми насечками), зигзагами, змейками, линиями, с зубцами, с жгутоподобной поверхностью, с петлями и шишечками. В целом, сравнительный анализ бронзовых украшений Азербайджана и Грузии отражает факт их преобладания в эпоху античности на территории Албании. На этапе поздней бронзы в Грузии популярными были бронзовые орудия труда (топоры, секиры) и оружия (мечи, ножи, кинжалы), а украшения преимущественно изготавливались из серебра и золота. В античной Албании распространение получили бронзовые подвески-секиры. В Грузии встречались такие же подвески, но большей частью из золота и серебра. В городе Вани (Колхида, Западная Грузия) были обнаружены браслеты с несмыкающимися концами, а также вогнутые браслеты скифского типа без инкрустации (Лордкипанидзе, 1978: 9). В позднеантичный период ношение бронзовых браслетов в Албании в большом количестве уже не наблюдается (Халилов, 1985: 60). С появлением же железа, бронза здесь используется, главным образом, в украшениях.

Обращает на себя внимание не только разнообразие композиционных решений и инкрустаций на корпусах этих браслетов, но и художественное оформление их концов, часто представленных в виде тотемных животных и

растений: браслеты со стилизованными головками змей, оводов, муфлонов, коз, из растений. Часто встречался бутон мака, виноградная лоза. Акт обвивания горловины кувшина браслетом со стилизованными головками змей, безусловно, имел культово-ритуальное и апотропейное значение (Казиев, 1949: 33). В античной Албании ювелиры изготавливали кручёные гривны, концы которых суживались, образуя стилизованные змеиные головки. Традиция украшения браслетов с имитацией стилизованных змеиных головок, как уже отмечалось, в это же время была и в Грузии.

На территории Албании наличествовали браслеты, выделявшиеся от других присутствием на них от одного до четырёх и более шариков, как правило, посаженных на инкрустированные разрезы браслетов (с. Доланлар, Гарабаг, Азербайджан) (Минкевич-Мустафаев, 1949: 50–53). Генезис элемента шариков (шишечек) и зерни в ювелирном деле отследить довольно сложно. Например, шарик как культовый сегмент имел место у древних ассирийцев и хорезмийцев. Однако керамика Шулавери-Шомутепинской культуры (6–5 тыс. до н.э.) доказывает, что данный элемент появился здесь гораздо раньше. В данном археологическом пласте был выявлен красноокрашенный сосуд с цилиндрической шейкой и со сферическим корпусом, декорированный рядами шишечек. Шейка сосуда была украшена пятью наклепными шишечками горизонтально, в четыре ряда – вертикально. Грузинские учёные отмечают, что это не типичный для данной культуры элемент, хотя в первом и во втором горизонте Арухло были найдены сосуды подобного рода. Предположительно, здесь произошел симбиоз двух культур – Арухло и Бериклдееби-Лейла-тепе (Восток южного Кавказа) (Чиковани, 2005: 178). Таким образом, ювелиры древнего Гарабага снабжали подобными шариками разного рода украшения (нередко они служили прикрытием сварочных, стыковочных, дефектных мест). Данный приём в декоре ювелирных изделий из Албании наблюдаем на ювелирных изделиях из Гарабага, что демонстрирует утвердившиеся веками традиции в местном ювелирном кустарном производстве. Факт преемственности и специфики традиций в ювелирном искусстве древнего Азербайджана находит подтверждение в коллекции бронзовых украшений из с. Доланлар (Гарабаг). Их часть охватывает период поздней бронзы, другая же часть относится к раннему античному периоду (Минкевич-Мустафаев, 1949: 50–53).

Декор из крупных шариков и мелкой зерни часто встречается на грузинских изделиях эпохи античности. Здесь в исследуемую эпоху было сильно развито златокузнечество, элементы бронзовых изделий были перенесены на благородные металлы: золотые черепашьи ожерелья с зернью и шишечками, чаши, серьги и другие предметы (Очерки истории Грузии, 1989: 65, 280, 144). Элементы больших шишек и зерни наблюдались и среди ювелирных изделий Колхиды.

В античной Албании по сравнению с античной Грузией в плане сырьевого материала самыми массово производимыми изделиями оставались украшения из бронзы. Среди них головные – ободки, серьги, пластины; шейные украшения

– бусы, цепи, подвески, лески, гривны; браслеты (ручные и ножные), кольца. Аксессуарами к одежде служили пояса, пряжки, булавки, броши, фибулы, застёжки, бляхи и пластинки.

Кольца

Кольца составляют следующую группу украшений из бронзы. В Албании их носили мужчины и женщины. Массивные бронзовые кольца спиральной формы, имевшие два полных оборота, носили мужчины. На пальцах женщин красовались аналогичные кольца, но в изящном исполнении.

В некрополе Ньюди (Агсу) археологи выявили множество бронзовых колец (Османов, 2006: 51), образующие в сечении треугольники. Выше, на примерах браслетов, треугольник упоминался как древний символ загробной жизни.

В селе Доланлар обнаружили перстень, украшенный у основания жуковидной, а с противоположной стороны мелкими зернами, в расширенной же части шинки перстня – растительным орнаментом, также сложенным из мелкой зерни. Этот перстень датируется II–III вв. н.э. (Минкевич-Мустафаев 1949, МКА 1: 36). Ближе ко II–III вв. н.э. ювелиры всё чаще начинают украшать изделия из благородных металлов драгоценными и полудрагоценными камнями. Для античного периода характерными были кольца по типу браслетов: замкнутые с заходящими друг на друга концами, спиралевидные из нескольких витков, ленточные из тонких полосок с нанесёнными на них орнаментами. Кольца аналогичных форм встречаются и среди современных ювелирных изделий. Для исследуемого периода характерными были кольца с бусинками (Хыныслы), шпечками, кольца с более резкой гравировкой и насечками.

В исследуемое время особо ценным и дорогим удовольствием было стекло. В одном из богатых срубных погребений были обнаружены бронзовые кольца, в центре одного из них имелась стеклянная вставка. В одном из катакомбных погребений Мингячевира выявлены бронзовые кольца со стеклянными вставками. Обращает на себя внимание кольцо с изображением Афины (Казиев, 1949: 117). В Грузии во время раскопок часто встречались кольца со стеклянными вставками и различными гравюрами, здесь были найдены перстни-печатки с выгравированными рисунками (Очерки, 1989: 254, 255).

Изученные археологами Азербайджана и Грузии перстни-печатки носили многофункциональный характер – они служили одновременно печатями, украшениями и оберегами-талисманами. Находки подобных перстней-печатей наблюдаются почти повсеместно и свидетельствуют о западном влиянии на Восток (впервые из железа они появились в Древней Греции). Но среди них встречаются эксклюзивные кольца, не имеющие сюжетных аналогов. Предположительно, их заказывали частным образом местным ювелирам, либо они являлись штучным приобретением извне. Многочисленные находки перстней-печатей, некоторая схожесть их по технике исполнения, формам, стилю гравировок, несмотря на то, что в каждом отдельно взятом случае они имеют расхождения в

сюжетных образцах, подтверждают связь ювелирных школ древних умельцев региона и контакты народов.

В грунтовых погребениях Мингячевира, наряду с широкими орнаментированными бронзовыми поясами и пряжками, были выявлены цельнометаллические перстни-печатки. Схожие по стилю перстни-печатки ювелиры создавали путём литья, а затем на щитке перстня вырезались сюжеты и сцены. Щитки перстней, как правило, имеют овальную форму и тонкую шинку (Казиев, 1949: 156). В мужских погребениях мингячевирского некрополя эпохи античности обнаружены перстни-печатки со следующими эксклюзивными изображениями: силуэт человека, стоящего перед алтарём; человек, борющийся со львом; воин с копьём и щитом, луком и стрелой. Силуэт полусогнутой фигуры музыканта, имитирующего пальцами рук движение в направлении предмета, сходного с ударным музыкальным инструментом; профильное изображение лица мужчины с головным убором в форме чалмы. Здесь встречались перстни с рисунками двух излюбленных тотемов – быка и оленя (Казиев, 1949: 28). Происхождение таких колец можно было выявить не только по эксклюзивным орнаментам, но и по технике исполнения, составу и качеству металла. Имеется мнение, что такого рода перстни получили широкое хождение с VIII–V вв. до н.э., ими пользовались вплоть до конца III в. до н.э. (Казиев, 1949: 17). Позже они были заменены перстнями-печатами со вставками из различного рода драгоценных и полудрагоценных камней, главным образом, из сердолика и яшмы, что находит археологическое подтверждение. Гипотетически кольца со вставками из различных камней были привозными. Однако возможно и другое: опытные ювелиры поштучно приобретали обработанные камни (не исключено, что покупали их в необработанном виде, после обтачивали и полировали), копировали или нарезали на камнях таких перстней различные гравюры, часто заказные сюжеты. На территории Грузии кольца с камнями появляются несколько ранее, чем в Албании (Очерки, 1989: 258).

Головные и шейные украшения

К головным украшениям относятся серьги, ободки, диадемы, тиары, заушницы, пластины бусы, к шейным – гривны, подвески, медальоны. Излюбленным женским украшением в античной Албании являлись бронзовые бусы (Халилов, 1985: 183). Наибольшей популярностью пользовались бочкообразные бронзовые бусы. Края бус не закрывались. Такие бусины не отливались, имели особую технологию изготовления. На территории древней Грузии частым явлением были бронзовые бусы биконической формы.

Серьги

Образцом местной ювелирной школы служит тип бронзовых серёг из Гёранбоя, конструктивно состоящих из двух спаянных шаровидных форм, соединённых дужкой. Аналогичные серьги найдены в Мингячевире и Исмаиллы (I–

III вв.), только в этих вариантах к нижней шаровидной части были припаяны имитирующие гроздья винограда или декоративные зерни. В Мингячевире выявлены однотипные золотым и серебряным серьгам – бронзовые серьги: в форме треугольника, в виде обруча. Пара золотых серёг с подковообразной подвеской обнаружены в Хыныслы (Рәсәтова, 2000: 20). В Мингячевире в одном из могильников обнаружена пара серёжек, представляющих собой большое кольцо, соединённое дужкой с пирамидально уложенной зернью. Идентичные серьги наблюдаются на человеческой фигуре (из бронзы) из Вани (Западная Грузия). По силуэту и грубым чертам лица человека, лысине, а также по физическому сложению антропоморфная фигура изображала силуэт мужчины, на ушах которого висят серьги, на кистях рук изображены браслеты: в одной – два, в другой – три массивных браслета, а на шее три гривны-обручи. В городе Вани найдены серьги тождественные мингечаурским серёжкам (Казиев, 1949: 24). Данная параллель служит ещё одним доказательством этнокультурных контактов между древними кавказскими народами. По поводу ношения в древности универсальных в гендерном плане украшений отметим майкопское курганное захоронение вождя, где голову мужчины украшала золотая диадема (Мартынов, 1973: 168). Здесь можно вспомнить золотые лавровые венки царствующих персон и элиты Древней Греции и Рима. Следует упомянуть находки грубо исполненных гривен, браслетов в мужских магильниках Албании, а также отчеканенный гравюрный силуэт на серебряной торевтике (Шамаха) богато одетого всадника, вышедшего на охоту, предположительно, атропатийского царя Шапура II (раннее средневековье) с серьгой на одном ухе (изображён в профиль) (Халилов, 1976: 146).

В изучении темы важным этнологическим аспектом является прослеживание географии и торговых маршрутов через Кавказ. Так, известный российский археолог А.И. Мартынов в статье «Предметы майкопской культуры, найденные в курганах Новослободска и в нагорной части Гарабага» пишет следующее: «Майкопская культура (4–3 тыс. до н.э., этап ранней бронзы на Северном Кавказе – прим. авт.) охватывала весь северный Кавказ и доходила на востоке до Дагестана». По его мнению, материальная культура из Майкопа в Гарабаг проходила через Дагестан (Мартынов, 1970: 168–175). Сказанное подтверждает мысль о существовании соответствующих логистических путей на Кавказе, в том числе внутри южнокавказского региона, а также о контактах населения Гарабага и Дагестана в античные времена. Дагестан географически и территориально входил в состав государства Кавказской Албании.

Бронзовые височные кольца

Женские височные кольца были одними из самых востребованных украшений албанок. Набор данного вида украшения состоял из больших колец, как правило, из бронзы или золота, с загнутыми или заходящими друг на друга концами, из колец с шаровидными или грушевидными ажурными подвесками, а также височные кольцевидные ободки из бронзы, между концами которых

композиционно ювелиры помещали бусинку или спиралевидные колечки (Халилов, 1985: 109–110). Височными кольцами украшали женские причёски, закрепляя их на ободки, на ленту. Наибольшим предпочтением у албанок пользовались височные кольца с рельефным рисунком спирали, а также снабжённые шишечками. Богатство цветочного орнамента, в том числе розеток, наблюдается на предметах керамики, торевтики, строительных остатках Кавказской Албании (Самедова, 2018: 249). В древней Грузии – диадемы, височные кольца, серьги, бляшки, браслеты, стилистически были близки к ахеменидским образцам. Набор височных украшений из Ахалгори (Восточная Грузия) отличается характерным своеобразием, главным декором височного кольца является розетка, изображение которого повторяется и на серьгах (Очерки, 1989: 265).

Пластины

Классифицируя головные украшения эпохи античности следует рассмотреть их основные типы. Это, прежде всего, инкрустированные пластины. Среди них часто встречаются пластины, украшенные гравировкой – разрезами в форме зёрнышка, насечками, гладкие пластины с зазубренными концами, пластины с шишечками. В селе Сарытепе в античном слое наблюдаются многочисленные пластины с отверстиями, служившие либо головным украшением, либо аксессуаром одежды, пластины с концентрированными кругами, типа «солнце в солнце», пластины с наклепными крупными шишечками, пластины с запечатлёнными расходящимися кругами. Имели место прямоугольные и квадратные пластины для нашивки на ткань или кожу, пуговицы.

Налобные ободки составляют следующую группу древних головных украшений. Встречались ободки, которые несколько расширялись в срединной части. Концы головных ободков, как правило, суживались. На концах и в середине ободков проделывали отверстия для шнура или ленты, с помощью которых на голове крепили ободок.

Как уже отмечалось, в античные времена к числу женских аксессуаров относились полые сферические колпачки (накосники) и цилиндрические трубочки для волос. Как правило, цилиндрические трубочки и накошники создавали способом литья из железа или бронзы. Трубочки изготавливали из прокованного листа, свёрнутого в трубку. Находки в одном погребении до двенадцати трубочек указывают на то, что волосы заплетали в мелкие косы, затем продевали в трубочки, концы кос помещали в накошники, которые к концу расширялись и имели округлую форму (Левиатов, 1950: 113).

В Албании древние ювелиры создавали преимущественно женские украшения, среди них весомое место занимали головные украшения – разнотипные серьги, височные кольца, ободки, трубочки с накошниками, инкрустированные пластины для волос. В среде женской элиты, вероятно, носили украшенную ценными камнями тиару. Многие золотые изделия повторяют их аналоги из бронзы.

Обнаруженные изделия ювелирного искусства в античном археологическом пласте Азербайджана и Грузии подтверждают высокое техническое мастерство его создателей. Изделия изготавливались традиционными способами и основывались на своеобразии художественных приёмов и декоративных форм.

Нашейные украшения

В античные времена к числу нашейных украшений относились золотые тонкие пластинки, обручи со следующими композициями: подвеской в форме треугольника с имитацией зерни внутри, а также нашейные витые украшения. Нашейными украшениями служили гривны, иногда с концами в форме головок различных животных и пресмыкающихся, преимущественно змей. К рассматриваемому типу украшения относятся цепи с медальонами бочкообразными привесками, с подвесками, которые воспроизводят форму бронзовых топоров-секир. «Секирки» прослеживаются по находкам в мужских и женских погребениях. Подвески-секиры носили викинги, кельты, скифы, у славян имелся «топор Перуна», подвески-секиры обнаружены в кобанской культуре. Об этом оружии слагались легенды и мифы, они обладали апотропейной силой.

Из истории появления гривны известно, что изначально её носили мужчины, потому можно предположить, что долгое время она была универсальным украшением (Садыхзаде, 1971: 109–110). На это указывает вышеупомянутая бронзовая антропоморфная фигурка из Вани. Ожерелья, цепи, сплошные утолщённые шейные пластины в виде обруча, медальоны, подвески в плане многообразия представляют собой главную группу нательных украшений. Рассматриваемые изделия в основном были изготовлены из бронзы. Среди них крайне редко встречались гривны из олова. Оно в регион привозилось и считалось редким, весьма ценным металлом. Как легирующему компоненту в меди, олову не было равных металлов. В медь добавляли природные компоненты – мышьяк или сурьму, правда полученная из них бронза, ценилась меньше, чем олово.

Подвески

Среди ювелирных изделий, как и в керамике, наиболее типичными были украшения с резными геометрическими, растительными, зооморфными изображениями и формами. Наблюдались подвески с маленькими и большими треугольными, овальными прорезями, плоские литые подвески, подвески с ушком у основания – большие, круглые, в виде пирамиды и десятилучевой звезды. Ушки этих подвесок древние ювелиры создавали в виде колокольчиков, петел, ободка и кругов. В Мингячевире в одном из срубных захоронений среди других украшений были найдены бронзовые подвески с зооморфными фигурками оленя, птичек, колокольчики с цепочками (Казиев, 1949: 17).

В селе Доланлар зафиксированы ажурные (филигрань) подвески. Отличались подвески лишь ажуром: спиралевидные с кругом; отмечена подобного рода подвеска со змейкой в середине, подвеска с колечками на изгибах. По-

следняя подвеска представляет собой сложную композицию: в ней ювелир прибегнул к таким техническим приёмам в ювелирном искусстве, как извивы, колечки, спирали, шишечки, проволоки, окружённые плетёнкой и множеством зубцов (Халилов, 1985: 60). Многочисленные подвески были обнаружены в селе Ньюди (район Агсу), что предполагает их местное производство. На это указывают идентичные и часто повторяющиеся орнаменты на подвесках и предметах керамики (Османов, 2000: 68). Среди артефактов нередко встречались подвески-лунницы (имеют форму перевёрнутого с краями вниз полумесяца), подвески-ложечки, подвески-колокольчики и бубенчики, зооморфные подвески в виде птичек и животных. Часто боковые стенки бубенчика украшали стилизованными головками овна. В Западной Грузии обнаружены бляшки в форме пластинчатых лунниц со слегка вогнутым основанием и закруглённой верхней частью, с двумя обращёнными друг к другу фигурками птиц вверху и тремя круглыми подвесками из тонкого листа на цепочках внизу (Kakhidze et al., 2015: 58–59, figs. 73–78); Филигранный декор использовался редко и явно выступал второстепенным на фоне зерни. Напаянные гладкие проволоочки с завитками на концах украшают бляхи в форме лунниц из Капандиби (Kakhidze et al., 2015: 58–59, figs. 73–78).

Фибулы

Широкое распространение в странах Центральной, Восточной и Южной Европы в I–III вв. получили фибулы. Особой популярностью они пользовались в Древнем Риме. Через Кавказ и Дагестан фибулы проникли в центр Албании (Халилов, 1987: 144). Здесь, да и в целом на всём пространстве Южного Кавказа, почти во всех типах захоронений были выявлены разнообразные многофункциональные фибулы (металлическая застёжка – булава, которая могла одновременно служить элементом головного украшения и украшением одежды) из железа, бронзы и серебра. Гипотетически железные фибулы производились местными мастерами по образцу привозных фибул из бронзы и серебра. В Шамаха в одном из грунтовых погребений в единичном экземпляре была найдена фибула из комбинированных металлов: спинка из бронзы, игла – из железа (Халилов, 1987: 62, 35). Среди фибул инородного происхождения подобной фибулы не обнаружено, потому, возможно, данное изделие имело местное происхождение. Встречались фибулы арбалетной формы (фибулы-броши). Все покрытые эмалью украшения имели импортное (римское) происхождение, в том числе и фибулы (Халилов, 1987: 145, 32). Фибулы-броши наблюдались в дисковидной, ромбической, прямоугольной вариациях, по одному экземпляру были найдены фибулы в форме трапеции и щитковая фибула. Значительное число разнотипных фибул прослежено в Мингячевире (Садыхзаде, 1971: 70). Бронзовые фибулы арбалетной формы обнаружены и в Вани (Колхида). Фибулы отличались многофункциональностью, являлись одновременно украшением и элементом одежды, они были удобны для сбора и фиксации волос. Фибулы и булавы служили оберегами. Следы ношения булавок на

изнаночной части одежды наблюдались в античной и раннесредневековой Албании (Самедова, 2018: 292).

Античная булавка – это приспособление в виде иглы с разного рода головками для скрепления мягких тканей или декоративных целей. Так, в Ньюди была обнаружена булавка с длинной иглой, которая завершалась искусно исполненной головкой. Видимо булавка так же, как и фибула, предназначалась для сбора и фиксации густых волос на затылке. Некоторые булавки имели зооморфные вставки со стилизованными головками змеи, орла, петушка и т.д. (Казиев, 1949: МКА 1, 35). Это свидетельствует о силе веры древнего населения в их магические свойства. На южнокавказском пространстве булавки отличались конфигурациями головок; самыми популярными были клубочкообразные, шарообразные и роговидные их типы, в форме крючка, шарика и расширяющегося к верху, обитого тонкими металлическими нитями или же резьбой в конце. Изысканную коллекцию булавок позднебронзовой и ранней античной эпохи в Азербайджане представляют булавки с филигранными головками. В Триолете (Грузия, Квема Картли) обнаружена булавка с полукруглой ажурной головкой (Куфтин, 1941, т.1: 45). Схожие по форме булавки найдены в Мингячевире, Гарабаге и Дагестане (История Дагестана, 1967: 68). Многочисленность находок этих изделий и повторяющиеся их формы подтверждают мысль о местном производстве значительной части фибул и булавок. Их могли использовать для поднятия и фиксации волос на затылке или на макушке головы.

Недра Азербайджана издревле богаты залежами различного рода металлов, минералов, кристаллов и другими полезными ископаемыми, способствующими возникновению и развитию здесь горнорудного дела. Ряд учёных придерживаются мнения о том, что олово в древний Азербайджан ввозилось извне. Ш. Садыхзаде пишет: «На территории древнего Азербайджана залежали запасы меди, сурьмы, железной руды, но олово, видимо, привозилось из ближневосточных стран» (Садыхзаде, 1971: 3–20).

Медь, как известно, относится к типу цветных твёрдых металлов, она плавится медленно даже при более высокой температуре. Древние металлурги, получив бронзу из сплава меди и олова, приведшее в результате к получению наиболее прочного металла, начали из него создавать орудия производства, оружие, военные доспехи и украшения. Они научились создавать из бронзы различного рода ремесленные инструменты, в том числе ювелирные. В Грузии найден древний образец бронзового резца, используемого для гравировки металла (Очерки, 1989: 20). В плане художественной отделки изделия особое внимание привлекает бронзовая брошь из Шамахи с изображением сидящего на ветке орла с повернутой головой. Брошь облицована золотой фольгой. Такой способ художественного оформления металла имел место в бронзовую эпоху в Поволжье, в Дагестане. В эпоху железа хозяйственно-бытовые предметы, всякого рода инструменты, оружия заменяются их железными аналогами. Появляются кузницы и новый способ обработки и плавки металла.

До появления железа древние ремесленники создавали из бронзы оружие и орудия труда. Среди них бронзовые инкрустированные, орнаментированные треугольниками кинжалы из Губы и Гянджи, бронзовый топор, шило с синими бусинами, бронзовое шило из Мингячевира, здесь же выявлены колокольчики и фалеры (украшения для сбруи), разнотипные пряжки, бронзовые и железные иглы, вилы и мотыги. В Сарытепе (Казахский район, Азербайджана), Мцхете (Грузия) и в Карабудахкенте (Дагестан) обнаружены бронзовые иглы (Бабаев, 1990: 52).

Бронза Грузии. Колхида

Как известно, на территории Грузии эпоха бронзы знаменуется образованием единой триалетской культуры (включает и ранний античный период), об этом свидетельствует обнаруженный здесь клад. Исследованиями определено, что в VI–IV вв. до н.э. в Колхиде мастеровые всё ещё продолжали обработку бронзы, но она уже не имела такого существенного значения, как производство железа и железных орудий. В это время бронза применялась главным образом для изготовления украшений (браслеты, гривны, фибулы, подвески, бляхи, перстни), культовых и ритуальных предметов, часть которых представляет собой ценные образцы художественного ремесла. Профессиональное златочеканное и ювелирное дело в Грузии уже в античные времена достигло небывалых высот. Здесь уже в бронзовом веке имелся спрос на драгоценные камни, но интерес к камням возрос в римские времена. В Азербайджане, судя по артефактам, этот процесс усилился в позднеантичный период. Обработка камней требовала особых навыков, нередко их приобретали уже в отшлифованном виде. Наставническую роль в Грузии в этом процессе сыграли опытные мастера Востока и их знания, приобретённые в полиэтнической среде Ахеменидской державы.

В Вани инвентарь кувшинных погребений, как правило, состоял из глиняной посуды (обычно её располагали у изголовья и согнутых колен усопших), монет-колхидок (клали в рот или в руки) и предметов украшений – бронзовых или серебряных браслетов, украшенных драконовидными или змеевидными головками. Здесь наблюдались бронзовые перстни-печати, бронзовые бусы биконической формы.

Археологическими раскопками из Степанцминда выявлены золотые, серебряные, так и бронзовые предметы: колокольчики-бубенчики, бубенчики со скульптурами, фибулы, браслеты, височные украшения, чеканные листовые фрагменты поясов, бронзовые бусы.

Ксанское ущелье известно и другими памятниками раннеантичной эпохи. К таковым, например, относится случайно обнаруженный в 1960 г. в селе Канчаети богатый погребальный инвентарь, из которого сохранилось 79 предметов, в том числе 33 серебряных, 31 бронзовое и 13 железных изделий. Из предметов привлекают внимание: накладки для рта и глаз усопших, части конской сбруи, браслеты с вогнутым корпусом, схожие с ахалгорийскими кольца-печати, на камнях которых изображены стилизованный конь, всадник-копьеносец и дру-

гие сюжеты. Здесь прослеживается бронзовый ажурный штандарт, лунообразная ажурная пластина, маленькая скульптура барана, колокольчики, орудия труда и оружие – железный клинок, топор и наконечники копий произведены из железа (Очерки, 1989: 254, 255).

Выявленные в ходе археологических раскопок некоторые древние бронзовые украшения отражают этнокультурные взаимоотношения албанцев с иберийцами и колхами, возникшие, как правило, в результате торговых связей. Эти контакты способствовали не только взаимопроникновению материальной, но и духовной культуры. Вопрос о географии генезиса того или иного украшения, как и любого другого предмета материальной культуры является довольно сложным. Однако детальное изучение древних украшений, их спектральный анализ, уровень техники исполнения могут пролить свет на решение данной проблемы. Важную роль в деле определения этнокультурных связей между соседствующими и дальними областями региона играла орнаментация ювелирных изделий, применение местного антуража в их исполнении. Характер массового производства изделий, фрагменты браков, присутствие своеобразных форм и элементов в изделиях говорят об их местном исполнении. Перемещение по тем или иным причинам таких предметов из одной страны в другую географическую область уже предполагает этнокультурный контакт. В результате них предметы в новых условиях претерпевали некоторые модификации. Некоторые разнородные металлические артефакты могут содержать аналогии, что также свидетельствует об этнокультурных контактах. Примером может служить вышеупомянутая бронзовая антропоморфная скульптура из Грузии, где на ушах изображённого человека имеются серьги (с висячими зернями в форме перевёрнутого треугольника), идентичные серёжкам с зернями из античного Мингячевира.

Археологическими раскопками в Грузии выявлено множество обработанных бусин как из собственно бронзы (в основном биконической формы), так и из полудрагоценных камней – сардиона, оникса, агата, янтаря, кораллов и горного хрусталя. Некоторые из них импортировались из восточных стран. В Азербайджане в эпоху бронзы и железа встречались преимущественно бронзовые бусы округлой формы, реже бусы биконической формы. Видимо, бусины биконической формы попадали сюда в результате торговых и иных контактов с иберами.

Впоследствии художественный стиль бронзовых украшений отразился в ювелирных изделиях из золота и серебра. Некоторые характерные бронзовым украшениям традиционные орнаменты были взяты из керамики. Так, самый ранний элемент шишечек зафиксирован в древнем Азербайджане, на керамическом сосуде 6 тыс. до н.э. Позже такой элемент декора появился на металлических изделиях. В ювелирном производстве античной Грузии шишечками украшали золотые изделия – фигурки животных, серьги, в Албании – височные кольца, пластины, серьги. В результате этнокультурных контактов появляются ажурные медальоны. В селе Доланлар (Гарабаг) выявлены своеобразные ажур-

ные (филигрань) подвески. Такого же рода ажурная подвеска – лунница – найдена в древней Грузии.

Несмотря на трудность определения генезиса тех или иных артефактов, маршрутов их распространения некоторые предметы и элементы материальной культуры всё же указывают на контакты народов. Их показателем является появление идентичных артефактов на разных территориях, отсутствие их массового производства на новых местах при возможном незначительном копировании форм пришлых предметов с добавлением местных приёмов и орнаментов. Другим проявлением контактов между народами являются находки редких, своеобразных изделий, которые, возможно, являлись дарованными или трофейными и представляли собой готовые изделия. Получившие распространение популярные предметы-подражания, как правило, отличались от оригиналов сырьем и техникой исполнения.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interest.

ЛИТЕРАТУРА

- Асланов Г.М., Голубкина Т.И., Садыхзаде Ш.Г. Каталог золотых и серебряных предметов из археологических раскопок Азербайджана. Баку, 1966.
- Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку: Элм, 1990.
- История Дагестана. Т. I / В.Г. Гаджиев (отв. ред.). М.: Наука, 1967.
- Казиев С.М. Археологические раскопки в Мингячевире // Материальная культура Азербайджана. Книга 1. Баку: Изд. Академии Наук Азербайджанской ССР, 1949. С.10–49.
- Лордкипанидзе О.Д. Древняя Колхида. Тбилиси, 1979.
- Лордкипанидзе О.Д. Город-храм Колхиды. М.: Главная редакция восточной литературы издательства “Наука”, 1978.
- Левинатов В.Н. Азербайджан с V в. до н.э. по III в.н.э. // Известия АН Азерб. ССР. 1950. № 1. С. 65–95.
- Мартынов А.И. Археология. Уч. пособ. 1-е изд. Москва: Высшая школа, 1973.
- Минкевич-Мустафаева Н.В. Об археологических находках из селения Доланлар // Материальная культура Азербайджана. Т. I. Баку, 1949. С. 50–71.
- Очерки истории Грузии. Том 1: Грузия с древнейших времён до IV в. н.э. / Редакторы: Г. Меликишвили, О. Лордкипанидзе: Академия Наук Грузинской ССР, Институт истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили ССР. Тбилиси: Мецниереба: Тип. АН ГССР, 1989.
- Османов Ф.Л. История и культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.) (на основании археологических материалов). Баку: «Тахсил», 2006.
- Раджабли А. Нумизматика Азербайджана (очерки истории монетного дела и денежного обращения Азербайджана). Баку, 1997.
- Самедова С.Т. Этнография древнего Азербайджана. Античный период (IV в. до н. – III в. н.э.). 1-е изд. Баку, 2018.
- Садыхзаде Ш. Древние украшения Азербайджана. Баку: Ишыг, 1971.

Халилов Дж. А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку: Элм, 1985.

Халилов Дж.А. Серебряное блюдо с позолотой из древней Шамахи // Вестник древней истории. 1976. № 3. С.145–149.

Чиковани Г. Глиняный сосуд с седьмого погребения из раннеземледельческого поселения Арухло Квемо-Картли // Материалы конференции «Археология, этнография, фольклористика и культура». Баку, 2005. С.178–179.

Kakhidze A., Shalikadze T., Partenadze T. Batumi Archaeological Museum Treasure. Catalogue. Batumi, 2015. URL: <https://visitbatumi.com/en/museums-970/batumi-archaeological-museum-680> (дата обращения: 31.03.2025)

Rəcəbova B.Ə. Azərbaycanca orta əsrlərdə qadın bəzəkləri (IV – XIII əsrlər). Bakı: Elm, 2000.

Rzayev N.İ. Manna inçəsənəti // Qobustan. 1960. №3. S.78–83.

REFERENCES

Aslanov G.M., Golubkina T.I., Sadykhzade Sh.G. (1966) *Catalog of gold and silver objects from archaeological excavations of Azerbaijan*. Baku. (In Russ.)

Babayev I.A. (1990) *Cities of Caucasian Albania in the 4th century BC – 3rd century AD*. Baku: Elm Publ. (In Russ.)

Chikovani G. (2005) Clay vessel from the seventh burial from the early agricultural settlement of Arukhlo Kvemo-Kartli. In: *Proceedings of the conference "Archaeology, ethnography, folklore and culture"*. Baku: 178–179. (In Russ.)

Essays on the history of Georgia. (1989) Vol. 1: Georgia from ancient times to the 4th century. G. Melikishvili, O. Lordkipanidze (eds.): Georgian SSR Academy of Sciences, I.A. Dzha-vakhishvili Institute of History, Archaeology and Ethnography. Tbilisi: Metsniereba: Georgian SSR Academy of Sciences Print. (In Russ.)

History of Dagestan. (1967) T.I. Gadzhiev V.G. (ed.). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Kakhidze A., Shalikadze T., Partenadze T. (2015) Batumi Archaeological Museum Treasure. Catalogue. Batumi. URL: <https://visitbatumi.com/en/museums-970/batumi-archaeological-museum-680> (accessed: 31.03.2025)

Kaziyev S.M. (1949) Archaeological excavations in Mingachevir. In: *Material Culture of Azerbaijan*. Book 1. Baku: Azerbaijan SSR Academy of Sciences Publ.: 10–49. (In Russ.)

Khalilov Dzh.A. (1976) Silver dish with gilding from ancient Shamakhi. *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of ancient history]. No. 3: 145–149. (In Russ.)

Khalilov Dzh.A. (1985) *Material culture of Caucasian Albania (4th century BC – 3rd century AD)*. Baku: Elm Publ. (In Russ.)

Leviatov V.N. (1950) Azerbaijan from the 5th century BC to the 3rd century AD. *Izvestiya Akademii nauk Azerbaydzhanskoy SSR* [Bulletin of the Azerbaijan SSR Academy of Sciences]. No. 1: 65–95. (In Russ.)

Lordkipanidze O.D. (1978) The temple-City of Colchis. Moscow: Main Editorial Board of Eastern Literature, Nauka Publ. (In Russ.)

Lordkipanidze O.D. (1979) *Ancient Colchis*. Tbilisi. (In Russ.)

Martynov A.I. (1973) *Archaeology*. Study Guide. Vol. 1. 1st ed. Moscow: Higher School Publ. (In Russ.)

Minkevich-Mustafayeva N.V. (1949) On the archaeological finds from the Village of Dolanlar. In: *Material culture of Azerbaijan*. Vol.1. Baku: 50–71. (In Russ.)

Osmanov F.L. (2006) *History and culture of Caucasian Albania (4th century BC – 3rd century AD) (based on archaeological materials)*. Baku: Takhsil Publ. (In Russ.)

- Radzhabli A. (1997) *Numismatics of Azerbaijan (essays on the history of coinage and money circulation of Azerbaijan)*. Baku. (In Russ.)
- Rajabova B.A. (2000) *Women's ornaments in the Middle Ages in Azerbaijan (4th – 13th centuries)*. Baku: Elm Publ. (In Azer.)
- Rzayev N.I. (1960) Manna art. *Qobustan* [Gobustan]. No 3: 78–83. (In Azer.)
- Sadykhzade Sh. (1971) *Ancient jewelry of Azerbaijan*. Baku: Ishig Publ. (In Russ.)
- Samedova S.T. (2018) *Ethnography of ancient Azerbaijan. Antique period (4th century BC – 3rd century AD)*. 1st ed. Baku. (In Russ.)

Сведения об авторе: Самедова Севда Тофик гызы, доктор философии по истории, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. А.А. Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана (AZ1141, ул. Г. Джавида, 31, Баку, Азербайджан); <https://orcid.org/0009-0005-8080-1514>; e-mail: sevasamadova@mail.ru

About the author: Sevda T. Samedova, PhD (History), Associate Professor, Leading Researcher, A.A. Bakikhanov Institute of History and Ethnology of the Azerbaijan National Academy of Sciences (31 G. Javid St., Baku AZ1141, Azerbaijan); <https://orcid.org/0009-0005-8080-1514>; e-mail: sevasamadova@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 17.12.2024

Доработана после рецензирования / Revised 31.03.2025

Принята к публикации / Accepted 30.04.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.180-191>

EDN: CXIQTR

Традиции туркменского народа, связанные с беркутом

Т.Б. Хоммиев

*Туркменский государственный университет им. Махтумкули
Ашхабад, Туркменистан
hommyyewt@mail.ru*

Резюме. В статье поднимается вопрос о системе взаимоотношений человека и природы. Автор обращается к анализу народных традиций туркмен, связанных с фауной, хищными птицами. По данной теме отсутствуют специальные научные статьи и монографии. В этой связи автор обращается к археологическим, этнографическим данным и материалам собственных полевых исследований. Выявлено, что на находках, обнаруженных во время археологических изысканий на территории Туркменистана, имеются различные изображения хищных птиц. Рисунок беркута украшал походный шатер Огуз хана, а верховные правители, ханы и беки присваивали себе или называли своих сыновей именами, связанными с этой птицей. В народных эпосах, легендах и сказках беркут описывается как смелая и благородная птица. Среди народа были распространены обычаи и традиции, соотносящие рождение ребёнка с ней или с отдельными природными явлениями. Так, образ беркута ассоциировался с плодородием и водой. У туркмен сохранились свидетельства, повествующие о жизни и поведенческих особенностях этой птицы. Насест хищной птицы считался священным. Изображения беркута устанавливаются на воротах домов, хозяева верят в защиту жилища от разных бед. В статье описываются уникальные способы поимки крупных орлов – с помощью оружия, сетей и капканов. Проведённое исследование показало, что у туркмен, как и у других тюркских народов, бытовали нравственные принципы, регулирующие правила взаимодействия с природой. Исследование основывалось на сравнительно-историческом методе и методе системного анализа.

Ключевые слова: Туркменистан, туркмены, беркут, этнографические источники, верования, традиции, сезоны.

Для цитирования: Хоммиев Т.Б. Традиции туркменского народа, связанные с беркутом. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 2. С. 180–191. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.180-191> EDN: CXIQTR

The Turkmen people's traditions associated with the golden eagle

T.B. Hommyyev

Magtymguly Turkmen State University

Ashgabat, Turkmenistan

hommyyewt@mail.ru

Abstract. The article takes up the issue of the system of relationships between man and nature. The author turns to the analysis of Turkmen folk traditions that engage with the fauna and birds of prey. There are no dedicated academic papers or monographs on the given topic. In this regard, the author turns to archaeological, ethnographic data and materials from his own field research. It was revealed that the finds discovered during archaeological excavations on the territory of Turkmenistan contain various images of birds of prey. For instance, an image of the golden eagle decorated Oguz Khan's field tent; the supreme rulers, khans and beks named themselves or gave to their sons names associated with this bird. Folk epics, legends and fairy tales describe the golden eagle as a brave and noble bird. There were certain customs and traditions, which were widespread among the people and correlated the birth of a child or particular natural phenomena with the bird. Thus, the image of the golden eagle was associated with fertility and water. The Turkmen have preserved evidence that tells about the life and behavioral characteristics of this bird. The perch of this bird of prey was considered sacred. Images of the golden eagle are installed on the gates of houses; the owners believe in the protection of the home from different kinds of troubles. The article describes unique ways of catching large eagles – with weapons, nets, and traps. The study shows that the Turkmen, like other Turkic peoples, had moral principles that regulated the rules of interaction with the nature. The study is based on the comparative-historical method and the system analysis method.

Keywords: Turkmenistan, Turkmen, golden eagle, ethnographic sources, beliefs, traditions, seasons.

For citation: Hommyyev T.B. (2025) The Turkmen people's traditions associated with the golden eagle. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 2: 180–191. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.180-191> (In Russ.)

В результате многовековых пристальных наблюдений народов за жизнью и поведением птиц сложились устойчивые, передаваемые из поколения в поколение представления о самобытном характере и поведенческих особенностях пернатых. Большой научный интерес вызывают представления туркмен о такой хищной птице как беркут. На достаточно большом количестве выявленных в разные годы исторических артефактах, в частности фрагментах керамики, обнаруженных в Алтын-депе, Маргиане, Нисе, в древнем Хорезме, зафиксированы изображения этой птицы, занимающей самые различные позы, порой с расправленными, а в ряде случаев со сложенными крыльями (Губаев, Дурдыева, 1990: 25). Определить зоологический вид на изображениях практически невозможно, но сами рисунки подтверждают, что птицы в целом, и беркут, в частности, занимали значимое место в культуре и верованиях народов в прошлом.

В этнографической науке и народоведении до сих пор не проводилось специальных научных исследований, посвящённых верованиям туркмен, связанных с беркутом. Исключением является монография С.М. Демидова «Растения и животные в легендах и верованиях туркмен». Хотя это научное исследование посвящено легендам и поверьям туркмен о животных и растениях, тем не менее в нём имеются ценные сведения о древних верованиях, связанных с мифическими птицами, рожденными народной фантазией (Демидов, 2020: 446). Попытка проанализировать народные приметы туркмен, обусловленные многовековой практикой взаимоотношений человека с беркутом, высокогуманными принципами, выражавшиеся в бережном отношении к пернатому, установлению особых доверительных с ним отношений, предпринята другими исследователями, привлекающими различные исторические источники, полевые этнографические данные (Горкут ата, 1990; Огузнаме, 2000; Rasid al-din, 1960).

Автором статьи собраны этнографические данные по теме, проведен их анализ, изучена научная и популярная литература, исторические источники. При исследовании вопроса использовался сравнительно-исторический метод и метод системного анализа. Географические и хронологические рамки исследования охватывают территорию современного Туркменистана и его историческое прошлое.

С древних времён жизнь человека была теснейшим образом связана с природой. Постоянно взаимодействуя с окружающей реальностью и создавая внегенетический способ адаптации, люди никогда не утрачивали контакт с окружающим миром, в том числе с фауной и флорой. Образ беркута является достаточно древним и присутствует в культуре многих народов. Например, в мировоззрении якутов эта птица воплощает в своём образе многие добродетели и нравственные качества (Суздалова, 2020: 104–105).

Исторические данные свидетельствуют о том, что у предков туркмен в течение длительного периода времени были выработаны ценностные установки в части их взаимодействия с соколами и беркутами, которых использовали для охоты. Изображение беркута украшало походный шатер Огуз хана (Огузнаме, 2000: 59). В эпосе «Огуз-наме», в письменных источниках говорится о том, что Огуз хан определил в качестве тотемов своим сыновьям и их потомкам птиц семейства орлиных. Можно предположить, что этим он хотел подчеркнуть, что его наследникам должны быть присущи такие качества указанного семейства пернатых как величие, гордость, мощь и стремительность. В «Огуз-наме» сказано: «Огуз хан усадил своих сыновей по обе стороны, справа установил знамя с золотым древком, украшенный сверху золотым беркутом, а слева знамя с серебряным древком и с серебряным соколом» (Огузнама, 2000: 59–60).

В знаменитом труде Махмуда Кашгари «Словарь тюркского языка» отмечено, что на знамени Огуз хана, которое считалось государственным символом, был изображен двуглавый орёл. Головки рукояток парфянских мечей нередко украшали головы беркутов. Их изображения встречаются на боевых щитах, найденных в Нисе (Гундогдыев, 2003: 8–9).

Следуя традиции Огуз хана, верховные правители, ханы и беки присваивали себе или называли своих сыновей именами, связанными с хищной птицей. Так, например, имя туркменского правителя Тогрула, основавшего со своим братом Чагрыбеком государство Великих туркмен-сельджуков, в переводе означает «князь-сокол». Это было связано с тем обстоятельством, что предки сельджукских султанов Дукак и Арслан были искусными охотниками и в свое время занимали должность ловчего (Агаджанов, 1969: 169).

Изображения беркута и сокола встречается на амулетах и талисманах, найденных в Древнем Мерве. Это свидетельствует о широко распространенном на туркменских землях веровании в сияющий образ птицы Фарр – символа огнепоклонничества. Прообразом птицы Фарр послужило изображение волшебной птицы Хумай – широко распространенного персонажа тюркской мифологии, визуально очень напоминавшей беркута. Образы беркута и сокола олицетворяют собой горящий огонь – символ процветания и власти (Гундогдыев, 2003: 11).

Султаны великого туркменского государства Сельджуков любили соколиную охоту и прекрасно разбирались в ее тонкостях (Агаджанов 1969: 169; Гордлевский, 1941: 54–56). Согласно средневековым письменным источникам, туркмены-огузы поклонялись хищным птицам (Rasid al-din, 1960: 106). Великие правители сделали своим символом стремительного и ловкого, никогда не упускающего добычу, отважного беркута. Образ этой птицы, минуя столетия, не утратил символической семантики. Его героический облик продолжает жить и поныне. Например, его изображение присутствует на штандарте Президента независимого Туркменистана.

Соколы, беркуты считаются одними из самых смелых существ туркменской природы. На территории Туркменистана они обитают вблизи озера Карабогаз, в Больших и Малых Балханах, в горах Копетдага, в Бадхызе, Койтендаге и в Каракумах. Беркуты – моногамные, очень верные птицы. Они как правило, остаются в местах гнездования, даже тогда, когда им не хватает пищи. Эти птицы выют гнезда на склонах гор, в можжевельниках и саксаулах в пустынных местностях.

Орлы с длиной от кончика клюва до кончика хвоста в 1 метр и размахом крыльев более 2 метров считаются одними из крупнейших хищных птиц. У туркмен существует множество народных представлений, связанных с орлом: «Достигнув четырёхлетнего возраста и набрав полную силу, вес орла превышает 6 кг. Орлы обладают высокой выносливостью к голоду – за один раз могут съесть до 1 кг мяса и при этом способны обходиться без пищи до месяца. Их зрение в семь раз острее, чем у человека. Они могут долго не моргать и даже смотреть прямо на солнце» (ПМА, 2024: Рахимов). Они откладывают по два яйца и ранней весной высиживают птенцов. Орлиный птенец вылуплялся спустя 72 дня насиживания яиц – в момент цветения гармалы. Однако добыть 5–10-дневного птенца было непростой задачей (ПМА, 2025: Широу). По поверьям туркмен, птенцы беркута оперяются за сорок дней, а по прошествии двух с по-

ловиной месяцев уже могут летать. Известно, что у беркута чрезвычайное острое зрение. В этом ему практически нет равных среди животных (Хакыев, 1978: 67). Лежа на спине, беркут яростно размахивает лапами с когтями, острыми как лезвие, царапает руки людей, не давая взять себя. Царапины от орлиных когтей превращались в долго заживающие, трудно излечимые раны (ПМА, 2025: Широв).

Особенность зрения хищной птицы веками использовалась человеком во время соколиной охоты, чрезвычайно популярной и в наши дни в странах Азии, в том числе в Туркменистане.

Туркмены считают орла отважной птицей, в том числе и потому, что он в состоянии сам добывать себе пищу. В отличие от некоторых других хищных птиц, он не посягает на добычу, убитую другими животными, не питается падалью.

Туркменские охотники с ловчими птицами различают три вида орлов по цвету головы.

1) Синий клюв (*гөксеңңир*) – это орлы, которые жили на скалистых вершинах высоких гор. Они обитали в Копетдаге, Койтендаге, Бадхызе, на западных крутых утёсах Балканского хребта, южных скалистых окраинах Устюртского плато, возвышенностях Карабогаз. Туркмены считали гёксенгира самым крупным, сильным, ловким, дерзким и смелым из орлов.

2) Чёрный клюв (*гарасеңңир*) – это орлы, которые обитали в высоких холмистых степях. По сравнению с гёксенгиром они считались менее агрессивными.

3) Белый клюв (*аксеңңир*) – у таких орлов белые хвост, брюхо, а в большинстве случаев и голова. По размеру, весу и храбрости они уступают только горному орлу *гөксеңңир*. Они обитали в прибрежных скалах, на утёсах Акгири, Устюртского плато и гористых районах Карабогаз. Кроме мелких животных аксенгиры охотились на водоплавающих птиц и рыбу в прибрежных водоёмах¹.

Обученных охоте птиц делили по возрасту: в годовалом возрасте их называли *балажжа* (маленький), в два года – *бозжжа* (серенький), в три года – *даш ганат* (каменное крыло), в четыре года – *демир ганат* (железное крыло), в пять лет – *буз балак* (ледяные ноги), с шести до десяти лет – *боз бургут* (серый орёл) или *баяр*, с десяти до двадцати лет – *обачы* (возвращающийся в селение), потому что если такой орёл не мог поймать добычу или уставал на охоте, то возвращался к месту, где его содержали². Птиц старше двадцати лет называли *мола* (погружённый в задумчивость, неподвижный). Хотя орлы могут жить 40–50 лет, после двадцати они назывались старыми. Считалось, что старый орёл становится ленивым и не любит подниматься в небо. Он предпочитает сидеть на возвышенности неподвижно, как статуя, весь день, ожидая, когда рядом появится ослабленное или больное мелкое животное. В основном

¹ Gurbanow Ö. Şaglap inýän bürgütler // Balkan. 2016. 17 noýabr. S. 4. (№138).

² Там же.

он довольствуется легкодоступной добычей, такой как тушканчики или мыши (Гурбанов, 2016: 4).

У тюркских народов существовала целостная система отлова крупных птиц – с помощью оружия, сетей и хитроумных капканов. Кроме традиционных способов ловли хищных пернатых, практиковались иные методы их отлова, когда птенцов забирали из гнезда и выращивали в домашних условиях. У туркмен сохранились уникальные способы поимки крупных орлов. В месте чуть более просторном, чем жилище скотоводов *юрт*, они устанавливали сетку с крупными ячейками, натянутую на высоте более двух метров, с немного суженной верхней частью. В центре ловушки размещали шкуру лисы, наполненную соломой, к которой привязывали две чёрные вороны.

Орлы считали ворон злейшими врагами, потому что те проникали в их гнёзда и разбивали яйца. Поэтому, где бы орёл ни увидел ворону, он всегда нападал на нее с особой яростью. Оказавшись в ловушке, орёл устремлялся на ворону, попадал в сеть и оказывался пойманным. Чтобы он не смог улететь, его крепко привязывали прочной верёвкой (ПМА, 2024: Рахимов).

В.В. Бартольд – один из первых учёных, посвятивший научные работы теме тесной взаимосвязи человека и хищной птицы. Он отмечал, что у тюркских народов существует поверье, согласно которому человек после смерти превращается в хищную птицу или какое-нибудь другое мелкое животное. Учёный подчеркивал, что именно у тюркских народов в момент ухода человека из жизни, говорили, что он «улетел». Например, в Западном Туркменистане про человека, покинувшего бренный мир, говорили, что он «стал соколом» или «стал беркутом» (Бартольд, 1968: 30). В культе птиц у башкир, как и в верованиях других народов, можно найти различные стадии развития общественного сознания. Башкиры верили, что чудодейственными свойствами обладают не только тотемные птицы, но и их отдельные части (как воплощение тотема): крылья, когти, клювы, пух, кровь, желчь, слюна, изображения. Башкиры при тяжёлых родах роженице давали пить воду, прополоскав в ней орлиный коготь. Орлиным когтем царапали злокачественные опухоли и человека, больного бешенством. Когти орла прикрепляли к колыбели ребёнка, а взрослые носили их при себе – так, по их мнению, не прикоснётся никакое поветрие. Орлиный клюв знахари использовали как надёжное средство магического лечения от зловредных сил (Илимбетова, 2023: 230–232).

О происхождении человека от беркута говорится в героическом эпосе туркменского народа «*Горкут ата*», в котором отважные, сильные духом люди уподобляются беркутам. Один из героев эпоса Бамсы Бирек говорит: «Опора всех юношей с обильным достатком с рядами белых юрт, с конями в конюшнях, надежда для нас немощных – черный тигр, дитя беркута, опора Туркестана, хозяин бурого коня, зять хана Баяндыра, отец хана Ораза, господин Газан!» (Горкут ата, 1990: 80).

У многих народов Центральной Азии, в частности, у туркмен бытовало немало поверий, связанных с беркутом. Например, у юго-западных туркмен

существовали древние представления о влиянии охотничьих птиц на рождаемость. Они верили, что, если тень летящего беркута (черной птицы) ляжет на женщину, она не сможет родить. Чтобы избежать этой опасности необходимо было поймать беркута и держать его дома. Черную птицу держали пока у женщины не появится ребёнок (ПМА, 2018: Тагангылыджова). В Западном Туркменистане из хищной птицы изготавливают чучело, давая следующее объяснение: «...В случае если в семье родился мёртвый младенец, во дворе устанавливали чучело беркута с распростёртыми крыльями. Они верили, что это чучело содействует благополучным родам и защищает новорожденного от злого духа» (Симаков, 1998: 40).

По традиционным поверьям киргизов и казахов, если у женщины умирал новорожденный ребёнок, то в дом приносили беркута и держали его дома в течение сорока дней. По древним представлениям беркут обладал особой магической силой, способной защитить новорожденного младенца. Данная традиция сохранялась на протяжении веков и в полной мере соответствовала религиозным представлениям народов Средней Азии и Казахстана (Симаков, 1998: 40). Французский топограф Гулибеф де Блоквиль, вынужденный в 60-х годах позапрошлого века некоторое время прожить в Мерве, отмечал: «Туркмены, чтобы защитить своих детей от дурного глаза, надевали на них амулет из когтей хищных птиц, покрытых серебром» (Генри, 1992: 60).

У туркмен сохранились интересные свидетельства, повествующие о жизни и поведенческих особенностях беркута. Как правило, гнездо птица устраивает на высоких скалах, в укромных местах, где на свет появляется её потомство. Существует легенда о том, что после того, как птенцы подрастают, самый сильный из них выталкивает остальных из гнезда. Таким образом, оставшийся один птенец беркута становится продолжателем сильного, здорового потомства (ПМА, 2018: Деряев).

Раз в семь лет для беркута устраивали специальные соревнования, которые называются *бүргүт сечгиси* (отбор беркута). Обычно они происходили в следующей последовательности: ведущий беркут взлетает прямо вверх и парит высоко в небе, другие пытаются следовать за ним. Если какой-либо беркут не может следовать за стаей, это означает, что он стар или болен. Очевидно, что во время такого испытания слабые и больные птицы погибают. В среде охотников существует поговорка, гласящая, что «не встретишь беркута, который умирает от старости». Вероятно, она возникла в связи с тем, что многие из птиц погибают во время прохождения таких сложных отборов (ПМА, 2017: Бекгиев).

Существует легенда, повествующая о том, как одна уже немолодая самка беркута отложила два яйца, одно из которых она положила рядом с собой, а другое стала высиживать. После того как из треснувшего под ней яйца вылупился птенец, она стала высиживать второе, уже успевшее обветриться. Самка до последнего вздоха продолжает высиживать яйцо и умерла лишь, услышав голос птенца. Этот закаленный с самого своего рождения птенец становится впоследствии птицей-вожаком (ПМА, 2018: Рахмедов).

Согласно другой легенде, у одного беркута, достигнувшего сорокалетнего возраста, когти на лапах и клюв искривились и стали затруднять добычу пищи. Оказавшись в такой сложной ситуации, он устроил гнездо в расщелине скалы и стал понемногу накапливать запасы пищи. Затем он стал наносить клювом удары по камням, стремясь укоротить его. Перенося ужасную боль, птица в течение пяти месяцев не могла покинуть своего гнезда, питаясь заготовленной заранее пищей. Когда же беркут с помощью клюва укоротил скрюченные когти, обретя вновь способность легко добывать пропитание, он прожил еще сто лет (ПМА, 2017: Аширмаммедов).

В начале весны начинаются дни, называемые «замораживающие беркута». В этот период стоят необычные холода, идет снег с дождем, замерзает вода в водоёмах. В это время появляются на свет птенцы беркута. Несмотря на то, что ещё неоперившихся птенцов беркут прикрывает крыльями, часть потомства гибнет от холода. Существует поверье, что после того, как птенцы вылупляются, наступают теплые дни (ПМА, 2017: Арнагурбанов).

Исследователь В.А. Бурнаков, пишет, что в мировоззрении хакасов бытовало представления, что орел постоянно парит в небе и лишь в редких случаях опускается на скалы (Бурнаков, 2010: 158). В хакасской мифологии распространен сюжет, в котором благодаря мудрости орла спасается Солнце (Бурнаков, 2010: 161). Учёный Л.Я. Штернберг, автор серьезного научного исследования «Культ орла у народов Сибири», был одним из первых, кто начал изучение проблемы возникновения и бытования культа хищных птиц в верованиях. Он считал культ орла достаточно широко распространённым явлением в представлениях многих народов Сибири, сочетающимся с поклонением Солнцу (Штернберг, 1936: 112–126). Данный культ особенно широко распространился в религиозных представлениях индоевропейских народов, у древних ариев (Ушницкий, 2021: 162).

Л.Я. Штернберг приводит немало пословиц, интересных и ценных исторических свидетельств, воспоминаний очевидцев, связанных с ловчими птицами. Он отмечает, что у каждого народа существуют разные традиции, связанные с беркутом: «Культ орла, как нам известно, усовершенствован во всех отношениях. Несмотря на особенности каждого народа, каждой расы, мы видим, что орел занимает огромное место в их культуре» (Штернберг, 1936: 112–126). В работе автор выделяет следующие семь основных черт, присущих бытующему у многих народов мира культу орла, в частности, у сибирских народов: 1) орел – хозяин и повелитель Солнца; 2) орел – хозяин огня; 3) орел – возродитель природы, а также бог плодородия и плодовитости; 4) орел – творец всего сущего; 5) орел – типичный тотем; 6) орел – родоначальник и творец шаманов; 7) связь орла с так называемым мировым или шаманским деревом (Штернберг, 1936: 112–126).

Образ беркута тесно связан с понятиями плодородия и воды. Климат Туркменистана очень засушливый, а воды здесь всегда не хватало, вследствие чего собираемые урожаи в этих местах в прежние времена были невысокими.

Птица, резвящаяся у водоёма, у народов Средней Азии и Казахстана ассоциировалась с *Буркут-баба* – покровителем воды. Люди, держащие ловчих птиц, верили, что если ей в период отдыха давать достаточно воды, то следует ожидать обильных дождей и богатого урожая. На юге и западе Туркменистана в народной среде издревле существовали верования в покровителя воды *Буркут-баба* и *Мирхайдара*, бога ветра (Симаков, 1998: 30–31).

У туркмен сохранились некоторые верования, связанные с орлиным насестом. Насест хищной птицы называется *тугур* и считается священным. Если охотничий орёл умирал, то люди старались как можно быстрее завести другого орла, чтобы «насест не оставался без хозяина». Иногда насест передавали другому охотнику, чтобы оно не «пустовало» в доме. Существовал особый обряд проверки старости птицы: так охотник, держа орла на руке, отпускал его перед насестом. Если орёл безошибочно прыгал и приземлялся на своё место, считалось, что он ещё не стар. Если же промахивался или падал, говорили: «Птица соскользнула с насеста». После этого её уже не использовали для охоты (ПМА, 2024: Рахимов).

Среди туркмен бытовало понятие *бүргүт гүзери* (орлиный простор) – самая высокая точка в небе, до которой мог добраться орёл. Считалось, что туда не может подняться ни одна другая птица. В народе верили, что гора без орлиного гнезда чувствует себя одинокой, поэтому орла почитали как священную птицу. Существовало поверье: если человек 50 лет держал орла, то он не болел, а когда умирал, то уходил из жизни не от болезни, а от старости – как настоящий орёл (ПМА, 2025: Курбанова).

У туркмен существовало поверье в то, что с одним беркутом нельзя охотиться более семи лет кряду и потому по истечении этого срока птицу отдавали другому охотнику в качестве «пожертвования». По этой причине у многих охотников имелось по несколько охотничьих птиц (Атаев, 1965: 11). Бытовало поверье, согласно которому во время проведения свадебных или траурных мероприятий ловчую птицу запрещалось выносить из дома (ПМА, 2018: Хумметджумаева).

В туркменских селениях есть мастера, которые из разных материалов изготавливают изображения беркута. Они устанавливаются на воротах домов. Хозяева верили, что это изделия должны были защитить их и жилье от разных бед и несчастий (ПМА, 2025: Курбанова). Эти древние культовые артефакты свидетельствуют о том, что поверья, связанные с птицами, бытуют и поныне. Упомянутые народные традиции туркмен являют собой яркий пример использования бесценного опыта предков в современном экологическом воспитании молодежи, познания ими уникальных тайн родной природы.

Сегодня многие туркменские традиции и разговорные обороты речи, связанные с орлами, утрачены. Уже около полувека в Туркменистане не практикуется охота с орлами. Такие понятия, как *бүргүт сечгиси* (отбор орлов), *бүргүт гүзери* (орлиный простор), *бүргүт доңдуран* (замораживание орла), лишь изредка встречаются в речи старшего поколения и постепенно уходят в прошлое.

В туркменской литературе, как и в культурах других народов, имеются прозаические произведения и стихи об орлах. Они передают молодому поколению представления об этой гордой птице. Описанные в статье сведения помогают раскрыть значение орла в народных традициях, поверьях и нравственных устоях туркмен.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ПМА 2017 – Полевые материалы автора. Записано в 2017 г. в с. Амаша-гапан, Тедженского этрапа Ахалского ваята от А.Аширмаммедова (1952 г.р).

ПМА 2017 – Полевые материалы автора. Записано в 2017 г. в с. Гаравекил, Бабадайханского этрапа Ахалского ваята от Р.Бекгиева (1946 г.р).

ПМА 2017 – Полевые материалы автора. Записано в 2017 г. в с. Эрден, Тахтабазарского этрапа Марыйского ваята от О.Арнагурбанова (1937 г.р).

ПМА 2018 – Полевые материалы автора. Записано в 2018 г. в с. Эрден, Тахтабазарского этрапа Марыйского ваята от О.Хумметджумаевой (1937 г.р).

ПМА 2018 – Полевые материалы автора. Записано в 2018 г. в с. Узынсуй, Берекетского этрапа Балканского ваята от Д.Тагангылыджовой (1944 г.р).

ПМА 2018 – Полевые материалы автора. Записано в 2018 г. в с. Берекет, Иолатанского этрапа Марыйского ваята от М.Деряева (1951 г.р).

ПМА 2018 – Полевые материалы автора. Записано в 2018 г. в с. Мерв, Байрамалинского этрапа Марыйского ваята от Н.Рахмедова (1950 г.р).

ПМА 2024 – Полевые материалы автора. Записано в 2024 г. в с. Мадав, Этрекского этрапа Балканского ваята от А.Рахимова (1940 г.р).

ПМА 2025 – Полевые материалы автора. Записано в 2025 г. в г.Ашхабада от О. Курбановой (1947 г.р).

ПМА 2025 – Полевые материалы автора. Записано в 2025 г. в г.Ашхабада от Х. Широга (1950 г.р).

ЛИТЕРАТУРА

Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии в IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969.

Атаев К. Охота у туркмен Ахала в конце XIX – начале XX в. // Известия АН ТССР. Серия общественных наук. 1965. № 5. С. 8–13.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. Москва: Издательство «Наука», 1968.

Бурнаков В.А. К вопросу о культе орла у хакасов // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. IV. Барнаул: Изд. Алт ГУ, 2010. С. 153–164.

Генри де Блоквиль. Туркменлериңкиде есирликде. Ашгабат: Алтын гушак, 1992.

Гордлевский В. Государство Сельджукидов в Малой Азии. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941.

Губаев А., Дурдыева К. Изображение животных на археологических находках и их связь с народными верованиями // Памятники Туркменистана. 1990. № 1. С. 24–26.

Демидов С.М. Растения и животные в легендах и верованиях туркмен. М.: Старый сад, 2020.

Илимбетова А.Ф. Культ птиц в религиозно-мифологической системе башкир // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12. № 1. С. 230–234. <https://doi.org/10.55355/snv2023121217>.

Огузнама. Ашгабат, 2000.

Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб.: Петербургское востоковедение, 1998.

Суздалова У.П. Семантика образа орла в традиционной культуре якутов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 4 (45) С. 104–110. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2020-4-104-110>

Ушницкий В.В. Тотем орла в мифологических представлениях саха и бурят // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. Вып. 2. С. 161–170. <https://doi.org/10.2351/2307-6119-2021-2-161-170>.

Хакыев А., Гурбанов О. Түркменистаның ав ёдаларында. Ашгабат: Түркменистан, 1978.

Штернберг Л.Я. Культ орла у сибирских народов // Первобытная религия в свете этнографии. Ленинград: Ин-т народов Севера, 1936. С. 112–126.

Горкут ата. Ашгабат: Түркменистан, 1990.

Gündogdyýew Ö. Türkmen baýdaklary. Aşgabat, 2003.

Raşid al-din Fazlallah. Cami al-tavarih. Selcuklular tarihi. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1960.

REFERENCES

Agadzhanov S.G. (1969) *Essays on the history of the Oghuz and the Turkmen of Central Asia in the 9th–13th centuries*. Ashgabat: Ylym Publ. (In Russ.)

Ataev K. (1965) Hunting among the Turkmen of Akhal in the late 19th – early 20th centuries. *Izvestiya AN TSSR. Seriya obshchestvennykh nauk* [Proceedings of the Turkmen SSR Academy of Sciences. Social Sciences Series]. No. 5: 8–13. (In Russ.)

Bartold V.V. (1968) *Written works*. Vol. 5. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Burnakov V.A. (2010) On the cult of the eagle among the Khakass. In: *The worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospective*. Vol. 4. Barnaul: Altai State University Press: 153–164. (In Russ.)

Demidov S.M. (2020) *Plants and animals in Turkmen legends and beliefs*. Moscow: Staryy Sad Publ. (In Russ.)

Gordlevsky V. (1941) *The state of the Seljuks in Asia minor*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

Grandpa Khorkut (1990). Ashgabat: Turkmenistan. (In Turkmen.)

Gubaev A. (1990) Durdyeva K. Depictions of animals on archaeological finds and their connection with folk beliefs. *Pamyatniki Turkmenistana* [Monuments of Turkmenistan]. No. 1: 24–26. (In Russ.)

Gündogdyýew Ö. (2003) *Turkmen flags*. Ashgabat. (In Turkmen.)

Khakyyev A., Gurbanov O. (1978) *Hunting trails of Turkmenistan*. Ashgabat: Turkmenistan. (In Turkmen.)

Henri de Bloquville. (1992) *Captivity among the Turkmen*. Ashgabat: Altyn Gushak Publ. (In Turkmen.)

Ilimbetova A.F. (2023) The cult of birds in the religious and mythological system of the Bashkirs. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science]. Vol. 12. No. 1: 230–234. <https://doi.org/10.55355/snv2023121217> (In Russ.)

Oguznama (2000). Ashgabat. (In Turkmen.)

Rashid al-din Fazlallah. *Mosque al-tavarih. History of the Seljuks* (1960). Ankara: Turkish Historical Society Publ. (In Turkish)

Shternberg L.Ya. (1936). The cult of the eagle among Siberian peoples. In: *Primitive religion in the light of ethnography*. Leningrad: Institute of the Peoples of the North: 112–126. (In Russ.)

Simakov G.N. (1998) Falconry and the cult of birds of prey in Central Asia (Ritual and practical aspects). St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies Publ. (In Russ.)

Suzdalova U.P. (2020) The semantics of the eagle image in the traditional culture of the Yakuts. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of Saint Petersburg State Institute of Culture]. No. 4 (45): 104–110. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2020-4-104-110> (In Russ.)

Ushnitskiy V.V. (2021) The totem of the eagle in the mythological representations of the Sakha and the Buryats. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. Issue 2: 161–170. <https://doi.org/10.2351/2307-6119-2021-2-161-170>. (In Russ.)

Сведения об авторе: Хоммиев Тойлы Бабагельдыевич, старший преподаватель, Туркменский государственный университет им. Махтумкули (744000, пр-т С.Туркменбашы, 31, Ашхабад, Туркменистан); <https://orcid.org/0009-0006-5641-9734>; e-mail: hommyyewt@mail.ru

About the author: Toyly B. Hommyyev, Senior Lecturer, Magtymguly Turkmen State University (31 Saparmurat Turkmenbashy Avenue, Ashgabat 744000, Turkmenistan); <https://orcid.org/0009-0006-5641-9734>; e-mail: hommyyewt@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 13.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised 14.04.2025

Принята к публикации / Accepted 14.05.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.192-206>

EDN: DYBDKQ

Праздник жизни и надежды (традиции и ритуалы Навруза у каракалпаков)

З.И. Курбанова

*Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук
Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан
Нукус, Республика Узбекистан
sapphire71@mail.ru*

Резюме. В статье рассматривается празднование Навруза (*Наўрыз* – каракалпак.) – одного из наиболее значимых и почитаемых праздников в культуре многих народов мусульманского мира, включая Центральную Азию и каракалпаков. Несмотря на то, что Навруз не является религиозным праздником, он был официально признан в мусульманском Иране и широко отмечается в земледельческих оазисах Центральной Азии. В отличие от религиозных праздников, дата которых определяется по подвижному лунному календарю, Навруз, ежегодно празднуется весной по солнечному календарю, в день весеннего равноденствия. Этот праздник символизирует начало нового года, отмечая пробуждение природы и новый жизненный цикл. Навруз обладает глубоким символизмом и занимает важное место в традиционном мировоззрении центральноазиатских народов. Его празднование связано с почитанием природных сил, единением человека с окружающим миром и ритуалами, направленными на обеспечение благополучия, здоровья и процветания в наступающем году. Это время радости, надежд и новых начинаний, когда люди собираются вместе, чтобы разделить трапезу, обменяться подарками и выразить добрые пожелания. В советское время традиционные праздники претерпели значительные изменения: масштабы религиозных и народных торжеств уменьшились, и из официальных публичных мероприятий с массовыми гуляньями они трансформировались в семейные праздники. Такая же участь постигла Навруз. Широкие народные гулянья Навруза сначала сократились до торжеств местного значения, а затем и вовсе исчезли. Возрождение праздника связано с постсоветским периодом. Сегодня Навруз является неотъемлемой частью культурного наследия народов Центральной Азии. Праздник сохраняет связь с вековыми традициями и передается из поколения в поколение.

Ключевые слова: Навруз, сумелек, *наўрызлык гөже*, весеннее равноденствие, народный праздник.

Для цитирования: Курбанова З.И. Праздник жизни и надежды (традиции и ритуалы Навруза у каракалпаков). *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 2. С. 192–206. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.192-206> EDN: DYBDKQ

The holiday of life and hope (traditions and rituals of Nowruz among Karakalpaks)

Z.I. Kurbanova

Karakalpak Research Institute of Humanities

Karakalpak branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan

Nukus, Republic of Uzbekistan

sapphire71@mail.ru

Abstract. The article examines the celebration of Nowruz (*Nowryz* among the Karakalpaks), one of the most significant and revered holidays in the culture of many peoples of the Muslim world, including Central Asia and the Karakalpaks. Despite the fact that Nowruz is not a religious holiday, it has been officially recognized in Muslim Iran and is widely celebrated in the agricultural oases of Central Asia. Unlike religious holidays, the date of which is determined by the movable lunar calendar, Nowruz is celebrated annually in spring of the solar calendar on the day of the vernal equinox. This holiday symbolizes the beginning of a new year, celebrating the awakening of nature and a new life cycle. Nowruz has a deep symbolism and occupies an important place in the traditional worldview of the Central Asia peoples. Its celebration is associated with the veneration of natural forces, the unity of man with the world around him, and rituals aimed at ensuring well-being, health, and prosperity in the coming year. It is a time of joy, hope and new beginnings, when people come together to share a meal, exchange gifts and express good wishes. During the Soviet era, traditional holidays underwent significant changes: the scale of religious and folk celebrations was diminished, and they transformed from official public events with mass celebrations into family celebrations. The same fate befell Nowruz. The extensive festivities of Nowruz were first reduced to local celebrations, and then disappeared altogether. The revival of the holiday is associated with the post-Soviet period, and today Nowruz is an integral part of the cultural heritage of the peoples of Central Asia. It retains its connection with centuries-old traditions and is passed down from generation to generation.

Keywords: Nowruz, sumelek, na'uryzlyq gözhe, vernal equinox, national holiday.

For citation: Kurbanova Z.I. (2025) The holiday of life and hope (traditions and rituals of Nowruz among Karakalpaks). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 2: 192–206. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.192-206> (In Russ.)

Праздник Навруз, отмечающий наступление нового года по солнечному календарю, широко распространен среди народов Центральной Азии. Несмотря на региональные особенности его празднования, общим для всех является восприятие Навруза как праздника возрождения природы, символизирующего жизнь и надежду на плодородный год. Согласно средневековому автору Наршахий, история этого праздника насчитывает более трех тысяч лет (Наршахий, 1993: 31). Современные археологические исследования подтверждают, что истоки Навруза восходят к периоду неолита (Ртвеладзе, 2003: 14–17). Средневековый энциклопедист Абу Райхан Мухаммед ал-Бируни, уроженец Хорезма и живший на рубеже X–XI в. в своем труде «Памятники минувших поколений»

упоминает Навруз среди праздников согдийцев и хорезмийцев – предков современных таджиков и узбеков. Особый интерес представляют сведения Бируни о традициях подготовки к празднованию Навруза. За 25 дней до праздника в каждом доме возводили семь невысоких колонн из сырого кирпича, на которых выращивали семь видов зерновых культур. Считалось, что семена той культуры, которая проросла быстрее других, предвещали обильный урожай в наступающем году, поэтому значительная часть посевных площадей засеивалась именно этими зерновыми (Бируни, 1968: 212).

Праздник Навруз имеет давние домусульманские корни. В исследовании О. Сухаревой подчеркивается, что празднование нового года (Навруз) отличалось от других праздников тем, что оно отмечалось не по лунному, а по солнечному календарю, в марте. Хотя традиция празднования нового года была канонизирована среднеазиатским исламом и сопровождалась мусульманскими молитвами, обряды, проводимые в этот период, сохраняли явные немусульманские корни и отражали множество черт ритуала празднования зороастрийского нового года (Сухарева, 1960: 23).

Навруз продолжал сохраняться и в мусульманский период. В XIX – начале XX в. праздник являлся официальным в центральноазиатских государствах, в частности, в Хивинском ханстве¹. Описывая празднование Навруза в Хиве Н. Лобачева, отмечает, что он отмечался в соответствии с придворным ритуалом. Накануне Навруза, за час до захода солнца к хану направлялся калантар – глава дервишской общины, с известием о наступлении нового года. Он приносил хану большой поднос, усыпанный разнообразными сладостями и фруктами. После получения от хана разрешения на празднование, глашатаи (*джарчи*) выходили на улицы и громким голосом извещали население о начале Навруза. В честь праздника на базарной площади Хивы устанавливалось до 200 юрт, предназначенных для размещения съезжавшихся гостей (Лобачева, 2001: 188).

Существовал народный Навруз, отличающийся от официального. Сроки их празднования были близки, но не совпадали полностью, поскольку в различных климатических зонах первая зелень – признак наступления весны – появлялась в разное время. Согласно данным А. Диваева, у казахов с Наврузом связаны три ключевые даты: 1 марта – древний общеказахский Навруз, 9 марта – персидский Навруз и 12–13 марта – Казыбек Наурыз, названный в честь казахского астронома, который пересчитал время прихода нового года (Наумова, Сураганова, 2021: 478). В то же время наиболее распространенным временем празднования Навруза считается день весеннего равноденствия, 21 марта. Этот период как наступление нового года отмечается не только у казахов, но и узбеков, туркмен, кыргызов. Так, у туркмен последним днем зимы считается 22 февраля, который празднуется как «*Шаруалар Наурызы*» (Навруз скотоводов), а между 17 и 22 марта отмечается «Навруз земледельческий»

¹ Территории в нижнем течении Амударьи на южном берегу Аральского моря, которые занимали каракалпаки в начале XIX века, были включены в состав Хивинского ханства.

(Мурадов, 2016: 354–355). У каракалпаков и узбеков Навруз также приурочен к 21 марта, что знаменует начало земледельческих работ и нового годового цикла (Есбергенов и др. 1998: 6).

Навруз, символизирующий начало весенних посевных работ, имеет тесную связь с различными фенологическими и метеорологическими наблюдениями в народной традиции. Важное значение придавалось погодным условиям в дни весеннего равноденствия, 21–23 марта, которые служили основой для дальнейших прогнозов погоды.

Празднование Навруза в Каракалпакском Государственном университете.
Март 2024 г., Нукус. Фото автора.

У каракалпаков существовала категория народных метеорологов-предсказателей, известных как *есапшы* (от слова *есап* – счет, подсчет). Эти специалисты внимательно следили за движением Солнца, устанавливая вертикальный шест в земле и определяя продолжительность дня по его тени. На основе этих наблюдений они рассчитывали сроки начала сева и сбора урожая (Есбергенов, 1980: 186).

Особое внимание *есапшы* уделяли погодным условиям в дни весеннего равноденствия, 21–23 марта, прогнозируя погоду на период называемый *бес*

конақ². Они оценивали вероятность возникновения инея *қырау* и заморозков в период с 17 по 21 сентября, что могло оказать серьезное влияние на озимые посевы. Например, если в дни равноденствия выпадала роса или дождь, это предвещало иней в сентябре; в то же время, если в марте наблюдался иней, то в сентябре ожидалась роса. Эти наблюдения имели важное значение для земледельцев, поскольку заморозки в сентябре могли причинить значительный ущерб озимым посевам.

Помимо наблюдений за движением Солнца и его тенью с помощью вертикального шеста, народные метеорологи-предсказатели применяли и другой метод прогнозирования погодных условий. Они вбивали в землю два колышка на расстоянии 8–10 шагов друг от друга и еще один колышек посередине, ориентированный на Солнце. В течение трех дней перед заходом Солнца они внимательно следили за тенью среднего колышка. Если в первые два дня тень оставалась точно посередине между двумя крайними колышками, а на третий день смещалась в южную сторону, это трактовалось как предзнаменование теплого и урожайного года. Однако, если тень среднего колышка уже на следующий день после начала наблюдений перемещалась на южную сторону, это считалось предвестником неблагоприятного года. В таком случае предполагалось, что холод наступит преждевременно, что приведет к сильным морозам, способным нанести ущерб озимым посевам (Есбергенов, 1980: 196).

Существовал целый комплекс обрядовых действий, направленных на обеспечение благополучия и плодородия в наступающем сезоне. Одной из распространенных традиций было обливание водой, брызгание ее на землю. Также принято было дарить подарки, качаться на качелях, одаривать близких сахаром. У хорезмских узбеков важным ритуалом было высаживание вокруг ритуальной тарелки семи различных злаковых культур на семи полосках земли. По всходам этих растений судили о качестве и урожайности злаков в предстоящем году. Кроме того, в день Навруза совершались омовения и обливание дождевой водой. Эти действия носили очистительный характер, символизируя обновление и готовность к предстоящим сельскохозяйственным работам (Лобачева, 1989: 12).

Перед празднованием Навруза у каракалпаков осуществляется подготовку к этому важному событию. В частности, приводятся в порядок дворы, улицы, дома и хозяйственные постройки. Семьи активно занимаются заготовкой продуктов питания для приготовления ритуальных блюд. В каждой семье расстилается *дастурхан*³, символизирующий изобилие и достаток. Разнообразие пищи, представленное на столе, согласно древним повериям, должно было обеспечить не только благоприятный, но и плодородный год.

² *Бес конақ* – пять холодных дней осени.

³ *Дастурхан* – традиционная скатерть у каракалпаков, которая создавалась с использованием мозаичного узора. В современном понимании *дастурхан* подразумевает скатерть, а также накрытый стол.

В преддверии Навруза готовится ритуальное праздничное блюдо – *сумелек*. Этимология этого слова восходит к древнетюркскому термину «сума», который обозначает пророщенную пшеницу или просо (Аширов и др., 2011: 447). *Сумелек* рассматривается как обрядовая, священная и лечебная пища, способствующая умножению рода. Исследователь Г.П. Снесарев, анализируя традиции приготовления сумаяк среди узбеков Хорезма, отмечает: «Основная цель обряда – достижение плодородия и благосостояния в текущем году – четко прослеживается во всех материалах. Поев сумаяка, будешь многодетной; детей будет столько, сколько крупинок в сумаяке; будет во всем обилие и богатство, все участницы сумаяка достигнут долголетия» (Снесарев, 1969: 212). В Хорезме же существовала традиция дарения готового сумаяк бесплодным женщинам, что подчеркивает его особую роль в ритуалах, направленных на улучшение семейного благополучия и плодородия.

Г.П. Снесарев, углубившись в истоки обряда приготовления сумаяк, прослеживает его параллели с культом умирающих и воскресающих божеств древности. Исследователь отмечает, что традиционно сумаяк готовили в дни посева зерновых культур, что акцентирует внимание на ключевой особенности данного обряда: ритуальное проращивание зерна воспринималось как магическое действие, способствующее успешному росту посевов. Эта аналогия позволяет рассматривать обряд приготовления сумаяк в рамках более широких представлений и практик, связанных с культом умирающих и воскресающих божеств растительного мира (Снесарев, 1969: 212–213). Исследователь ссылается на явление, хорошо известное из материалов религиозных учений Древнего Востока, которое, благодаря работам Д. Фрезера, получило название «садов Адониса». Фрезер утверждает, что наиболее убедительное свидетельство того, что Адонис являлся божеством растительности, особенно хлеба, представлено в так называемых садах Адониса. Эти сады представляли собой корзины или горшки, заполненные землей, в которую сеяли зерно, ячмень, разнообразные цветы и другие растения. За этими садами в течение восьми дней ухаживали женщины. На солнечном свете семена быстро прорастали, однако, поскольку у побегов не было корней, они также быстро увядали. По истечении восьми дней эти сады уносились вместе с изображением мертвого Адониса и сбрасывались в море или источники. Подражая росту растений, люди надеялись обеспечить себе хороший урожай. Ускоренный рост хлеба и ячменя в садах Адониса должен был способствовать проращению семян, посеянных в полях (Фрезер, 1980: 380).

Как указывает Снесарев, среднеазиатский обряд сумаяк является осколком архаической стадии развития культа умирающей и возрождающейся природы. Его архаизм в сравнении с классическими садами Адониса проявляется в одном важном аспекте: участники обряда приобщались к сакральной плодотворной силе, заключенной в сумаяк, посредством его употребления. Это действие отражает естественное для примитивного сознания стремление многих народов получать силу убитого врага или, в приобщении к сакральной силе своего тотема через своего рода причащение (Снесарев, 1969: 214).

Сам процесс приготовления *сумелек* носит коллективный характер и представляет собой важное ритуальное действие в преддверии Навруза. Он способствует сплочению общины, поддержанию традиций и передаче культурного опыта от старших поколений к младшим. Высокое качество *сумелек*, приготовленного по особым рецептам и технологиям, также считается благоприятным знаком на предстоящий год.

Считается, что наиболее вкусный *сумелек* готовится в Чимбайском, Ходжейлийском и Кунградском регионах республики. Для его приготовления используется пшеница осеннего урожая, поскольку она обладает более насыщенным вкусом по сравнению с летними сортами. Перед началом процесса отбирается дом, в котором будет происходить приготовление, а семьи, участвующие в этом обряде, обязаны предоставить необходимые ингредиенты – пшеницу, сахар, масло и другие компоненты. Каждая семья вносит свой вклад в общее дело.

Процесс приготовления *сумелек* у каракалпаков возглавляла опытная и уважаемая женщина, которой помогали шесть участниц. Для ритуального блюда использовалось значительное количество пшеницы – от 25 до 30 килограммов, которая предварительно проращивалась. Подготовка пшеницы включала несколько этапов: очистку, веяние и промывание в теплой воде. После этого пшеница помещалась в мешок и дважды в день сбрызгивалась водой для обеспечения необходимой влажности. Когда начинали появляться ростки, пророщенная пшеница раскладывалась на ровную деревянную поверхность. Для успешного прорастания пшеницы было важно поддерживать теплую температуру в помещении, что способствовало активному развитию ростков и, в конечном итоге, качеству готового продукта. При соблюдении всех необходимых условий пшеница прорастала в среднем за 7 дней, хотя в некоторых случаях этот процесс мог занимать до 12–14 дней. Тщательная подготовка пшеницы была важным этапом в изготовлении высококачественного *сумелек* (Есбергенов и др., 1998: 11).

Приготовление *сумелек* состоял из нескольких этапов. Первоначально пророщенную пшеницу промывали и измельчали в ступе, получая солод. Затем пшеничный сок разводили водой и наливали в смазанный маслом казан. Далее в смесь добавляли муку, смешанную с перемолотым просом, что позволяло *сумелек* загустеть и приобрести характерный коричневый цвет. Чтобы предотвратить пригорание блюда, в казан помещали несколько грецких орехов или гладких камней. Согласно поверьям каракалпаков, тому, кому попадал камень, предрекалось счастье. Весь процесс приготовления занимал около суток.

В процессе варки *сумелек* производился ряд магических ритуальных действий. Женщины, участвовавшие в приготовлении ритуального блюда, до начала процесса приводили себя в порядок: купались, причесывали волосы, надевали праздничную одежду. В этот день в доме выпекались ритуальные лепешки *шелтек*, а сам обряд, называемый *ийис шыгарыу*, посвящался памяти усопших и в честь почитаемой святой Биби Патпа (Есбергенов и др., 1998: 12).

Начало приготовления *сумелек*. Март 2024 г., Нукус. Фото автора.

По завершении приготовления *сумелек* готовое блюдо равномерно распределялось между всеми участвовавшими семьями. Эти семьи затем угощали соседей и родственников, при этом принимавшие угощение произносили слова благодарности: «*Баҳарден баҳарге аман-есен шыққанымызга шүкир, ендиги баҳарлерге де аманлықта жетискеймиз*» (Благодарим, что благополучно прожили этот год, пусть и наступающий будет мирным и благополучным). Происходил обмен добрыми пожеланиями между членами общины.

Согласно традиции, семьи, пережившие горе или несчастье, не принимали участие в приготовлении *сумелек*. Возможно, это было связано с тем, что в таких семьях не могла быть принесена та позитивная энергия и благополучие, которые считались необходимыми для успешного проведения данного ритуального действия.

Другим ритуальным блюдом Навруза является каша (похлебка) *наўрызлық гәжә*. Для ее приготовления используется семь различных видов круп: сорго, рис, пшеница, просо, ячмень, маш и фасоль. В состав также входят соль и сливочное масло. При этом такие крупы, как сорго, рис и маш, традиционно варятся в цельном виде, без измельчения. Это может быть связано с реликтами древних верований, которые ассоциировали целостность зерен с концепциями плодородия и изобилия (Бекмуратова, 1980: 138).

Аксакал благословляет готовый *сумелек*. Март 2024 г., Нукус. Фото автора.

Число семь занимает значительное место в концептуальном содержании Навруза. Оно в культуре многих народов символизирует завершенность, абсолют, связь с духами предков, а также представления о счастье и смысле земной жизни.

В Хорезме *науруз гуджа* готовили с использованием семи злаков (Снесарев, 1969: 214). Число семь обладало сакральным значением в праздничном новогоднем угощении у сасанидских персов (Иностранцев, 1909: 88–89). При приготовлении *наурыз-коже* у казахов применяются семь видов продуктов, символизирующих семь элементов жизни: вода, мясо, соль, жир, мука, злаки (рис, кукуруза или пшеница) и молоко. Эти компоненты олицетворяют радость,

удачу, мудрость, здоровье, благосостояние, скорость, рост и божественную защиту (Тажибаева, 2019: 54).

Каждая семья стремилась приготовить много *гәжә* и угостить им как можно большее количество людей, так как существовало поверье, что от этого зависит хороший урожай и общее благополучие в наступающем году. Более того, угощение *гәжә* даже случайных путников считалось важным ритуальным действием. Лишь после того, как человек отведал *наўрызлық гәжә*, он официально вступал в новый годовой цикл.

После этого празднование приобретало характер народных гуляний, проводимых в специально отведенных местах. В сельской местности организовывались разнообразные развлекательные мероприятия, такие как конские скачки *ат шабыс* и бараньи бои *қошкар дүгиспе*. В городах же проводились состязания по национальной борьбе *гурес*, выступления канатаходцев и катание на качелях. Эти мероприятия придавали празднику Навруз особый колорит и радость, отражая богатое культурное наследие и традиции, сложившиеся у каракалпаков.

Қошкар дүгиспе. Март 2023 г., Кегейлийский район Каракалпакстана. Фото автора.

В первые десятилетия советской эпохи традиционные праздники, организуемые на уровне государства, претерпели значительные изменения. Масштабы религиозных праздников заметно сократились, и они трансформировались из официальных публичных мероприятий в более ограниченные, проводимые в семейном кругу. Аналогичным образом уменьшились масштабы традиционных народных праздников. Широкие народные гулянья Навруза сначала сократились до торжеств местного уровня, а затем исчезли вовсе. Тем не менее, в аулах продолжали сохраняться традиции приготовления обрядовой *гәжә*, *сумелек* и

*баўырсақ*⁴. Однако круг лиц, поддерживающих эти традиции, постепенно сужался, что свидетельствует о процессе утраты социальных практик в условиях новой политической реальности.

Ат шабыс. Март 2023 г., Кегейлийский район Каракалпакстана. Фото автора.

В этот период в Центральной Азии был введен в практику Новый год как государственный праздник, который отмечался повсеместно в стране в ночь с 31 декабря на 1 января. Для данного региона это событие стало новым культурным событием, отмечаемым как общественностью, так и в семейном кругу.

В этот период активно проводилась работа по адаптации старых праздников к новым социальным и культурным реалиям. Процесс трансформации традиционных праздников включал в себя не только изменение их формата и содержания, но и переосмысление их значения в контексте меняющегося общества. В 1950-е годы из арсенала традиционных праздников были отобраны те элементы, которые соответствовали современным реалиям, этническим стандартам и находили отклик у народа. На основе старых праздников, из которых были переняты традиционные формы развлечений и народных гуляний, в ходе длительных поисков были созданы современные праздники, такие как Навруз и праздник урожая – *зурэат байрамы*.

Несмотря на то что в Узбекистане в конце 1960-х годов общественность приняла решение о ежегодном праздновании Навруза (Лобачева, 1975: 129), в Каракалпакстане этот праздник не приобрел широкого размаха. По свидетельствам респондентов, в период с 1950-х по 1980-е годы празднование Навруза в Каракалпакстане проходило без значительной публичности. Начиная с 1960-х

⁴ *Баўырсақ* – это ритуальное блюдо, состоящее из ромбовидных кусочков теста, обжаренных в масле.

годов, в некоторых районах праздник стал отмечаться скрытно, поскольку был признан религиозным и, следовательно, подвержен запрету. Это признание было обусловлено тем, что, несмотря на явно немусульманское происхождение Навруза, его празднование нередко сопровождалось мусульманскими молитвами и ритуалами (Сухарева, 1960: 23).

Ситуация радикально изменилась в начале 1991 г., когда Навруз получил статус государственного праздника и стал широко и официально отмечаться в регионе. По воспоминаниям Ю. Палуаниязова, после 1991 г. Навруз стал праздноваться с особым воодушевлением, и организаторы стремились проводить его в атмосфере приподнятого настроения. Празднование часто проходило в полевых условиях, где в полевых станах бригад накрывались столы, создавая тем самым атмосферу общности и единства. Важным элементом стало приглашение популярных артистов из Нукуса, которые исполняли песни на каракалпакском, узбекском и казахском языках. Кроме того, в рамках празднования организовывались различные состязания, для участников которых выделялись призы (Палуаниязов, 2009: 374).

В соответствии с положениями Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г., праздник Навруз был включен в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества. Этот элемент был дополнен и расширен в 2016 г. по совместной инициативе таких стран, как Афганистан, Азербайджан, Индия, Исламская Республика Иран, Ирак, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан, Турция, Туркменистан и Узбекистан.

Таким образом, в постсоветский период празднование Навруза в Узбекистане прошло путь от скрытого, полузапретного статуса до официального признания на государственном и международном уровнях как важной части нематериального культурного наследия региона (Representative ..., 2024).

Праздник Навруз имеет глубокие исторические корни и огромное культурное значение для народов Центральной Азии. Он олицетворяет не только начало нового года, но и надежду на плодородие, благополучие и гармонию с природой. Для этнических групп региона он является одним из наиболее значимых праздников, тесно связанных с их культурными традициями, обычаями и историей. Навруз продолжает оставаться неотъемлемой частью культурного наследия народов Центральной Азии, воплощая в себе их вековые традиции, верования и представления о гармонии с природой и миропорядке.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

- Аширов А., Зунунова Г., Саримсаков А.* Календарные праздники, обычаи и обряды // Узбеки. Народы и культуры / отв. редакторы *З.Х. Арифханова, С.Н. Абашин, Д.А. Алимова*. М.: Наука, 2011. С. 438–460.
- Бекмуратова А.Т.* Пища. Этнография каракалпаков XIX – начало XX века (материалы и исследования) / отв. редакторы *Т.А. Жданко, С.К. Камалов*. Ташкент: ФАН, 1980. С. 112–143.
- Есбергенов Х.* Верования и обряды, связанные с земледелием // Этнография каракалпаков XIX – начало XX века (материалы и исследования) / отв. редакторы *Т.А. Жданко, С.К. Камалов*. Ташкент: ФАН, 1980. С. 185–192.
- Иностранцев К.А.* Сасанидские этюды. СПб., 1909.
- Лобачева Н.П.* Формирование новой обрядности узбеков. М.: Наука, 1975.
- Лобачева Н.П.* К истории календарных обрядов у земледельцев Средней Азии // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии / отв. редакторы *Г.П. Снесарев, В.Н. Басилов*. М.: Наука, 1986. С. 6–30.
- Лобачева Н.П.* Общественная и семейная обрядность народов Средней Азии и Казахстана. Вторая половина XX века. (Этнографический аспект) // Расы и народы / отв. ред. *Г.П. Васильева*. М.: Наука, 2001. С. 182–208.
- Мурадов Р.Г.* Особенности счета времени у туркмен // Туркмены. Народы и культуры / отв. редактор *Н.А. Дубова*. М.: Наука, 2016. С. 348–355.
- Наумова О.Б., Сураганова З.К.* Календарь и календарные праздники // Казахи. Народы и культуры / под ред. *С.Е. Ажигали, О.Б. Наумовой, И.В. Октябрьской*. М.: Наука, 2021. С. 473–489.
- Палъаниязов Ю.* Өмир соқпақлары (Еске алыулар, турмыс тәжірийбелери). Нөкіс: Қарақалпақстан, 2009.
- Ртвеладзе Э.В.* Навруз – праздник счастья и благоденствия // Эхо истории. 2003. № 1. С. 14–17.
- Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969.
- Сухарева О.А.* Ислам в Узбекистане. Ташкент: Издательство Академии наук УзССР, 1960.
- Тажибоева Ш.А.* Символика числа семь в казахской литературе // Вестник Казахского национального университета им. Аль-Фараби. Серия филологическая. 2019. №3 (175). С. 451–459.
- Фрезер Дж.Д.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980.
- Абу Бакр Мухаммад Ибн Жаъфар Наршахий.* Бухоро Тарихи. Тошент: Шарк баёзи, 1993.
- Беруний Абу Райхон.* Қадимги халқлардан колган ёдгорликлар. Танланган асарлар. Том. 1. Тошкент: ФАН, 1968.
- Есбергенов Х., Есбергенова Т., Сейтмуратова Г.* Наўрыз халқымыздың миллий байрамы. Нөкіс: Қарақалпақстан, 1998.
- Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/nawrouz-novruz-nowrouz-nowrouz-nawrouz-nauryz-nooruz-nowruz-navruz-nevruz-nowruz-navruz-02097#identification> (дата обращения: 8.02.2025).

REFERENCES

- Abu Bakr Muhammad Ibn Ja'far Narshahi. (1993) *History of Bukhara*. Tashkent: Shark Bayozy Publ. (In Uzbek)
- Ashirov A., Zununova G., Sarimsakov A. (2011) Calendar holidays, customs and rites. In: *Uzbeks. Peoples and cultures*. Z.Kh. Arifkhanova, S.N. Abashin, D.A. Alimova (eds.). Moscow: Nauka Publ: 438–460. (In Russ.)
- Bekmuratova A.T. (1980) Food. In: *Ethnography of the Karakalpaks in the 19th – early 20th centuries (materials and research)*. T.A. Zhdanko, S.K. Kamalov (eds). Tashkent: FAN Publ.: 112–143. (In Russ.)
- Beruniy Abu Raykhon (1968). *Monuments of ancient peoples. Selected works*. Vol. 1. Tashkent: FAN Publ. (In Uzbek)
- Esbergenov Kh. (1980) Beliefs and rituals associated with agriculture. In: *Ethnography of the Karakalpaks of the 19th – early 20th century (materials and research)*. T.A. Zhdanko, S.K. Kamalov (eds). Tashkent: FAN Publ: 185–192. (In Russ.)
- Esbergenov Kh., Esbergenova T., Seytmuratova G. (1998) *National holiday of our unique people*. Nokus: Karakalpakstan Publ. (In Kar.)
- Frezer Dzh.D. (1980). *The Golden branch. A study of magic and religion*. Moscow: Politizdat Publ. (In Russ.)
- Inostrantsev K.A. (1909) *Sassanid sketches*. Saint-Petersburg. (In Russ.)
- Lobacheva N.P. (1975) *Formation of a new ritual of the Uzbeks*. Moscow: Science Publ. (In Russ.)
- Lobacheva N.P. (1986) On the history of calendar rituals among farmers of Central Asia. In: *Ancient rituals, beliefs and cults of the peoples of Central Asia*. G.P. Snesev, V.N. Basilov (eds.). Moscow: Nauka Publ.: 6–30. (In Russ.)
- Lobacheva N.P. (2001) Social and family rituals of the peoples of Central Asia and Kazakhstan. The second half of the 20th century. (The ethnographic aspect). In: *Races and peoples*. G.P. Vasilyeva (ed.). Moscow: Nauka Publ.: 182–208. (In Russ.)
- Muradov R.G. (2016) Peculiarities of time counting among the Turkmens. In: *The Turkmens. Peoples and cultures*. N.A. Dubova (ed.). Moscow: Nauka Publ.: 348–355. (In Russ.)
- Naumova O.B., Suraganova Z.K. (2021) Calendar and calendar holidays. In: *The Kazakhs. Peoples and cultures*. S.E. Azhigali, O.B. Naumova, I.V. Oktyabrskaya (eds). Moscow: Nauka Publ.: 473–489. (In Russ.)
- Palo'aniyazov Yu. (2009) *Life lessons*. Nokus: Karakalpakstan Publ. (In Kar.)
- Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/nawrouz-novruz-nowrouz-nowrouz-nawrouz-nauryz-nooruz-nowruz-navruz-nevruz-nowruz-navruz-02097#identification> (accessed: 8.02.2015).
- Rtveladze E.V. (2003) Nowruz – a holiday of happiness and prosperity. *Ekho istorii* [Echo of history]. No 1: 14–17. (In Russ.)
- Snesev G.P. (1969) *Relics of pre-Islamic beliefs and rituals among the Uzbeks of Khorezm*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Sukhareva O.A. (1960) *Islam in Uzbekistan*. Tashkent: UzSSR Academy of Sciences Publ. (In Russ.)
- Tadzhibayeva Sh.A. (2019). Symbolism of the number seven in the Kazakh literature. *Vestnik Kazaxskogo natsionalnogo universiteta im. Al-Farabi. Seriya filologicheskaya* [Bulletin of Al-Farabi Kazakh National University. Philology series]. No. 3 (175): 451–459. (In Russ.)

Сведения об авторе: Курбанова Земфира Ибрагимовна, доктор исторических наук (DSc), заведующий отделом этнографии Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (230100, ул. А. Тимура, 179А, Нукус, Республика Узбекистан); <https://orcid.org/0000-0002-3478-2042>; e-mail: sapphire71@mail.ru

About the author: Zemfira I. Kurbanova, Doctor Sc. (History), Head of the Department of Ethnography, Karakalpak Research Institute of the Humanities, Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences (179A A.Timur St., Nukus 230100, Republic of Uzbekistan); <https://orcid.org/0000-0002-3478-2042>; e-mail: sapphire71@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 1.07.2024

Доработана после рецензирования / Revised 10.02.2025

Принята к публикации / Accepted 27.03.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.207-223>

EDN: HRCRGN

Национальная борьба и скачки в культурном наследии гагаузов: от прошлого к настоящему

Е.Н. Квилинкова

*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы
Национальной академии наук Беларуси
Минск, Республика Беларусь
cvilincova@mail.ru*

Резюме. В статье исследуется значение борьбы и скачек в народной культуре гагаузов. Отмечается, что в гагаузской календарной обрядности спортивные состязания занимали важное место, что свидетельствует о древних корнях этих традиций у этого народа. Состязания по борьбе на праздник *Хедерлез* в с. Конгаз (проводившиеся вплоть до середины XX в.), для участия в которых приезжали не только жители из соседних сел, но и соплеменники из Румынии, автор рассматривает как своего рода гагаузские олимпийские игры. Праздник *Хедерлез* в Гагаузии исследуется через призму трансформаций и этнокультурных параллелей. Выявляется основа традиционной обрядности этого праздника. *Хедерлез* в Гагаузии исследуется через призму трансформаций и этнокультурных параллелей. Анализируется роль праздника в сохранении и воспроизводстве гагаузской этнокультурной идентичности. Отмечается, что в 90-е гг. XX в. в ходе борьбы за свою государственность гагаузской национальной элитой был сделан акцент на *Хедерлез*, ставшим важной составляющей процесса этнокультурного развития народа и этнической мобилизации. Показана роль проводимых в Гагаузии турниров и чемпионатов по вольной борьбе в вопросе продвижения национального вида спорта. Делается вывод о том, что спортивные состязания, будучи важной составляющей праздничной культуры гагаузов и системы этновоспитания, являются частью исторической и этногенетической памяти гагаузского народа. В процессе исторического развития эти индивидуальные виды спорта способствовали формированию у гагаузов ряда черт, составляющих основу национального характера: соревновательность, упорство, стремление к победе, настойчивость в достижении цели и др.

Ключевые слова: борьба, *гюреш*, скачки, этносport, гагаузы, праздник *Хедерлез*, идентичность, культурное наследие.

Для цитирования: Квилинкова Е.Н. Национальная борьба и скачки в культурном наследии гагаузов: от прошлого к настоящему. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 2. С. 207–223. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.207-223> EDN: HRCRGN

National wrestling and horse racing in the cultural heritage of the Gagauz: from past to present

E.N. Kvilinkova

*K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore
of the Belarus National Academy of Sciences
Minsk, Republic of Belarus
cvilincova@mail.ru*

Abstract. The article examines the significance of wrestling and horse racing in the folk culture of the Gagauz people. It has been observed that sports competitions occupied an important place in the Gagauz calendar rituals, which indicates the ancient roots of these traditions among the Gagauz people. The Hederlez holiday in Gagauzia is explored through the prism of transformations and ethnocultural parallels. The basis of the traditional ritual of this holiday is revealed. The role of the national holiday Hederlez in the preservation and reproduction of Gagauz ethnocultural identity is analyzed. The author points out that in the 90s of the 20th century, during the struggle for their statehood, the Gagauz national elite placed emphasis on the Hederlez holiday, which became an important component in the process of ethnocultural development of the people and ethnic mobilization. The paper shows the role of freestyle wrestling tournaments and championships held in Gagauzia in the area of promoting the national sport. It is concluded that sports competitions, as an important component of the Gagauz people's festive culture and the system of ethnic education, are a part of the historical and ethnogenetic memory of the Gagauz. In the process of historical development, these individual sports contributed to the formation of a number of traits among the Gagauz people that form the basis of the Gagauz national character: competitiveness, perseverance, desire to win, persistence in achieving goals, etc.

Keywords: wrestling, “guresh”, horse racing, ethnosport, the Gagauz, Hederlez holiday, identity, cultural heritage.

For citation: Kvilinkova E.N. (2025) National wrestling and horse racing in the cultural heritage of the Gagauz: from past to present. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 2: 207–223. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.207-223> (In Russ.)

Особенности природной и историко-культурной среды, генетические данные и специфика этнической моторики сформировали у каждого народа приоритетные виды физической активности. «Этот механизм биосоциального и этнокультурного воспроизводства физической активности безотказно действовал в традиционном обществе» (Кыласов, Гавров, 2011: 5). На ином уровне он продолжает оказывать свое воздействие и в современный период. Исходя из этого, представляется актуальным рассмотреть не просто место традиционных спортивных состязаний в народной культуре и календаре, но и выявить их роль в конструировании через национальные праздники этнической истории и этнокультурной идентичности, в популяризации интереса к национальным видам спорта.

В гагаузской календарной и семейной обрядности (Квилинкова, 2007: 176) важное место занимали такие спортивные состязания как борьба и скачки. Они являлись составной частью различных праздников: в одних из них более выражена поминальная обрядность (например, Вознесение, Троица, Успение и др.), в других – хозяйственная деятельность (*Хедерлез*, *Касым*, Тодоров день и др.), в-третьих – религиозная составляющая (Крещение Господне / *Йордан гюню*). Спортивные состязания обязательно устраивали и во время межсельских празднований (сбор / *панаир*), приуроченных к важным датам народно-религиозного календаря. В содержании этих праздников, проводившихся вплоть до середины XX в., ярко проявляется сочетание сакрального с профанным: богослужение и коллективная трапеза с традиционными ярмарками, состязаниями и народными гуляниями (Квилинкова, 2016; 2020). Во время таких празднований, на которые собирались представители от 10–20 сел (Квилинкова, 2007: 578, 608), проходили состязания как по борьбе, так и конные.

Однако только два праздника можно отнести к исключительно спортивным – это *Тодур гюню* / Тодоров день (первая суббота Великого поста) и *Хедерлез* / День Св. Георгия (23 апреля – по юлианскому календарю / 6 мая по григорианскому календарю). При этом для каждого из них характерна своя «специализация»: Тодоров день отмечали в честь Св. Федора (покровителя лошадей) и устраивали скачки; Хедерлез – в честь Св. Георгия (покровителя мелкого рогатого скота) и проводили состязания по борьбе.

В начале 90-х гг. XX в. в Гагаузии обычаи Тодорова дня были перенесены на праздник *Хедерлез*, который в 2004 г. был утвержден в качестве главного национального праздника и объявлен выходным днем. Тем самым руководство автономии – *Гагауз Ери* показало, что придает данному празднику большое значение, видя в нем механизм сохранения и развития национальной культуры и идентичности. С этого времени Хедерлез стал брендом Гагаузии и начал проводиться более масштабно. Благодаря зрелищности, он собирал множество людей из различных населенных пунктов автономии, что позволяет рассматривать этот праздник как своего рода продолжение традиции «сборов».

В настоящее время *Хедерлез*, ежегодно отмечаемый в Гагаузии 6 мая, является одним из важных маркеров этнокультурной идентичности и действенным механизмом по репрезентации не только распространенных в народе видов этноспорта, но и в целом гагаузской культуры и истории, что свидетельствует об актуальности изучения данной проблематики.

Целью статьи является изучение значения борьбы и скачек – традиционных видов состязаний в народной культуре гагаузов и определение роли праздника *Хедерлез*, занимающего центральное место в современной праздничной культуре, в продвижении национальных видов спорта и репрезентации гагаузской истории и культуры.

В связи с заявленной проблемой автор ставил перед собой следующие задачи:

- обозначить место традиционных видов состязаний – борьбы и скачек в народном календаре и этнокультурном коде гагаузов;
- проанализировать содержание *Хедерлез* и процесс его перехода из традиционного праздника в разряд национальных, объяснить характер и причины имевших место трансформаций в содержании его обрядности;
- показать значение праздника *Хедерлез* в культурном наследии гагаузов;
- выявить влияние приоритетных видов физической активности у гагаузов в прошлом на формирование у них национальных видов спорта в настоящем.

В таком аспекте данная тема впервые исследуется в этнологической науке. При написании статьи автор основывался на собственных полевых материалах, собранных у гагаузов Молдовы (1996–2016 гг.), а также на интернет-источниках.

Скачки и борьба как составляющая гагаузских народных праздников и этнической культуры

Если говорить о бытовавших у гагаузов состязаниях на лошадях и их крепленности к народному календарю, то в классической форме они проходили именно в Тодоров день. Данная традиция сохранялась еще в первой половине XX в. В этот день в каждом селе обязательно устраивали скачки, то есть праздник имел общесельский характер (Квилинкова, 2007: 115, 176). Значение, придавшееся Тодорову дню, и распространенность у гагаузов данного вида состязаний связаны как с бытовавшей у них традицией коневодства (Мошков, 1902б: 83), так и с обрядностью народов балканского региона.

В гагаузском языке есть отдельный термин для обозначения лошади, предназначенной для участия в специальных конных соревнованиях – *йюрюк*. Имеются специальные слова и выражения для обозначения скачек – *кушийя* (Мошков, 1904: 64; Гагаузско-русско-молдавский словарь, 1973: 301), *кошу*, *ат йарышмалары*, *бейгир кошусу*. Их сохранение в фольклоре указывает на значение конных состязаний в культуре гагаузов.

Процессы, происходящие в Гагаузии в современный период, можно охарактеризовать как ренессанс народных традиций. В настоящее время кроме праздника *Хедерлез*, отмечаемого в г. Чадыр-Лунга, скачки проводятся на День города в столице Гагаузии – Комрате.

Состязания по борьбе являлись одним из ключевых элементов традиционной обрядности праздника *Хедерлез*. Их проводили по селам каждое воскресенье, начиная со второго дня Пасхи вплоть до праздника (Мошков, 1902а: 41), когда и определяли самого сильного борца среди гагаузов. В тех селах, где в день Св. Георгия отмечают храмовый праздник / курбан церкви (например, с. Бешалма), его основу составляет праздничное богослужение и жертвенная трапеза – *курбан*, в которых принимают участие большинство сельчан, а также гости. В наши дни праздник *Хедерлез* в этом селе практически целиком сохранил свое традиционное содержание. Борьба у гагаузов является традиционным

видом состязаний при праздновании курбана церкви (с. Копчак, с. Бешалма, с. Бешгиоз).

Для обозначения борьбы как вида состязаний у гагаузов используется общий термин *гюреш*. Борцы называются *гюрешичи*, *гюрешиджи*. В прежние времена наиболее искусных в борьбе и первых силачей называли *пеливан*, то есть богатырь, герой, а их силу – богатырской (*пеливан куведи*) (Мошков, 1904: 79; Гагаузско-русско-молдавский словарь, 1973: 366). Приоритет, отдаваемый гагаузами состязаниям по борьбе, ярко отражен в фольклоре, что свидетельствуют о древних корнях данной традиции. В одной из сказок Змей несколько раз спрашивает Красивого Ивана, который пришел забрать у него лошадей: «Будешь со мной бороться или будем биться на саблях?» (*Гюреш гюрешия истерсин, оса кылыч кыча-мы истерсин?*). На что Красивый Иван однозначно отвечал: «Хочу состязаться [с тобой] в борьбе» (*Гюреш гюрешия истерим*) (Мошков, 1904: 123–124).

Историографических сведений об особенностях национальной борьбы у гагаузов мало. В работе русского исследователя конца XIX – начала XX в. В.А. Мошкова упоминается о том, что у гагаузов существовало два вида борьбы: за пояс – *кайыштан* (букв. за ремень) или *кушактан* (за кушак – домотканый пояс красного цвета) и вольный стиль – *гюреш*. Боролись они в обычной одежде – в шароварах, подпоясанных кушаком, и рубашке (Мошков, 1902а: 41).

Состязания велись без определенных весовых категорий, но при этом от борцов требовалось соблюдение установленных правил: разрешалось использование различных борцовских приемов – *алмаджа алмаа* – «взять на бедро», *кабак атмаа* – «бросок через себя» (Гагаузско-русско-молдавский словарь, 1973: 43, 224), но запрещались подножки и какие-либо иные ухищрения. Победителем состязания считался тот, кто смог «приподнять противника в воздух и повалить» его на землю (Мошков, 1902а: 41). Приз для победителей (обычно деньги) выделяли сельские богачи, а иногда и священник (в конце XIX в.). Наградой являлось также признание со стороны общества. Существует и традиция одаривания победителя состязаний старшей возрастной группы бараном, а младшей – петухом.

Борьба обычно проходила в центре села на площади, видимо, прямо на траве. Создавался импровизированный круг для борьбы – *алай*. За соблюдением правил борьбы следили организаторы состязаний, а их помощники должны были отгонять напирающих в круг зрителей, ударяя их палкой по ногам. Состязания по борьбе проходили под исполнение специальной мелодии на народных инструментах. «В отличие от скачек, за которыми наблюдало все село, на состязаниях по борьбе женщины обычно не присутствовали. Вероятно, чувство мужского достоинства не позволяло мужчинам предстать в глазах женщин побежденными» (Квилинкова, 2007: 116).

Наиболее известными были состязания по борьбе на *Хедерлез* в с. Конгаз, проводившиеся там вплоть до середины XX в. Они являлись своего рода гагаузскими олимпийскими играми, так как для участия в них приезжали не только

жители из соседних сел, но и соплеменники из Румынии (к которой отошла часть южной Бессарабии в 1857 г.). Очевидно, что эти состязания, как и сам праздник, во время которого они проводились, выполняли этноконсолидирующую функцию.

Во включенности данных видов состязаний в содержание народных праздников, в их популярности и распространенности в Гагаузии в настоящее время отражается форма адаптации предков гагаузов к природной и историко-культурной среде. В процессе исторического развития борьба и скачки, будучи основными видами физической активности у гагаузов, сформировали в народе такую национальную черту как дух соревновательности.

Праздник Хедерлез как механизм репрезентации гагаузской культуры, истории и национальных видов спорта: традиции и трансформации

В 90-е гг. XX в. в ходе борьбы за свою государственность¹ гагаузской национальной элитой был сделан акцент на празднике *Хедерлез*, ставшем важной составляющей этнокультурного развития народа и этнической мобилизации. В этот сложный период гагаузам приходилось доказывать, что они в Молдове не национальное меньшинство или этническая группа, а коренной народ со своей уникальной культурой. Необходимо было подчеркнуть сходство гагаузских культурных традиций с представителями других тюркских народов, чтобы усилить свои позиции в тюркском мире и получить поддержку этих стран. Для этого более всего подходил *Хедерлез* / день Св. Георгия, который вместе с праздником *Касым* / день Св. Димитрия составляют основу скотоводческого календаря (они делят год на две половины – зиму и лето). С праздника *Хедерлез* начинается летний сезон и выгон скота на пастбища.

Акцент на скотоводческом календаре и включение в праздник *Хедерлез* состязаний на лошадях позволил гагаузской национальной элите манифестировать свое тюркское происхождение и уникальность своей культуры. В результате трансформаций этот праздник, по сути, наполнился новым содержанием. Скачки, составлявшие прежде основу обрядности Тодорова дня, стали гвоздем *Хедерлез*. Данную форму трансформации, когда один праздник обогащается за счет элементов другого праздника, также присущего этносу, можно назвать *перестановкой*.

Что касается состязаний по борьбе, традиционно устраивавшихся прежде на *Хедерлез*, то они на довольно длительное время выпали из праздничной программы. Видимо, это произошло потому, что данный вид состязаний широко распространен у соседних народов (молдаван и болгар). Таким образом, благодаря тому, что в Гагаузии – в г. Чадыр-Лунга продолжала действовать единст-

¹ В 1994 г. международным сообществом была признана гагаузская государственность в форме автономного этнотерриториального образования в составе Республики Молдова – АТО *Гагауз Ери* – Гагаузия.

венная в Молдове конферма именно там, начиная с 1996 г., стали отмечать праздник *Хедерлез* и устраивать скачки. За счет данной «перестановки» была усилена зрелищность главного гагаузского национального праздника, его этническая специфика, призванная подчеркнуть сходство культуры гагаузов с традициями других тюркских народов.

Процесс трансформации содержания праздников народного календаря происходит как правило в результате смены хозяйственной деятельности и экономических отношений. Он может происходить и в результате процессов, затрагивающих область социально-политических отношений и вопросы существования самого этноса. В такой ситуации они запускают механизм изменений в самом обществе. Очевидно, что в конце XX – начале XXI в. трансформация ряда праздников гагаузского народного календаря (в частности, *Хедерлез*) являлась в том числе следствием обострившихся в Молдове в тот исторический период социально-политических процессов и была вызвана необходимостью этнической мобилизации.

Начиная с 1996 г. символом праздника *Хедерлез* являются конноспортивные состязания – *Алтын ат* («Золотой конь»). Согласно установленным правилам, участие в скачках могут принять все желающие, у кого имеется для этого подходящая лошадь. Состязаются лучшие наездники из Гагаузии, а также из других мест Молдовы и Украины. Традиционно в скачках выступают и спортсмены республиканской школы конного спорта из Кишинева. Таким образом, эти мероприятия объединяют представителей различных этносов, проживающих как в Молдове, так и в соседнем государстве.

По традиции вначале проходят показательные выступления по выездке лошадей, после чего наступает черед тяжеловозов, которые, по условиям состязаний, должны на глазах у зрителей протащить трактор весом в 3 тонны за наиболее короткое время. Затем воспитанники из кишиневской конноспортивной школы на орловских рысаках демонстрируют зрителям образцы высшего мастерства хода и движения лошади: пассаж, пируэт, рысь, галоп, подчинение.

Непосредственно скачки начинаются с заезда лошадей-двухлеток, затем трехлеток. Молодые скакуны должны преодолеть дистанцию, не сбиваясь с хода, что не просто и требует от наездника высокого профессионализма. Далее эстафета переходит к скакунам-четырёхлеткам, от которых требуется преодолеть установленную дистанцию (от 800 м до 1600 м) за более короткое время. Отметим, что участники состязаются как в колясках, так и в седле. Таких заездов бывает до шести. Между ними проводят различные конкурсы, демонстрируют народные танцы (в постановках которых нередко ощущается современная интерпретация).

В самом конце устраивают главный забег на Кубок башкана Гагаузии, который традиционно происходит в седле. В состязаниях принимают участие и

владельцы лошадей из разных поселений Молдавии². Что касается возраста скакунов, то допускаются лошади и старше 5 лет. По результатам состязаний ценным подарком награждают и всадника (кубком состязаний и денежной премией), и владельца коня-победителя (ковром ручной работы). Традиция одаривания ковром была перенята руководством Гагаузии видимо у туркмен, так как о ее существовании у гагаузов в прошлом нет никаких сведений. После конно-спортивных состязаний устраивают забег на ослах.

В последние годы «изюминкой» праздника *Хедерлез* стали театрализованные представления, в которых выступают профессиональные артисты. По решению Управления культуры Гагаузии в них особый акцент делается на элементах, подчеркивающих скотоводческую основу гагаузской культуры. Так, в 2018 г. праздничные мероприятия на *Хедерлез* начались с тематической постановки художественных коллективов под гагаузскую народную песню «Оглан» (о пастухе), упоминание о которой есть в гимне Гагаузии. В 2019 г. церемонию открытия мероприятия предварял «рассказ легенды на гагаузском языке о возникновении праздника *Хедерлез* <...> и танец мальчиков и юношей с палками в руках, символизирующий скотоводческие традиции». Затем перед гостями и хозяевами праздника выступили представители гагаузской эстрады, которые исполнили произведение *Хедерлез*³. В 2020 г. состоялась онлайн презентация гимна «*Хедерлез* в Гагаузии» / «*Hederlez Gagauziyada*». В проведенном на *Хедерлез*–2022 театрализованном представлении раскрывалось народное содержание праздника, а также основные события из истории гагаузов: переселение с Балкан в Бессарабию (*Хедерлез*..., 2022).

В празднике *Хедерлез*, наполненном Управлением культуры Гагаузии элементами народной обрядности, характерными для других праздников, отражается официально признанная в автономии точка зрения о происхождении гагаузов. Это своего рода нарратив, представляемый соэтникам и иноэтничным гостям, раскрывающий скотоводческие традиции и кочевое прошлое гагаузов через исторические образы и формы хозяйственной деятельности, быт и традиционные виды физической активности. Через содержание данного праздника транслируется культурно-генетический код, который призван формировать у гагаузов этнокультурную идентичность через «прописывание» основных этапов их этнической истории. Способ передачи культуры и истории через сценические постановки (устная история в образах и театрализованных представлениях) довольно эффективно происходит через фестивальную культуру, обеспечивая связь поколений. Таким образом, через подобного рода фестивали осуществляется не только трансляция народных традиций, но и одна из существующих теорий этногенеза гагаузов.

² Национальный праздник «*Hederlez*». 14.12.2022. URL: <https://kultura-ge.md/tpost/9ze3k1b741-natsionalnii-prazdnik-hederlez> (дата обращения: 23.04.2025).

³ *Дмитриева А.* «Гагаузию нужно ценить и уважать». В Чадыр-Лунге прошел фестиваль *Хедерлез*–2019. 06.05.2019. URL: <https://nokta.md/gagauziju-nuzhno-cenit-i-uvazhat-v-gag/> (дата обращения: 12.05.2022).

Многие из предлагаемых на *Хедерлез* мастер-классов и конкурсов также призваны показать и раскрыть характерные для гагаузской культуры традиции овцеводства и коневодства, например, мастер-класс по подковке лошадей, конкурсы на самую быструю стрижку барана, на метание вилами соломы на дальность, на перекидывание с мешка с соломой, на самый громкий хлопок хлыстом. В конкурсе «Веселый обоз» или «Лучшие тяжеловозы среди зрителей» участники должны протащить определенное расстояние телегу, наполненную мешками с зерном, которые потом достаются победителям состязаний. Праздничная программа на *Хедерлез* из года в год разнообразится за счет включения различных игр и народных забав (*esek / uzun eşek, pekarcik, pelivan, kuran, aşık*). Желающие могут не только в них поиграть, но и попробовать свои силы в современных спортивных состязаниях, число которых заметно увеличилось. Ряд вводимых организаторами мероприятий номеров и конкурсов являются заимствованиями из праздничных традиций других тюркских народов, например, представление канатоходцев, бой мешками с соломой, сидя на бревне / *aaçta гюреш*, «колесо призов» / *баашиш текерляя* (забраться на столб и дотронуться до подарка) и другие⁴.

После скачек начинаются состязания по борьбе. Они были включены в праздничную программу *Хедерлез* недавно: в 2019 г. – в качестве мастер-класса, а с 2022 г. (после пандемии коронавируса) – как профессиональное спортивное мероприятие. Для участия в них Главное управление по делам молодежи и спорта Гагаузии привлекает все отделения вольной борьбы спортивных школ. Но в них могут принять участие все желающие. Состязания проводятся с учетом двух возрастных категорий: дети – до 16-ти лет (в весовых категориях до 35 кг, 45 кг, 55 кг, 60+ кг) и взрослые (до 60 кг, 75 кг, 90 кг, 100+ кг). Победители среди детей до 16-ти лет (в четырех весовых категориях) обычно награждаются живым петухом, а среди взрослых (также в четырех весовых категориях) – живым бараном⁵.

То значение, которое придает руководство Гагаузии и сами гагаузы празднику *Хедерлез*, традиционным видам состязаний, а также их представленность в современной праздничной культуре, позволяет их квалифицировать как этноспорт, под которым понимается «новая институциональная форма, объединяющая традиционные виды физической активности, в том числе национальные

⁴ Солнце, игры, скачки: как прошел в Гагаузии «Хедерлез–2023». 07.05.2023. URL: <https://news.mail.ru/society/56122997/> (дата обращения: 12.05.2024).

⁵ Национальная борьба «Güreş» прошла в рамках празднования фестиваля «Hederlez Gagauziyada–2022». 10.05.2022. URL: <https://molodejispport-ge.md/novosti/1854-nacionalnaya-borba-gre-proshla-v-ramkah-prazdnovaniya-festivalya-hederlez-gagauziyada-2022.html> (дата обращения: 12.05.2024); Национальная борьба «Güreş» прошла в рамках празднования фестиваля «Hederlez Gagauziyada–2024». 15.05.2024. URL: <https://molodejispport-ge.md/novosti/2295-nacionalnaya-borba-gre-proshla-v-ramkah-prazdnovaniya-festivalya-hederlez-gagauziyada-2024.html> (дата обращения: 22.05.2024).

виды спорта, и повсеместно возрождающиеся в качестве исторических реконструкций традиционные игры коренных народов» (Кыласов, 2011: 43).

Важной составляющей праздника *Хедерлез* (как и других проводимых в Гагаузии фестивалей) являются ярмарки мастеров народного творчества и гагаузская национальная кухня, включающая мясные блюда (холодная *каурма*), *булгур*, голубцы, выпечку (*гезлемя*) и брынзу. Гостям предлагается не только их попробовать, но и мастер-классы по их приготовлению.

Как можно видеть из приведенного в статье материала, современный этап исторического развития гагаузского этноса (с 90-х гг. XX в.) повлиял на складывание специфики праздника *Хедерлез*, на его наполненность атрибутами и этнокультурными символами с целью формирования цельности образа гагаузского этноса как тюркоязычного. В качестве произошедших трансформаций в содержании праздника можно назвать следующие: изначально имели место замена одной обрядности на другую (состязания по борьбе на конноспортивные), «вставки» (включение конкурсов и театрализованных представлений с историческим контекстом), «добавления» (расширение программы праздника за счет традиционных игр и конкурсов), «перестановки». В результате таких структурных адаптаций праздник продолжает выполнять наиболее значимые и присущие ему функции, транслируя дух традиционности через современную праздничную культуру.

Таким образом, анализ современной формы празднования *Хедерлез* дает основание говорить о том, что руководство автономии придает этому празднику, ставшему брендом Гагаузии, большое значение. Традиционные формы празднования дополняются некоторыми новациями, от чего праздник получает большую привлекательность и зрелищность. Через такого рода праздники молодежи прививается интерес к национальным видам спорта, а также традиция соревновательности, что особо актуально в настоящее время. Именно через этот праздник (помимо языка), занимающий центральное место в современной праздничной культуре гагаузов, Гагаузия довольно успешно вписала себя в тюркский мир. Через *Хедерлез* она не только манифестирует свою этнокультурную особенность, но и влияет на процессы в области этнической идентичности гагаузов, стимулируя их.

Очевидно, что праздник *Хедерлез* не только сохранился, несмотря на перемены в истории и жизни народа, но и остался глубоко народным по духу празднования и по значимости на сознание нынешних гагаузов. Продолжая развивать и пропагандировать свои национальные праздники, в частности *Хедерлез*, Гагаузия стала более узнаваемой. Этот праздник является визитной карточкой автономии. Кроме того, праздник выступает в качестве дополнительного ресурса для развития гагаузскости, поскольку способствует формированию самосознания гагаузов как составной части тюркского мира. Важным представляется то, что идея устраиваемых во время таких празднований фестивалей заключается не только в демонстрации этнокультурных особенностей гагаузов, но и в том, чтобы подчеркнуть полиэтничность Республики Молдова.

*Турниры и чемпионаты в Гагаузии по вольной борьбе
в контексте продвижения национального вида спорта*

До прихода советской власти и активизации деятельности в области физкультуры и спорта состязания по борьбе в Гагаузии проводились в соответствии с традиционными правилами, составлявшими вид национальной борьбы *гюреш*. Со второй половины XX в. борьба у гагаузов из этноспорта стала развиваться в направлении профессионального спорта – спортивной борьбы. Это свидетельствует о стремлении к сохранению наследия предков и является одной из форм проявления этногенетической памяти.

Уже в 60–70-е гг. прошлого столетия много гагаузов училось в спортивных интернатах Кишинева. Немало гагаузских спортсменов, будучи студентами других учебных заведений, начинали свою карьеру в Приднестровье, там были созданы условия для развития этого вида спорта. Уже с этого времени они успешно выступали на Международных турнирах по вольной борьбе. В 1970-е гг. немало гагаузских спортсменов получило звание кандидат в мастера спорта, мастер спорта СССР, заслуженный тренер Молдавии по вольной борьбе. Среди них Молла Георгий Дмитриевич, Игнат Георгиевич Грек, Киорогло Савелий Федорович. Некоторые спортсмены успешно освоили все четыре вида борьбы (вольная, грекоримская, дзюдо и самбо), получив по всем ним звание мастер спорта, например, Петр Константинович Тюлю.

Детские спортивные юношеские школы были открыты в крупных поселениях (Чадыр-Лунге, Комрате, Вулканештах), а в некоторых селах – филиалы (в с. Бешгиоз в 1975 г.)⁶.

В настоящее время в ряде сел Гагаузии оборудованы спортивные залы, есть секции по вольной борьбе, в которых тренируется по 30–40 школьников (учащиеся 1–9 классов). В столице Гагаузии действует Комратский спортивный региональный лицей, а также Комратский спортивный клуб «Боз Курт». Отделение вольной борьбы есть и при Комратской муниципальной спортивной школе БОЗ КУРТ-2. Его воспитанники добиваются больших результатов на чемпионатах Молдовы и мира.

В с. Конгаз, где до середины XX в. проходили так называемые гагаузские олимпийские игры по борьбе *гюреш*, теперь проводятся Чемпионаты Гагаузии по вольной борьбе, организатором которых является Главное Управление молодежи и спорта Гагаузии. В 2019 г. «в первенстве Гагаузии участвовали 86 спортсменов, представлявших спортивные школы Гагаузии». В 2023 г. состяза-

⁶ В Бешгиозе в понедельник состоится турнир по вольной борьбе в честь Петра Тюлю. 10.07.2021. URL: <https://gagauznews.com/93070/v-beshgioze-v-ponedelnik-sostoitsya-turnir-po-volnoj-borbe-v-chest-petra-tyulyu.html> (дата обращения: 12.05.2024).

ния по вольной борьбе проходили по 10 весовым категориям⁷. В проведении чемпионатов Гагаузии по вольной борьбе в с. Конгаз отчетливо прослеживается преемственность традиции, связь прошлого и настоящего.

Тенденция спортизации и развития в Гагаузии вольной борьбы во многом является результатом личных усилий первых профессиональных спортсменов-гагаузов, а также их учеников. Гагаузские спортсмены 1960-1980-х гг. не только приложили много сил для развития вольной борьбы в своем родном селе, но и повлияли на ее развитие как в Гагаузии, так и в Молдове. Они проводили на месте селекционную работу, выявляли сильных и способных спортсменов и направляли их в специализированные спортивные школы Кишинева, где те обучались борьбе на профессиональном уровне⁸.

С 2000 гг. в ряде гагаузских населенных пунктов начали проводить турниры по вольной борьбе, которые со второго десятилетия стали традиционными и проходят ежегодно. В некоторых селах состязания по борьбе изначально устраивали во время майских праздников – в с. Бешгиоз 1 мая, а в с. Томай 9 мая. Со строительством церкви в с. Бешгиоз эти мероприятия перенесли на храмовый праздник.

Многие турниры проводятся в память об односельчанах – заслуженных тренерах Молдовы по вольной борьбе, первооснователях данного вида спорта на своей малой родине: Саввелия Киорогло в г. Чадыр-Лунга (с 2016 г.), Петра Тюлю – в с. Бешгиоз (с 2000 г.), Федора Франжева – в с. Копчак (с 2022 г.). Это одна из форм проявления уважения к предшественникам, к культурной традиции народа. Для организационной (нередко и финансовой) поддержки таких мероприятий известные гагаузские спортсмены, находящиеся за рубежом, приезжают на свою малую родину.

В Гагаузии проводятся турниры по борьбе на поясах, для названия которых используется молдавская терминология – национальная борьба *трынта*. Обычно состязания проходят по правилам борьбы вольного стиля. Такой турнир, посвященный празднованию национального праздника *Касым*, прошел в г. Чадыр-Лунга 9 ноября 2016 г. Тогда «в соревнованиях приняли участие 70 спортсменов из Чадыр-Лунги, Баурчи, Джолтая, Томая, Казаклии, Валя-Пержей и Бешгиоза»⁹. В последнее время они стали нередкими и в Гагаузии.

⁷ В с. Конгаз прошел Чемпионат Гагаузии по вольной борьбе. 19.03.2019. URL: <https://raionceadir.md/ru/novosti/obshchestvo/item/1534-v-s-kongaz-proshel-chempionat-gagauzii-po-volnoj-borbe> (дата обращения: 12.05.2024); Чемпионат Гагаузии по вольной борьбе! 02.03.2023. URL: <https://www.congaz.md/chempionat-gagauzii-po-volnoj-borbe/> (дата обращения: 12.05.2024).

⁸ В Бешгиозе в понедельник состоится турнир по вольной борьбе в честь Петра Тюлю. 10.07.2021. URL: <https://gagauznews.com/93070/v-beshgioze-v-ponedelnik-sostoitsya-turnir-po-volnoj-borbe-v-chest-petra-tyulyu.html> (дата обращения: 12.05.2024).

⁹ В Чадыр-Лунге прошел турнир по борьбе на поясах. 09.11.2016. URL: <https://gagauznews.com/12840/v-chadyr-lunge-proshel-turnir-po-borbe-na-poyasah.html> (дата обращения: 12.05.2024).

Аналогичный турнир провели в Комрате 22 августа 2021 г. Он проходил в центре города перед зданием Дома культуры. В состязаниях учитывались как возрастные, так и весовые категории: дети – 25 кг, 30 кг, 35 кг, 40 кг, 45 кг, 50 кг; взрослые спортсмены – 60 кг, 70 кг, +80 кг; ветераны борьбы – от 45 лет и старше. Традиционно победителей младшей группы награждают живым петухом, а старшей – живым бараном¹⁰.

Сведения о достижениях гагаузских спортсменов представлены в интернете, а данные о наиболее известных из них есть даже в википедии (И. Грек, В. Ефтени). Список тех, кто получил звание мастер и кандидат в мастера спорта по вольной борьбе довольно обширный¹¹.

О внимании Гагаузии к борьбе и чествованию спортсменов-победителей

Развитию спорта и чествованию спортсменов-победителей в Гагаузии уделяется большое внимание. Выросла целая плеяда молодых спортсменов, ставших чемпионами в различных видах единоборств. С победой их традиционно поздравляют башкан Гагаузии и другие официальные лица, а также жители автономии и односельчане, которые гордятся их успехами. Наиболее удачными были выступления гагаузских спортсменов в 2014 г. Всего в том году на чемпионатах Молдовы по разным видам спорта гагаузскими спортсменами было завоевано 38 медалей. В феврале 2015 г. в районном Доме культуры г. Комрат Башкан Гагаузии награждал спортсменов и тренеров автономии по итогам 2014 г. Пять тренеров получили почетные звания «Заслуженный работник физической культуры спорта Гагаузии». Для награждения спортсменов было выделено порядка 250 тысяч леев¹².

¹⁰ Правда Гагаузии. 19.08.2021. URL: <https://tgstat.ru/channel/@PravdaGagauzia/5104> (дата обращения: 12.05.2024).

¹¹ Уроженец Гагаузии Дмитрий Герчогло воспитал чемпионку Олимпийских игр по вольной борьбе 2014 года. 12.10.2015. URL: <https://m.ok.ru/gagauzskiiugol/topic/64350120001599> (дата обращения: 12.05.2024); Уроженец села Бешгиоз завоевал золотую медаль на Балканских играх среди кадетов. 2021. URL: <https://gagauz.online/ru/yrojenec-sela-beshgioz-zavoeval-zoloty-medal-na-balkanskih-igrah-sredi-kadetov/> (дата обращения: 12.05.2024); Спортсмены из Гагаузии завоевали медали на международном турнире по борьбе в Болгарии. 30.05.2023. URL: <https://molodejisport-ge.md/2115-sportsmeny-iz-gagauzii-zavoevali-medali-na-mezhdunarodnom-turnire-po-borbe-v-bolgarii.html> (дата обращения: 12.05.2024).

¹² Награждение спортсменов – призеров и их тренеров чемпионатов Гагаузии, Республики Молдова, Европы, Мира, Юношеских игр. 23.02.2015. URL: https://gums.ucoz.org/news/nagrazhdenie_prizerov_i_ikh_trenerov_chempionatov_gagauzii_r_moldova_evropy_mira_junosheskikh_igr/2015-02-23-381 (дата обращения: 12.05.2024); Вольная борьба – традиционный вид спорта в Авдарме. 15.08.2019. URL: <https://avdarma1563.md/volnaya-borba-tradicionnyj-vid-sporta-v-avdarme/> (дата обращения: 12.05.2024).

В настоящее время в гагаузской среде продолжают появляться все новые чемпионы по вольной борьбе. В 2021 г. они показали хорошие результаты на Чемпионате Молдовы¹³, а в 2022 г. – на Чемпионате Европы по вольной борьбе¹⁴.

У гагаузов вольная борьба пользуется большой популярностью и является национальным видом спорта. Однако, судя по представленным в интернете сведениям, гагаузские борцы успешно выступают на чемпионатах (проходящих как в Молдове, так и за рубежом) и в других видах борьбы: на поясах (*трынта*), дзюдо. Они являются участниками различных международных турниров по борьбе, в том числе проводимых на Балканах где, как правило, выступают спортсмены из числа участников Чемпионатов мира и Европы¹⁵.

В последнее десятилетие у молодого поколения гагаузов возрос интерес к другим видам единоборств, в частности к самбо¹⁶. В данный вид состязаний начали включаться и девушки, что для гагаузов является новым веянием¹⁷.

Значение состязаний по вольной борьбе и преемственность традиции, приращенность этому виду спорта и его популярность среди гагаузов, проведение международных состязаний и чемпионатов Гагаузии (в с. Конгаз), результативность гагаузских спортсменов на мировой арене в данных видах спорта – все это дает основание говорить о том, что борьба в Гагаузии является национальным видом спорта, а сами гагаузы – «борцовский народ»¹⁸.

На наш взгляд, борьба является у гагаузов не только национальным видом спорта, но она у них в крови. Поэтому высказывание о том, что гагаузы – «борцовский народ» следует понимать в широком смысле слова: у них борцовский

¹³ XV-ый международный турнир по вольной борьбе состоялся в с. Бешгиоз. 2021. URL: <https://www.beshgioz.md/ru/familiarity-with-zholtay-2/news-events-2/721-xv-ый-международный-турнир-по-вольной-борьбе-состоялся-в-с-бешгиоз.html> (дата обращения: 12.05.2024); Борцы из Копчака выиграли золото и бронзу Чемпиона Молдовы по вольной борьбе. 06.02.2021. URL: <http://www.sorceac.md/2021/02/06/borcy-iz-kopchaka-vyigrali-zoloto-i-bronzu-chempiona-moldovy-po-volnoj-borbe/> (дата обращения: 12.05.2024).

¹⁴ Чествование серебряного призёра Европы Георгия Кара. 30.07.2022. URL: <https://atv.md/чествование-серебряного-призёра-евр/> (дата обращения: 12.05.2024).

¹⁵ Гагаузский боец из Вулканешть стал Чемпионом по борьбе на поясах кюреш. 2016. URL: <https://atv.md/гагаузский-боец-из-вулканешть-стал-че/> (дата обращения: 12.05.2024).

¹⁶ Гагаузские спортсмены завоевали золото и бронзу на Чемпионате мира по самбо. 23.10.2012. URL: https://gums.ucoz.org/news/gagauzskie_sportsmeny_zavoevali_zoloto_i_bronzu_na_chempionate_mira_po_sambo/2012-10-23-149 (дата обращения: 12.04.2024); Мастер спорта по борьбе самбо из Гагаузии завоевал золотую медаль на чемпионате мира. 30.11.2018. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/197827972> (дата обращения: 12.04.2024); Как Петр Куру за 20 секунд завоевал для Гагаузии золото чемпионата мира по самбо. 25.11.2020. URL: <https://gagauznews.com/69188/kak-petr-kuru-za-20-sekund-zavoeval-dlya-gagauzii-zoloto-chempionata-mira-po-sambo.html> (дата обращения: 12.05.2024).

¹⁷ Грандиозный успех: самбисты из Гагаузии завоевали медали на Чемпионате мира среди молодежи. 11.10.2023. URL: <http://gagauzia24.info/kartina-dnya/29017-grandioznyy-uspeh-sambisty-iz-gagauzii-zavoevali-medali-na-chempionate-mira-sredi-molodezhi.html>

¹⁸ Михаил Молла и Петр Куру поделились мнением о турнире по вольной борьбе в Бешгиозе. 14.07.2021. URL: <https://gagauznews.com/93400/mihail-molla-i-petr-kuru-podelilis-mneniem-o-turnire-po-volnoj-borbe-v-beshgioze.html> (дата обращения: 12.05.2024).

характер. Об этом свидетельствуют не только многочисленные успехи гагаузских борцов на чемпионатах Молдовы, Европы и мира, но и борьба гагаузов в 1990-е гг. за свою государственность. Этот исторический шанс гагаузы не упустили. Несмотря на малочисленность гагаузского народа (в Гагаузии их живет 145 тыс. человек), они сумели мобилизоваться, отстаивали право на свою государственность и в настоящее время продолжают борьбу за сохранение своей автономии. Думается, что в этом есть немалая роль традиционно присущих им индивидуальных видов спорта, которые сформировали в гагаузах дух соревновательности, являющийся важной составляющей их национального характера.

В настоящее время вольная борьба – это не только культурно-зрелищное мероприятие на проводимых в Гагаузии наиболее значимых праздниках, но и важная часть гагаузской этнокультурной идентичности. Несмотря на малочисленность гагаузского народа, из его среды вышло много мастеров спорта, а также чемпионов мира и Европы по этим видам единоборств, в первую очередь по вольной борьбе.

* * *

Анализ традиционной культуры гагаузов показал, что важное место в календарных праздниках отводилось борьбе и скачкам. Данные традиции тесно связаны с хозяйственной деятельностью, народными воззрениями, православным календарем и культурой повседневности. Характерные черты календарной обрядности гагаузов, как и представленных в ней видов физической активности, формировались под влиянием историко-культурных процессов и особенностей хозяйственной деятельности, характерных для народов Балканского региона, где протекал процесс формирования гагаузского этноса.

Скачки и борьба сохраняют свою значимость в современной праздничной культуре гагаузов как ключевые виды состязаний. Они являются неотъемлемой частью культурного кода и выступают в качестве маркера этнокультурной идентичности. Однако их судьба сложилась по-разному. Конные состязания, реанимированные в 90-е гг. XX в., в настоящее время составляют основу праздника *Хедерлез* – одного из главных национальных праздников в Гагаузии. Внесение ряда изменений в содержание этого праздника (перенесение обычаев Тодорова дня на *Хедерлез*) было обусловлено осознанием необходимости актуализации его формы в современных условиях для включения в фестивальную культуру. Однако сущность его трансформации диктовалась также сложившейся в те годы в Молдове сложной социально-политической обстановкой и борьбой гагаузского народа за государственность, в которой упор был сделан на наиболее ярких этноспецифических составляющих традиционной культуры. Насыщение *Хедерлез* шло как путем «перемещения» ряда обычаев и традиций из обрядности других гагаузских праздников, так и за счет включения в праздничные мероприятия иноэтничных элементов, призванных сделать праздник ближе к тюркской традиции празднования.

Через национально значимые праздники и состязания гагаузы чувствуют свою сопричастность к судьбе своего народа, к жизни родной земли. Связь традиций прошлого и настоящего наглядно проявляется в распространенности и массовости в Гагаузии такого вида единоборства как вольная борьба, а также в значимости проведения конных состязаний на празднике *Хедерлез*. Скачки, выполняющие функцию национально значимого символа, вписываются у гагаузов в понятие этносport, поскольку сохраняют традиционность и четкую прикреплённость к народному календарю. Благодаря данному виду состязаний усиливается не только зрелищность праздника, но и делается акцент на двуциклическом календаре и скотоводческой деятельности предков гагаузов, что позволяет им манифестировать свое тюркское происхождение. Что касается борьбы, то она переросла рамки этносporta, став у гагаузов национальным видом спорта. Об этом свидетельствуют и достижения гагаузских спортсменов в разных видах единоборств, в первую очередь в вольной борьбе.

Спортивные состязания – борьба и скачки, будучи важной составляющей праздничной культуры и системы этновоспитания, являются частью исторической и этногенетической памяти гагаузского народа. В процессе исторического развития эти виды спорта способствовали развитию у представителей этноса таких черт как соревновательность, лидерство, упорство, стремление к победе, настойчивость в достижении цели, которые составляют основу гагаузского национального характера.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973.

Квилинкова Е.Н. Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (Народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен). Кишинев: Tipogr. Centrală, 2016.

Квилинкова Е.Н. Соционормативная культура: традиции и инновации. Кишинев, 2020.

Квилинкова Е.Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев: Buziness-Elita, 2007.

Кыласов А.В. Методология и терминология этносporta. 2011.

Кыласов А.В., Гавров С.Н. Этнокультурное многообразие спорта // Энциклопедия систем жизнеобеспечения (EOLSS). Наука о спорте. ЮНЕСКО/EOLSS, Магистр-пресс, 2011. С. 462–491.

Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // Этнографическое обозрение. 1902а. № 3. С. 1–100.

Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // Этнографическое обозрение. 1902б. № 4. С. 1–91.

Мошков В.А. Наречия бессарабских гагаузов // Образцы народной литературы тюркских племен, изд. В. Радловым. Ч. X. СПб., 1904.

REFERENCES

- Gagauz-Russian-Moldavian dictionary* (1973). Moscow. (In Gagauz-Russian-Moldavian)
- Kvilinkova E.N. (2007) *Traditional spiritual culture of the Gagauz: Ethno-regional features*. Kishinev: Buziness-Elita Publ. (In Russ.)
- Kvilinkova E.N. (2016) *The Gagauz in the ethnocultural space of Moldova (Folk culture and ethnic identity of the Gagauz through the prism of the connection of times)*. Kishinev: Centrală Publ. (In Russ.)
- Kvilinkova E.N. (2020) *The socionormative culture of the Gagauz people: Traditions and transformations*. Kishinev: Print Caro Publ. (In Russ.)
- Kylasov A.V. (2011) *Methodology and terminology of ethnosport*. (In Russ.)
- Kylasov A.V., Gavrov S.N. (2011) Ethnocultural diversity of sports. In: *Encyclopedia of life support systems* (EOLSS). Sports science. UNESCO/EOLSS, Master's Press: 462–491. (In Russ.)
- Moshkov V.A. (1902a) Gagauz, Bendery district. Ethnographic essays and materials. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review]. No. 3: 1–100. (In Russ.)
- Moshkov V.A. (1902b) Gagauz, Bendery district. Ethnographic essays and materials. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review]. No. 4: 1–91. (In Russ.)
- Moshkov V.A. (1904) Dialects of the Bessarabian Gagauzes. In: *Samples of folk literature of the Turkic tribes*. V. Radlov (ed.). Part 10. St. Petersburg. (In Russ.)

Сведения об авторе: Квилинкова Елизавета Николаевна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси (220072, ул. Сурганова, 1, корп. 2, Минск Республика Беларусь); <https://orcid.org/0000-0002-7168-8506>; e-mail: cvilincova@mail.ru

About the author: Elizaveta N. Kvilinkova, Doctor Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore of the Belarus National Academy of Sciences (1, building 2, Surganov St., Minsk 220072, Republic of Belarus); <https://orcid.org/0000-0002-7168-8506>; e-mail: cvilincova@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 29.05.2024

Доработана после рецензирования / Revised 30.01.2025

Принята к публикации / Accepted 26.03.2025

ВИЗУАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

VISUAL MATERIALS AS A SOURCE OF HISTORICAL AND ETHNOLOGICAL RESEARCH

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.224-248>

EDN: HZKIRS

«Типы народов России» в иллюстрациях 1870-х годов журнала «Нива»

А.Э. Жабрева

Библиотека Российской академии наук

Санкт-Петербург, Российская Федерация

annazhabreva@mail.ru

Резюме. Предметом исследования являются иллюстрации из популярного в Российской империи журнала «Нива», изданные в первое десятилетие его существования (1870-е гг.). Просветительские задачи, которые ставил издатель А.Ф. Маркс, реализовывались в сквозных многолетних темах – история и культура, география и животный мир, научные открытия, текущие события в стране и за рубежом. Важным направлением работы издания в условиях многонациональной и многоконфессиональной России стала тема культуры и быта народов страны.

Интерес к материальной и духовной культуре народов России был подготовлен академическими экспедициями XVIII в., организацией Первой этнографической выставки 1867 г. и фундаментальными публикациями. Журнал «Нива» занялся популяризацией этой темы среди населения. В нем систематически публиковались статьи и гравюры, описывающие географическое положение, климат, образ жизни, материальную культуру разных народов. Для этого привлекались авторитетные авторы – писатели, путешественники, художники. Каждый материал сопровождался гравюрой с изображением одного или нескольких представителей описываемого народа.

В первые годы основным источником иллюстраций был альбом «Этнографическое описание народов России» Г.-Т. Паули, но создавались и новые рисунки с натуры или фотографии. В статье исследованы основные комплексы этнографических иллюстраций, запечатлевших традиционную одежду. Анализируется их значение как изобразительного источника.

В завершении статьи приложена роспись 108 иллюстраций этнографического характера, опубликованных в журнале «Нива» в 1871–1880 гг.

Ключевые слова: журнал «Нива», традиционный костюм, народы Российской империи, изобразительные источники.

Для цитирования: Жабрева А.Э. «Типы народов России» в иллюстрациях 1870-х годов журнала «Нива». *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 2. С. 224–248. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.224-248> EDN: HZKIRS

“Types of the Russia Peoples” in the illustrations of the 1870s in the “Niva” magazine

A.E. Zhabreva

Library of the Russian Academy of Sciences

Saint-Petersburg, Russian Federation

annazhabreva@mail.ru

Abstract. The subject of the study are illustrations from the *Niva* magazine, popular in the Russian Empire, that were published in the first decade of its existence (the 1870s). The educational tasks set by the publisher A.F. Marx were implemented in cross-cutting long-term themes – history and culture, geography and wildlife, scientific discoveries, current events in the country and abroad. An important area of the publication’s work in the context of multinational and multi-confessional Russia was the theme of the culture and life of the peoples of the country. Interest in the material and spiritual culture of the peoples of Russia was prepared by academic expeditions of the 18th century, the organization of the First Ethnographic Exhibition of 1867 and fundamental publications. The *Niva* magazine was engaged in the popularization of that topic among the population. It systematically published articles and engravings describing the geographical location, climate, way of life, and material culture of different peoples. In order to do that, reputable authors were involved – writers, travelers, and artists. Each material included an engraving that depicted one or a few representatives of the people described.

In the early years, the main source of illustrations was the album “Ethnographic description of the peoples of Russia” by G.-T. Pauly, but new drawings from life or photographs were also created. The article examines the main sets of ethnographic illustrations that depict traditional clothing. Their significance as a pictorial source is analyzed. At the end of the article, a list of 108 ethnographic illustrations published in the *Niva* magazine in 1871–1880 is attached.

Keywords: “Niva” magazine, traditional costume, peoples of Russia, pictorial sources.

For citation: Zhabreva A.E. (2025) “Types of the Russia Peoples” in the illustrations of the 1870s in the “Niva” magazine. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 2: 224–248. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.224-248> (In Russ.)

«... жаль, что наши деревенские красавицы не оценивают
вполне достоинств своего нарядного костюма...»
(Нива, 1887: 250)

Изучение материальной и духовной культуры народов Российской империи, ярким проявлением которой является традиционный костюм, началось во времена академических экспедиций XVIII в. Обобщающим трудом по всем народам империи, описанию их хозяйства, образа жизни, внешности, одежды, т.е.

первой сводной этнографической работой, стало «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» И.-Г. Георги (Георги И.-Г.). В 1862 г. к тысячелетию российской государственности было подготовлено новое, исключительное по информативности и красоте издание «Description ethnographique des Peuples de la Russie» («Этнографическое описание народов России»), над которым трудились десятки авторов и художников под руководством активного члена Русского географического общества Густава-Федора Христиановича Паули (1817–1867) (Pauly). Это издание, которое часто сокращенно называют «Народы России», было выполнено на основе самых свежих данных, какими располагала наука того времени (Жабрева, 2007). На многие десятилетия прекрасные литографии стали основным пособием при изучении культуры народов России, неоднократно перепечатывались в виде цветных иллюстраций и черно-белых гравюр, включались в самые разные издания историко-этнографической тематики.

Ярким проявлением интереса к образу жизни и внешнему облику многонационального населения страны стала Первая этнографическая выставка 1867 г. в Москве, материалами которой этнографы пользуются до сих пор (Миллер, Славянский мир). В 1895 г. был основан Этнографический отдел Русского музея в Санкт-Петербурге (в настоящее время Российский этнографический музей). В последней трети XIX – начале XX в. увидело свет несколько фундаментальных изданий по этнографии и популярные книги, рассчитанные на массового читателя под одинаковым названием (Народы России в 8 вып., 1878-1880; Народы России в 2 т., 1878-1880), иллюстрированные перепечатками литографий из альбома Г.-Т. Паули, сделанными с них гравюрами, воспроизведениями фотографий. Популярные периодические издания того времени публиковали этнографические материалы и иллюстрации Дашкова, Архангелогородского, Беломорского. Но лишь в журнале «Нива» это направление приобрело систематический, образовательный характер.

Напомним, что журнал «Нива» издавался в Санкт-Петербурге с 1870 по 1918 г., выходил еженедельно, годовой комплект состоял из 52 выпусков. Он предназначался для семейного чтения и выполнял просветительские функции. Огромное число подписчиков и многотысячные тиражи сделали «Ниву» самым массовым и читаемым периодическим изданием России своего времени. Длительность деятельности журнала позволила сформировать целые тематические направления публикаций, важнейшим из которых была история и культура народов страны. Иллюстрации «Нивы», выполненные на высоком художественном и техническом уровне, являются существенной страницей в истории изобразительного искусства последней трети XIX – начала XX в., составной частью истории полиграфического дела, журнальной графики и отечественной культуры в целом. На комплектах «Нивы» воспитывались и обучались целые поколения.

В Библиотеке Российской академии наук хранится почти полный комплект журнала, к изучению которого автор статьи впервые обратился около 20 лет назад, пролистав его полностью. Выписанные сведения об иллюстрациях, инте-

ресных с точки зрения изображенного на них исторического и традиционного костюма, составили довольно большую рабочую картотеку, распадавшуюся на три составные части: 1) русский костюм допетровского времени и XVIII в., 2) традиционный костюм народов Российской империи, 3) типажи сословий Российской империи.

Первая часть аналитической работы была представлена в ряде статей и в виде иллюстрированного библиографического указателя (Жабрева, 2003). В данной работе будет рассказано о второй группе иллюстраций – гравюрах и фототипиях, которые в той или иной мере отражали традиционный костюм народов Российской империи. Поскольку в одной статье невозможно представить весь обширный этнографический материал «Нивы» (более 300 иллюстраций) автор ограничился выборочным представлением некоторых циклов и сюжетов, помещенных в журнале за первые десять лет его существования.

К статье прилагается роспись 108 этнографических иллюстраций за 1871–1880 гг., выстроенная в хронологическом порядке (в пределах одного года – в алфавите заглавий). Все названия иллюстраций, наименования этносов, имена художников и авторов текстов, упоминаемые в тексте, сопровождаются ссылкой на порядковый номер записи в данном списке (арабская цифра в круглых скобках).

О характере изображений традиционных костюмов

Изображения народов Российской империи – русских разных областей, малороссов, белорусов, молдаван, татар, казаков, обитателей Крыма, Кавказа, Сибири и Средней Азии – публиковались в «Ниве» неоднократно. На них представлены одиночные и групповые типажи, жанровые сценки, запечатлевшие разные виды полевых и домашних работ, повседневные и праздничные события, национальные охоты и военные действия, торговлю, танцы, обряды. Персонажи этих иллюстраций одеты в более или менее достоверные традиционные костюмы, часто окружены типичным для них ландшафтом или интерьером традиционного жилища, предметами быта или орудиями труда.

В первое десятилетие существования «Нивы» на ее страницах преобладали гравюры. Иллюстрации занимали обычно половину, треть полосы, встраивались в текст в центре, в отдельных случаях заполняли полный разворот. Они не обязательно были привязаны к статьям, могли располагаться до или после них. Если иллюстрация носила самостоятельный характер, то комментарии обычно следовали ближе к концу номера.

Многие иллюстрации «Нивы» являются самостоятельными произведениями, дополненными небольшими комментариями, а часть изображений сопровождают серьезные географические и этнографические очерки, например, «Город Мезень», «Галич», «Якуты», «Шаманство и шаманы».

Так, первый раздел статьи «Галич», написанной профессиональным фотографом, краеведом-любителем Александром Петровичем Шевяковым (Шевяков-Красовский, 1847–1884) посвящен описанию живописных женских костю-

мов различных местностей Галичского уезда. Автор пишет о сохранении обычая по праздникам надевать богатый костюм своих прабабушек и самым подробным образом характеризует все предметы, ткани, меха, отделки, головные уборы, приводит местные названия. Он восхищается разнообразием и роскошью летних нарядов, сшитых из штофа, вышитых золотом и серебром крупными букетами и украшенных золотой каймой и бахромой. Богатство и красота наряда отличаются у крестьянок и купчих, что показано на гравюрах и описано в тексте. Статья иллюстрирована двумя рисунками автора – крестьянки (девушка из Рыбной слободы в уличном зимнем наряде) и купчихи (молодой женщины вскоре после свадьбы) (1, 2). Наряды обеих роднит сходная форма конусообразной повязки, украшенной широкой жемчужной поднизью.

К этой же группе изображений отнесем и полностраничную гравюру «Таджикские и Сартские женщины» – иллюстрацию к статье дипломата, путешественника, писателя Н.П. Стремоухова (1846 – после 1908) «В Средней Азии» (99) (Рис. 1). Это прекрасный пример этнографического изображения. Несмотря на черно-белое исполнение, образы молодых женщин живописны, а их многослойные костюмы кажутся яркими и даже роскошными. Можно разглядеть, что стоящая женщина одета в длинное узкое платье из узорчатой материи. Сверху надет узкий кафтан из светлой материи в темную полоску, у него длинные свободные рукава, отложной воротник, застежка в верхней части состоит из трех пуговиц. Сидящая женщина облачена в платье, подол и широкие воронкообразные рукава которого видны из-под надетого сверху кафтана. Последний сшит, вероятно, из однотонного шелка, украшен вышивкой по углам бортов, застегнут слева направо, имеет рукава, достигающие до локтя. Грудь женщины украшают гроздь бус. Ноги обеих обуты в сапожки или туфли, волосы частично заплетены в косы, частично распущены по плечам, на их головах повязки, похожие на небольшие тюрбаны.

К большой статье «Шаманство и шаманы» приложены два изображения минусинского шамана, показывающие его спереди и сзади (5, 6), а в тексте подробно разбираются детали одежды и ритуальные предметы, их названия, назначение, способы использования. С максимальной подробностью изложены производящиеся с их помощью действия и звуки.

«Русские типы» в иллюстрациях «Нивы»

Наиболее достоверными можно считать изображения, включенные в циклы очерков «Народы России», «Русские типы», «Народные типы» и др. К примеру, в цикле «Русские типы» непосредственно костюму посвящен рисунок «Женщины Курской, Орловской и Костромской губ. в праздничных одеждах» (108) (Рис. 2). Три женщины одеты по-разному. На одной рубаха, сарафан, недлинная душегрейка, меховая шубка; на другой рубаха, распашной сарафан, отделанный бахромой, приталенная с длинной баской душегрея; на третьей – рубаха, понева и длинный с рукавами и вышивкой передник. Головные уборы тоже отличаются формой и объемами. В сопроводительном тексте говорится о

том, что древние одежды и головные уборы все более вытесняются из среды русского сельского населения, многие принадлежности костюма сделались археологической редкостью и хранятся в сундуках, лишь пожилые женщины носят зимой шубки «в роде сарафанов», а летом красные душегрейки. Головные уборы являются уцелевшим остатком глубокой древности.

5). Таджикскія и Сартскія женщины. Рис. Вустъ, грав. Лаплантъ.

Рис. 1. Таджикские и Сартские женщины. Рис. Вуст, грав. Лаплант.
(Нива. 1879. № 24: 469; 24 x 16 см).

Русские типы. Женщины Курской, Орловской и Костромской губ. въ праздничныхъ одеждахъ. Рис. Ганье, грав. Паннемакеръ Домсъ.

Рис. 2. Русские типы. Женщины Курской, Орловской и Костромской губ. в праздничных одеждах. Рис. Ганье, грав. Паннемакер Домс.
(Нива. 1880. № 13: 265; 13,5 x 17,5 см).

Не слишком удачное изображение пяти жительниц Пскова показывает, тем не менее, несколько вариантов женских одежд. Эта гравюра иллюстрирует статью «Псковитяне» из серии «Народы России» (40), где о костюме сказано буквально несколько общих фраз.

Изображением девушки из окрестностей Архангельска можно любоваться долго, настолько тщательно выполнена гравюра, не говоря уже о роскоши самого наряда северной красавицы (34). Профильный портрет сидящей молодой женщины дает представление о летнем праздничном наряде. Мы видим пышную *коротеню* (душегрею) из парчовой ткани, белоснежную сорочку с короткими пышными рукавами, высокую повязку, украшенную жемчужной поднизью и завязанную пышным бантом сзади. Приглядевшись, можно отметить, что передняя вставка душегреи и верхняя мягкая часть повязки сделаны из одной ткани. Шею прикрывает ожерелье из нескольких низок жемчуга, в ушах — крупные серьги. Под гравюрой значится подпись: «С фотографии рис. Космаков, грав. Боярский». Сравнивая фотографии архангельских девушек, сделанные в 1866 г. и представлявшиеся на Всероссийской этнографической выставке,

находим в их костюмах и облике портретируемой полное совпадение (Славяне Европы: 65). В каталоге РОСФОТО сохранено имя фотографа (художника) – И. Бранденбург (Образы империи, 2002: 92–93, 102–103).

К числу иллюстраций цикла «Русские типы» буквально (вынесено в подпись) или фактически относятся народные типажи, выполненные в виде небольших портретов-зарисовок (78, 80, 92) и целые жанровые сцены из жизни русских крестьян (35, 48, 76, 78, 94, 102). Авторами этих рисунков были такие отечественные художники второй половины XIX в., как Александр Ефимович Земцов (1856–1896) (70), Алексей Данилович Кившенко (1851–1895) (71), Иван Степанович Панов (1844–1883) (92), Василий Максимович Максимов (1844–1911) (70), Николай Петрович Загорский (1849–1893) (102, 107).

Отличается от всех других изображений коллаж «Великорусские типы», составленный из погрудных, преимущественно женских образов, представляющих головные уборы разных губерний России (62) (Рис. 3). Все образы пронумерованы, внизу дан перечень географических названий. Гравюра занимает всю полосу журнала.

Иллюстрации к циклу очерков «Народы России»

Уже с первого года издания «Нивы» началась публикация большого цикла очерков под общим заглавием «Народы России», продолжавшаяся на протяжении многих лет. Первые пять лет очерки выходили регулярно, затем появлялись эпизодически, развернутые тексты сократились до небольших комментариев к картинке. В цикл вошли материалы об айнах (101), башкирах (10), белорусах (50, 51), болгарях (53), валахах (молдаванах) (54), мордве и черемисах (марийцах) (28), татарах (42–46), в том числе казанских татарах (57), самоедах (18), тунгусах (3), чувашах (4), чукчах (38), якутах (8, 9), эстонцах (7) и других народах Российской империи. Можно предположить, что цикл этих материалов был задуман еще при планировании основных тематических направлений журнала, поскольку на написание текстов и подготовку иллюстраций к ним требовалось существенное время.

В очерках цикла «Народы России» дается примерно одинаковый набор сведений: география и историческая справка, вероисповедание, образ жизни, язык, жилище, быт и занятия, внешность, одежда и др. К статьям, за редким исключением, приложено по 1–2 иллюстрации, чаще всего выполненных по литографиям альбома Г.-Т. Паули. К примеру, статью «Якуты» дополняют две гравюры без указания авторов, что совершенно не характерно для журнала. Якутская женщина (8) представлена в коротком платье, которое понизу украшено блестящими кружками (в тексте говорится о гладких медных пуговицах и больших серебряных монетах), в надетом поверх кафтане с такими же бляхами на подоле, едва прикрывающем колени, в узких кожаных штанах, названных *сутурами*, и в обуви – *торбасах*. Лицо покрыто татуировкой. Вторая гравюра под названием «Якутская деревня» (9) представляет совершенно иные, немного фантастические формы одежд и головных уборов.

Великорусские типы. Рис. Ганье, грав. Паннемареръ.

1. Новгородская женщина.
2. Новгородская девушка.
3. Псковская девушка.
4. Псковская женщина.
5. Новгородец (старик).
6. Новгородец (молодой).
7. Псковская девушка.
8. Псковская женщина.
9. Тверская женщина.
10. Женщина из Торжка.
11. Калужанка.

12. Мещане.
13. Смоленская женщина.
14. Смоленская женщина.
15. Смоленская женщина.
16. Женщина из Дорогобужа.
17. Девушка из Дорогобужа.
18. Девушка из Вязьмы.
19. Женщина из Орла.
20. Девушка из Орла.
21. Орловский парен.
22. Рязанская женщина.

23. Рязанская девушка.
24. Девушка из Сарат. колонистовъ.
25. Женщина из Сарат. колоний.
26. Коломенский крестьянинъ.
27. Коломенская женщина.
28. Курская девушка.
29. Курская женщина.
30. Львовская девушка.
31. Курянинъ.
32. Молодой Сарат. колонистъ.
33. Колонистка.
34. Девушка-колонистка.

35. Тульская девушка.
36. Тулянка.
37. Она же из другого народа).
38. Тульская рабочая.
39. Тульская рабочая.
40. Девушка из Данкова (Ряз. г.).
41. Рязанбургская девушка.
42. Девушка из Кошкова (Тамб. г.).
43. Курянинъ.
44. Курянинъ.
45. Львовская девушка (Кур. г.).

Рис. 3. Великорусские типы. Рис. Ганье, грав. Паннемареръ.
(Нива. 1876. № 7: 121; 21,5 x 17 см).

Рис. 4. Народы России. Уральские башкиры. С фотогр. рис. Баяр, грав. Гильдебранд.
(Нива. 1879. № 43: 852; 23 x 16 см).

В обширном очерке о белорусах, автор которого пожелал остаться неизвестным, приведены две иллюстрации (50, 51). На одной представлены две женщины – мать, сидящая за прялкой, и дочь, на второй – мужчина и женщина. Имеются краткие описания их скромных одежд.

Целой серией рисунков (43–46) в цикле «Народы России» сопровождается большой очерк о татарах. Эти жанровые сценки, скорее всего, сделаны с натуры, они запечатлели разные занятия преимущественно мужчин, их одежды и головные уборы, обстановку помещений и утварь. В тексте обнаруживаются сведения о костюмах поволжских, закавказских и крымских татар.

Пространный очерк о киргизах сопровождают три гравюры (24–26), рисунки для которых выполнены «с натуры». Наиболее живописными выглядят мужчина и женщина с последней иллюстрации: в богатых узорчатых халатах (чапанах, как они названы в тексте), высоких шапках, с большим количеством украшений и аксессуаров. В статье находим небольшой фрагмент с характеристикой киргизских костюмов.

Очерк об уральских башкирах иллюстрирован большой гравюрой с изображением молодой пары в богатых костюмах (91) (Рис. 4) и отдельного изображения нагрудника и головного убора, собранного из серебряных монет и красных кораллов (89).

Все иллюстрации «Нивы» подписаны: указаны фамилии художников – авторов рисунка, картины или фотографии, а также граверов. Из подписей ясно, что многие изображения оригинальны и современны. В первые годы издания в журнале активно использовались рисунки из альбома «Народы России» Г.-Т. Паули, но и они на момент их публикации были сравнительно новыми. Конечно, последние использовались не буквально, а с некоторыми перегруппировками персонажей, изменением поворота фигуры и другими нюансами. Таким образом оказались представлены башкиры (10), белорусы (51), буряты (11), грузины (22), казанские татары (57), литовцы (63), немецкие колонисты (77), уральские казаки (32) и другие народы.

В отличие от иллюстраций, лишь часть названных очерков подписана. Одно из наиболее часто встречаемых имен (В. Немирович-Данченко, В.Н.Д., В.И.Н.Д.) – Василий Иванович Немирович-Данченко (1846–1936) – писатель, путешественник и журналист, участник нескольких войн второй половины XIX в., побывавший во многих уголках России и за рубежом, собиратель этнографических материалов. Его перу в названном цикле принадлежат материалы о зырянах (коми) (41), камчадалах (ительменах) (36), лопарях (саамах) (16), малороссах (37), остяках (хантах) (29), юраках (33).

В числе подписанных текстов «Кавказские татары» В. Сафонова. К тексту дан рисунок, представляющий собой интерьер большого зала, где с одной стороны на полу, на разосланных коврах и подушках сидят гости, а с другой стороны – музыканты, в центре танцует девушка (55). Костюмы мужчин и женщин, музыкальные инструменты, равно как и позы персонажей сценки представлены не слишком четко, но достаточно разнообразно. Перу В. Сафонова

принадлежат очерки о грузинах (22) и армянах (20), иллюстрации которых выполнены с альбома Г.-Т. Паули.

Очерки о калмыках Саратовской губернии (12), а также о мордве, чувашах и черемисах (марийцах) (28) написал Александр Раевский. Среди прочего в них приведены не слишком подробные сведения о внешности представителей этого народа и об их одеждах. Тексты сопровождают гравюры, основанные на литографиях альбома Г.-Т. Паули.

Отдельные иллюстрации из этого цикла «Нивы» были повторены уже вскоре после их публикации в других изданиях. Например, утратили авторство иллюстрации в двухтомнике «Народы России» (1878–1881). Так, в первом томе встречаем одно из изображений белорусов, но без упоминания имени гравера и с подписью «Белорусы Могилевской губернии» (Народы России в 2 т., 1878–1880. Т. 1, вкл. между с. 96 и 97), изображение эстонцев (Там же: вкл. между с. 240 и 241), оба изображения караимов (Там же: вкл. между с. 400 и 401, 416 и 417); во втором томе – изображение чувашей (Там же: 139), сценки «Праздник у богатого кавказского татарина» (Там же: вкл. между с. 392 и 393) и «Черкесская джигитовка» (Там же: вкл. между с. 232–233).

Иллюстрации к другим материалам о народах России

Материалы о народах России объединялись и в более узкие циклы: «Типы русских инородцев», «Кавказские типы», «Типы Юго-Восточного Алтая», «Типы Восточной Сибири» и другие. Но и вне каких-либо серий в журнале помещались иллюстрированные очерки о жизни, быте, обрядах самых разных народов Российской империи. Среди них, например, «Кочующие народы берегов реки Амура» (58), Бессарабские цыгане (52) и другие.

В цикле «Западно-Сибирские типы» опубликовано погрудное изображение киргизки в свадебном костюме (105) (Рис. 5), позволяющее рассмотреть верхнюю часть платья, высокий головной убор и многочисленные височные и нагрудные украшения невесты. Обращает на себя внимание обилие раковин каури, закрепленных на верхней части головного убора и по краю его поднизю. Поднизь, подвески и нашивки образованы круглым жемчугом разных размеров. В уборе присутствуют плотные ткани, мех, перья и металлические детали.

Вне каких-либо циклов, часто приуроченные к тому или иному времени года или празднику, публиковались интересные гравюры с небольшими комментариями. К таким можно отнести рисунок Валлера «Самоеды на Неве», который занял целый разворот четвертого, т.е. еще январского номера «Нивы» (60). На заснеженном льду самого широкого места Невы – развилки Большой и Малой Невы – на фоне Петропавловской крепости раскинулся «самоедский чум»: «шалаш из тонкого леса, покрытый хворостом и обложенный дерном», который топится, перед ним запряженные в сани северные олени. «Вот и самоед в своей *малице*, или лопарь, закутанный в свой *печок*, род меховой рубашки шерстью вверх, поверх которого надет еще полушубок». В сопроводительном

тексте сказано, что самоеды, будучи весьма бедными, торгуют семгой, обувью из оленьих шкур и другими местными изделиями.

Западно-Сибирскіе типы. Киргизка въ свадебномъ уборѣ. Съ фотогр. г-жи Полторацкой, грав. Пуцъ.

Рис. 5. Западно-Сибирские типы. Киргизка в свадебном уборе.

С фотогр. г-жи Полторацкой, грав. Пуц.

(Нива. 1880. № 27: 549; 19 x 14 см).

С точки зрения костюма наименее интересными оказываются иллюстрации к литературным сочинениям, которые печатались в рубрике «Литературный альбом»: «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина, «Конек-Горбунок» П.П. Ершова, «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя, «Катерина» и «Гайдамаки» Т.Г. Шевченко, «Бэла» и «Беглец» М.Ю. Лермонтова и другие произведения. На этих иллюстрациях, согласно сюжету, запечатлены персонажи в старинных и традиционных костюмах, которые не слишком точны в отношении этнографии, поскольку являются авторскими работами художников (59, 61, 86).

Несколько слов о художниках «Нивы»

Среди художников, чьи произведения на этнографическую тематику помещала «Нива», встречаются как известные имена – Н.Е. Маковский, А.Д. Кившенко, Ф.А. Рубо, Н.Н. Каразин, В.В. Верещагин, К.Б. Вениг, В.А. Серов, так и забытые ныне – И.С. Ижакевич, М. Зиновьев, Н. Грузинский и многие другие.

Имена рисовальщиков и граверов указаны менее точно: с разночтениями, а часто без инициалов: Б. Шмидт, Леопольд Фламан / Фламен, Г. Руссо, А. Калон, Э. Виолла / Виола, Моран, В. Адам, Сосинский, Гусман и др. Эти мастера делали рисунки с картин, фотографий и, как уже говорилось, с литографий из альбома «Народы России» Г.-Т. Паули.

Скажем несколько слов об одном из самых плодовитых сотрудников «Нивы» – Николае Николаевиче Каразине (1842–1908), военном корреспонденте, путешественнике, известном в свое время живописце и рисовальщике, замечательном писателе. Его картины хранятся в Русском государственном и других музеях. Будучи одинаково талантливым писателем и художником, он сам иллюстрировал свои сочинения, оформил знаменитое описание путешествия цесаревича Николая Александровича (Ухтомский), сделав к нему более 400 иллюстраций. Полное собрание сочинений Н.Н. Каразина составило 20 томов (Каразин, 1904), а количество рисунков и акварелей не поддается исчислению.

В «Ниве» были опубликованы многие литературные произведения Н.Н. Каразина (в том числе романы «Двуногий волк», «В камышах», «Наль») и рисунки, в основном сделанные с натуры. Многие из них иллюстрируют заметки о Средней Азии, где он побывал, участвуя в походе в Хиву и Бухару, сражаясь в Туркестане, затем находясь в составе Аму-Дарьинской ученой экспедиции в качестве художника ее этнографического отдела¹. Он сам обычно писал и тексты к рисункам. Например, небольшая заметка Н.Н. Каразина об оружии и доспехах жителей Средней Азии сопровождается его же рисунком – коллажем из щитов, сабель, знамен, пик и других предметов вооружения (39), а к заметке «Путешествующая чета (Туркестанские типы)» сделан рисунок, на котором изображены мужчина и женщина верхом на бегущей лошади (47). Очерк «Сре-

¹ В юбилейной статье о нем писали: «Н.Н. Каразин много потрудился, чтобы ознакомить Россию с нашими среднеазиатскими владениями. Оригинальный край получил в его картинах, рисунках, очерках и романах яркое освещение» (Каразин, 1906: 803).

ди Туркмен-теке» иллюстрирован эффектными рисунками, сделанными с натуры (95–98) (Рис. 6). Описания костюмов, приведенные в тексте, короткие, но такие же яркие, как и его художественные работы.

Среди туркменъ-тене. Туркменъ-батырь во время атаки. Ориг. рис. члена ученой экспедиции въ Средней Азии Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевский.

Рис. 6. Среди туркмен-теке. Туркмен-батырь во время атаки. Ориг. рис. члена ученой экспедиции в Средней Азии Н.Н. Каразина, грав. М. Рашевский.
(Нива. 1879. № 47: 928; 24,5 x 17,5 см).

Несколько рисунков для «Нивы» сделал знаменитый художник, путешественник и писатель Василий Васильевич Верещагин (1842–1904). В основном это образы горцев, жителей Средней Азии, запечатленные в какой-либо момент их повседневной или праздничной жизни. К примеру, рисунок «Лезгинка» (15): на фоне гор, полускрытых туманом и низких строений сидят и стоят жители селения, кто-то разговаривает, кто-то играет на музыкальном инструменте, другие хлопают в ладоши. Но все они смотрят на молодого человека, с упоением выделяющего па, высоко стоя на пальцах. Все изображенные – мужчины разных лет, одеты в чохы, шубы, бараньи шапки. Впечатляет натурализмом и обилием этнографических деталей рисунок В.В. Верещагина «Туркмены, представляющие военные трофеи хивинскому хану» (31). Его изображения молокан и духоборок могут вполне заменить фотографию, настолько точно переданы лица и особенности костюмов женщин – представительниц двух сект (23, 27). Их поясные изображения этих художник использовал для иллюстрирования своих рассказов о духоборцах и молоканах (Верещагин). Изображение женщины-духоборки было, вероятно, фрагментом многофигурного рисунка, изображающего молитву раскольников (Демин, 1991: 44).

*Значение иллюстраций «Нивы» как этнографического источника.
Способы их выявления*

Рисунки этнографической тематики из журнала «Нива» вполне допустимо рассматривать как изобразительные источники, поскольку они базируются на реальных материалах: являются перегравиловками литографий «Народов России» Г.-Т. Паули, зарисовками с натуры, рисунками с фотографий или с живописного произведения. По большей части эти материалы созданы незадолго до времени их публикации в «Ниве», они фактически являются ее современниками, т.е. этнографические иллюстрации «Нивы» логично встраиваются в цепочку изобразительных источников по костюму и материальной культуре в целом. Это также дополнительная информация о творчестве отдельных художников, которая часто выходит за пределы возможностей искусствоведов, занимающихся разработкой музейных коллекций живописи и графики.

Тексты представляют определенную ценность для исследователя, поскольку часто содержат названия и свидетельства бытования или выхода из употребления костюма. Это точно датированные материалы. Конечно, с высоты сегодняшних знаний они могут показаться скромными, но надо понимать, что это были популярные статьи, рассчитанные на массового читателя, да и этнографическая наука еще находилась в стадии своего формирования и накопления материалов: названия этносов разнятся от современных, отличается классификация народов.

Сегодня архив «Нивы» доступен онлайн, например, на портале Runivers (Нива). Его разрешение позволяет читать и рассматривать рисунки, но не дает представления о высоком качестве оригиналов. В библиотеке Российской Академии наук журнал оцифрован в хорошем качестве и выдается читателям на

дисках. Чтобы ускорить процесс поиска, стоит воспользоваться указателями содержания материалов «Нивы» за первые 30 лет и следующие 5, составленными библиографом А.Д. Тороповым (Систематический, 1-е прибавление). Поиск можно осуществлять по фамилии автора текста и художника; для выявления этнонима следует обратиться к разделу «Бытовые» в указателе рисунков.

В настоящее время автор статьи работает над составлением тематического библиографического указателя рисунков «Нивы», запечатлевших типы народов России второй половины XIX – начала XX в.

Приложение

«Типы народов России»:
ропись иллюстраций журнала «Нива» за 1871–1880 гг.²

1871

1. Крестьянка из Галича / с фотографии А.П. Шевякова, рис. на дереве В. Шпак, грав. К. Вейерман // 1871. № 2. С. 20; 17,5 х 13 см. Ил. к ст.: Шевяков А. Галич. 1. Костюмы и типы жителей Галича: № 2. С. 21–23, № 3. С. 35–38.
2. Купчиха из Галича / с фотографии А.П. Шевякова, рис. на дереве В. Шпак, грав. К. Вейерман // 1871. № 2. С. 21; 17,5 х 12,5 см. Ил. к ст.: Шевяков А. Галич. 1. Костюмы и типы жителей Галича: № 2. С. 21–23, № 3. С. 35–38.
3. Тунгузы / рис. В. Адам, грав. Гюо // 1871. № 33. С. 517; 11,5 х 16 см. Ил. к ст.: Тунгузы. 1871. № 33. С. 519–520; № 34. С. 537–538. (Народы России).
4. Чуваши / рис. с фотогр. на дереве В. Шпак, грав. И. Матюшин // 1871. № 30. С. 477; 13,5 х 8,5 см. Ил. к ст.: Чуваши / А.Л.: № 30. С. 475–477; № 31. С. 487–489.
5. Шаман (1) / рис. В. Шпак, грав. К. Вейерман // 1871. № 4. С. 60; 18 х 13 см. Ил. к ст.: Шаманство и шаманы. 1871. № 3. С. 38–42; № 4. С. 58–62.
6. Шаман (2) / рис. В. Шпак, грав. К. Вейерман // 1871. № 4. С. 61; 18 х 13 см. Ил. к ст.: Шаманство и шаманы. 1871. № 3. С. 38–42; № 4. С. 58–62.
7. Эсты / рис. А. Калень, грав. П. Перришон // 1871. № 50. С. 801; 16 х 15 см. Ил. к ст.: Эсты. С. 798–800. (Народы России).
8. Якутка // 1871. № 20. С. 308; 15 х 12 см. Ил. к ст.: Якуты. С. 310–311. (Народы России).
9. Якутская деревня // 1871. № 20. С. 309; 15,5 х 23 см. Ил. к ст.: Якуты. С. 310–311. (Народы России).

1872

10. Башкиры / рис. Г. Руссо, грав. де-Леклер // 1872. № 43. С. 685; 17 х 13 см. Ил. к ст.: Башкиры. С. 683–684. (Народы России).
11. Бурята // 1872. № 36. С. 569; 16 х 11 см. Ил. к ст.: Бурята. С. 570–571. (Народы России).
12. Калмыки / рис. Виола, грав. Паннемаркер // 1872. № 29. С. 461; 19 х 14 см. Ил. к ст.: Калмыки Саратовской губернии / А. Раевский. С. 459–462.

² Порядок расположения сведений в библиографических описаниях: название иллюстрации, сведения об ответственности (художник, рисовальщик, гравёр), выходные данные (год, №), количественные характеристики (страница, размеры гравюры в сантиметрах), сведения о тексте, к которому относится изображение (название, автор, страница). Имена приведены в той форме, как они указаны в оригинале.

13. Караимские женщины и дети / рис. Раффе, грав. Виоле // 1872. № 21. С. 334; 17 х 13 см. Ил. к ст.: Караимы / Н.О. Т...в. С. 329–332.
14. Караимы / рис. Раффе, грав. Паннемакер // 1872. № 21. С. 333; 18 х 13,5 см. Ил. к ст.: Караимы / Н.О. Т...в. С. 329–332.
15. Лезгинка / рис. В. Верещагина // 1872. № 13. С. 197; 16 х 23 см. Ил. к ст.: В Кахетии / Мачулин. С. 196–200.
16. Лопари // 1872. № 13. С. 205; 16,5 х 12,5 см. Ил. к ст.: Лопари / В.Н.Д. № 13. С. 201–202; № 18. С. 278–281.
17. Путешествующая чета (Туркестанские типы) / рис. Н. Каразина, грав. И. Матюшин // 1872. № 18. С. 285; 13,5 х 18, 5 см. Ил. к ст.: Путешествующая чета (Туркестанские типы) / Н. Каразин. С. 284.
18. Самоеды / рис. и грав. И. Матюшин // 1872. № 4. С. 57; 14 х 9,5 см. Ил. к ст.: Самоеды. 1872. № 2. С. 25–28; № 3. С. 39–41; № 4. С. 57–60.
19. Цыгане / рис. Фукье, грав. Пибаро // 1872. № 25. С. 393; 16,5 х 13 см. Ил. к ст.: Цыгане /ский. С. 395–396. (Народы России).

1873

20. Армянин и Курд / рис. Э. Виола, грав. Саржан // 1873. № 29. С. 457; 17,5 х 13 см. Ил. к ст.: Армяне / В. Сафонов. С. 458.
21. Внутренность эскимосской хижины / рис. Сталь, грав. Гаусман // 1873. № 10. С. 148; 11 х 15 см.
22. Грузины / рис. Г. Руссо, грав. Паннемакер // 1873. № 25. С. 393; 16,5 х 13 см. Ил. к ст.: Грузины / В. Сафонов. С. 392–393.
23. Духоборки / рис. с натуры В. Верещагин, грав. Г. Кох // 1873. № 43. С. 697; 23,5 х 15,5 см. Текст: Две раскольничьи секты в России. Молокане и духоборцы. С. 682.
24. Киргиз-кайсаки (Букреевская орда) / рис. с натуры Г. Руссо, грав. Варбан // 1873. № 5. С. 77; 16,5 х 12,5 см. Ил. к ст. Киргизы. № 5. С. 74–79; № 8. С. 121–122. (Народы России).
25. Киргизские школьники / рис. с натуры Фламан, грав. Паннемакер // 1873. № 5. С. 76; 16,5 х 12,5 см. Ил. к ст. Киргизы. № 5. С. 74–79; № 8. С. 121–122. (Народы России).
26. Киргизы малой орды / рис. с натуры А. Калон, грав. Паннемакер // 1873. № 5. С. 73; 13 х 17 см. Ил. к ст. Киргизы. № 5. С. 74–79; № 8. С. 121–122. (Народы России).
27. Молоканки / рис. с натуры В. Верещагин, грав. Г. Кох // 1873. № 43. С. 681; 23,5 х 16 см. Текст: Две раскольничьи секты в России. Молокане и духоборцы. С. 682.
28. Мордва, Чуваши и Черемисы / с фотографии грав. Моран // 1873. № 49. С. 777; 15 х 11 см. Ил. к ст.: Мордва, Чуваши и Черемисы / А. Раевский. № 49. С. 779–780; № 52. С. 826–827. (Народы России).
29. Остяки / рис. Э. Виолла, грав. Тенар // 1873. № 17. С. 261; 17 х 12,5 см. Ил. к ст.: Бродячие и оседлые остяки / В.Н.Д. С. 262–266.
30. Продавец кирпичей в Средней Азии / с фотогр. снимка капитана Кривцова, рис. и грав. Крыжановский // 1873. № 34. С. 537; 11,5 х 18,5 см. Текст: с. 538.
31. Туркмены, представляющие военные трофеи хивинскому хану / рис. В. Верещагин, грав. О. Рот // 1873. № 30. С. 469; 20 х 17,5 см. Ил. к ст.: Голос хивинских пленных / Н. Михайлов. С. 465–470.

32. Уральские казаки / рис. Виола, грав. Саржан // 1873. № 11. С. 173; 17 х 12,5 см. Ил к ст.: Уральские казаки / В.Н. Д.: с. 171–173.

33. Юраки / рис. Руссо, грав. Жойе // 1873. № 37. С. 589; 18,5 х 13 см. Ил. к ст.: Юраки / В.Н. Д. С. 588–590. (Народы России).

1874

34. Девушка из окрестностей Архангельска / с фотографии рис. Космаков, грав. Боярский // 1874. № 19. С. 289; 11,5 х 9 см.

35. Зимний день в деревне. Костромские ткачи / рис. Коверзнев, грав. Боярский // 1874. № 1. С. 13; 17 х 31 см. Ил. к ст.: Зимний день крестьянина Костромской губернии. С. 10–11.

36. Камчадал / рис. Руссо, грав. Паннемакер // 1874. № 7. С. 105; 17,5 х 13 см. Ил. к ст.: Камчадалы. № 7. С. 106–108; № 8. С. 122–123.

37. Малороссияне / рис. Фукье, грав. Гусман // 1874. № 29. С. 457; 16,5 х 13 см. Ил. к ст.: Малороссы / В. Немирович-Данченко. С. 459–462. (Народы России).

38. Намолло-чукчи / с натуры рис. Кенель, грав. Руссо // 1874. № 2. С. 25; 16,5 х 12,5 см. Ил. к ст.: Чукчи. 1874. № 2. С. 26–27; № 3. С. 43–43.

39. Оружие и доспехи наших противников в Средней Азии / рис. Н. Каразин, грав. Берг // 1874. №15. С. 233; 22 х 14,5 см. Ил. к ст.: Оружие и доспехи наших противников в Средней Азии / Н. Каразин. С. 234–235.

40. Псковитянки / рис. В. Фукье, грав. Першон // 1874. № 16. С. 249; 15,5 х 15 см. Ил. к ст.: Псковитяне: с. 250–252. (Народы России).

41. Самоеды ловят оленей / рис. Фламан, грав. Дешан // 1874. № 35. С. 556; 11 х 16 см. Ил. к ст.: Зыряне / В. Немирович-Данченко. С. 555–558.

42. Свой самовар / картина Ивона // 1874. № 43. С. 485; 24,5 х 29,5 см. Текст: с. 687.

43. Татарская семья дома / рис. Виола, грав. Паннемакер // 1874. № 22. С. 344; 13,2 х 16,5 см. Ил. к ст.: Татары. № 22. С. 347–349; № 23. С. 363–366. (Народы России).

44. Татарские мясники и купцы / рис. Калон, грав. Паннемакер // 1874. № 23. С. 364; 11 х 15,5 см. Ил. к ст.: Татары. № 22. С. 347–349; № 23. С. 363–366. (Народы России).

45. Татары и армяне в кофейне / рис. Калон, грав. Паннемакер // 1874. № 23. С. 365; 11 х 15,5 см. Ил. к ст.: Татары. № 22. С. 347–349; № 23. С. 363–366. (Народы России).

46. Татары на выходе из мечети / рис. Виола, грав. Паннемакер // 1874. № 22. С. 345; 11,7 х 16,5 см. Ил. к ст.: Татары. № 22. С. 347–349; № 23. С. 363–366. (Народы России).

47. Цыганка / рис. на дереве Н. Павлов, грав. В. Михайлов // 1874. № 9. С. 129; 12,5 х 11, 5 см. Текст: с. 143.

48. Что ты жадно глядишь на дорогу? / рис. П. Медведев, грав. Боярский // 1874. № 36. С. 573; 22 х 15 см. Текст: Литературный альбом. «Тройка» Н. Некрасова. С. 576.

1875

49. Базарные типы. Цирюльник в Средней Азии // 1875. № 7. С. 101; 25 х 15,5 см. Текст: Базарные типы Средней Азии. Азиатский цирюльник. С. 99–100.

50. Белорусские женщины / с фотогр. рис. и грав. Сосинский // 1875. № 9. С. 140; 16 x 14 см. (Народы России). Ил. к ст.: Белорусы. С. 138–142.

51. Белорусы / с фотогр. рис. и грав. Гусман // 1875. № 9. С. 141; 7 x 13 см. Ил. к ст.: Белорусы. С. 138–142. (Народы России).

52. Бессарабские цыгане / рис. А. де-Бар // 1875. № 42. С. 657; 12,5 x 15,5 см. Ил. к ст. Бессарабские цыгане. С. 657–658.

53. Болгары / рис. Руссо, грав. Дельдюк // 1875. № 12. С. 188; 17 x 13 см. Ил к ст.: Болгары. С. 190–191.

54. Валах и Молдаванин / рис. Руссо, грав. Симон // 1875. № 26. С. 412. Ил. к ст.: Валах и Молдаванин. С. 410–411. (Народы России).

55. Вечер у закавказского татарина / рис. и грав. Моран // 1875. № 8. С. 121; 16 x 23,5 см. – Ил. к ст.: Кавказские татары / В. Сафонов В. С. 119–120. (Народы России).

56. Донская казачка / рис. Фукье, грав. Жонпар // 1875. № 31. С. 492; 16 x 8,5 см. Ил к ст.: Донские казаки. С. 491–492, 494.

57. Казанские татары / гр. Меран // 1875. № 6. С. 89; 16 x 11 см. Ил. к ст.: Казанские татары. С. 87–88. (Народы России).

58. Кочующие народы берегов реки Амура / рис. Леопольд Фламен, грав. Паннемакер // 1875. № 37. С. 621; 13 x 17 см. Ил. к ст.: Кочующие народы берегов реки Амура. С. 619–621.

59. Литературный альбом. Измаил-бек /соч. Лермонтова, рис. Медведев, грав. Напер // 1875. № 16. С. 249. Текст: с. 252, 254–255.

60. Самоеды на Неве / рис. Валлер, грав. Робертс // 1875. № 4. С. 76–77; 22 x 29,5 см. Текст: с. 74.

61. Тарас Бульба в Варшаве / рис. Коверзнев, грав. К. Вейерман // 1875. № 24. С. 377; 23,5 x 17,5 см. Текст: «Тарас Бульба» Гоголя: с. 379. (Лит. альбом).

1876

62. Великорусские типы / рис. Ганье, грав. Паннемакер // 1876. № 7. С. 121; 21,5 x 17 см. Ил. к ст.: Великоруссы. С. 123–126.

63. Литовцы / рис. Фурье, грав. Посман // 1876. № 3. С. 38; 17 x 13 см. Ил к ст.: Литовцы. С. 41–42.

64. Самаркандские нищие / рис. В. Верещагина, грав. Е. Напер // 1876. № 1. С. 12; 23,5 X 17,5 см. Ил. к ст.: Каразин Н. Самаркандские нищие. С. 10.

65. Типы Восточной Сибири. Женщина в Иркутске / рис. Фукье, грав. Дешан // 1876. № 48. С. 804; 17 X 11 см. Текст: Типы Восточной Сибири (Женщина в Иркутске). С. 810.

1877

66. Домашний быт в Абхазии / рис. Мукаровский, грав. Ясс // 1877. № 2. С. 28–29; 22,5 x 31 см. Ил. к ст.: Абхазия и абхазцы / М.С. С. 31.

67. Народы России. Чухонцы Петербургской губ. / рис. Валет, грав. Перишон // 1877. № 20. С. 320; 14,5 x 12,5 см. Текст: с. 323.

68. Народы России: Сванеты (обит. в горах западного Кавказа) / с фотографии резал Мукаровский // 1877. № 6. С. 98; 28 x 20 см. Ил. к ст.: Сванетия и сванеты / А. Н-ский. С. 100–101.

69. Черкес из Кабарды (Терской области) / рис. В. Верещагин, грав. Лаплант // 1877. № 25. С. 400; 15,5 x 12 см. Ил. к ст.: Кабардинцы / Немирович-Данченко. С. 400, 402.

1878

70. Всемирная выставка в Париже. Русский художественный отдел. «Семейный раздел» / картина В.М. Максимова, рис. на дереве Земцов, грав. Шюблер и Пуц // 1878. № 30. С. 533; 19 x 25,5 см. Ил. к ст.: Парижская всемирная выставка. С. 542–543.
71. Детские забавы в деревне / ориг. рис. А. Кившенко, грав. В. Пуц // 1878. № 27. С. 485; 26 x 17 см. Текст: Детские забавы в деревне / Д. Стх. С. 486.
72. Евреи в русских владениях в Средней Азии / рис. Седов, грав. Кох // 1878. № 19. С. 324; 23,5 x 16 см. Текст: с. 331.
73. Кавказский тип. Мулла / рис. Павел Каменский, грав. М. Рашевский // 1878. № 39. С. 713; 24,5 x 16,5 см. Текст: Кавказский тип. Мулла / Евг. В. С. 715.
74. Муша, тифлисский рабочий / рис. Подбельский, грав. Пуц // 1878. № 4. С. 72; 12 x 8 см. Текст: Муша – рабочий в Тифлисе. С. 70.
75. Народы России: Курляндские крестьяне / рис. Фламан, грав. Паннемакер // 1878. № 36. С. 649; 16 x 11 см. Ил. к ст.: Лифляндцы и Курляндцы. С. 654.
76. Народы России: Лифляндские крестьяне / рис. Фламан, грав. Паннемакер // 1878. № 36. С. 648; 18 x 11,5 см. Ил. к ст.: Лифляндцы и Курляндцы. С. 654.
77. Немецкие колонисты в России / рис. Виола, грав. Дюпре // 1878. № 5. С. 93; 17 x 13 см. Текст: Немецкие колонисты в России / П. В-ов. С. 91.
78. Русская деревенская красавица / картина Амберга // 1878. № 14. С. 245; 25 x 17 см. Текст: с. 250.
79. Русские типы: женщина Саратовской губернии / рис. Фукье, грав. Бланиен // 1878. № 46. С. 848; 15,5 x 8,5 см. Текст: Саратовская крестьянка. С. 850.
80. Русский лоцман из деревни Варандей // 1878. № 18. С. 317; 8 x 7 см. Ил. к ст.: Город Обдорск и его область / А.Н. С. 316–318.
81. Старшина из племени Обдорских самоедов с тремя туземцами // 1878. № 18. С. 317; 15,5 x 12,5 см. Ил. к ст.: Город Обдорск и его область / А.Н. С. 316–318.
82. Типы в новых русских владениях: Лаз, Грузин и Армянка из окрестностей Батума / рис. Т.Д., грав. Бертран // 1878. № 41. С. 745; 24 x 16 см. Текст: Население в окрестностях Батума. С. 746.
83. Ярмарка в деревне Юго-Западной России / картина И. Брандта, грав. Боте // 1878. № 28. С. 496–497; 22 x 30 см (разворот). Текст: с. 503.

1879

84. Абхазцы в засаде / ориг. рис. А. Ваньюра, грав. Цамарский // 1879. № 49. С. 985; 24,5 x 19,5 см. Текст: Абхазцы. С. 983.
85. Бандурист-малорос / рис. Бар, грав. Гюбель // 1879. № 7. С. 121; 13 x 12,5 см. Текст: с. 121–122.
86. Литературный альбом. Типы Лермонтова. Бэла («Герой нашего времени») / рис. Девис, грав. Жопар // 1879. № 4. С. 73. Текст: с. 79.
87. Мальчишки-таранчи в школе (Кульджа) / рис. Ронья, грав. Гильдебрант // 1879. № 43. С. 841; 7,5 x 15 см. Текст: с. 842.
88. На бахче / ориг. рис. из малороссийской жизни М. Далькевича, грав. Э. Шмидт // 1879. № 50. С. 997; 18 x 23 см. Текст: с. 1003.

89. Нагрудник и головной убор богатых башкир / рис. с натуры Б. Шмидт, грав. Гильдебрандт // 1879. № 43. С. 856; 20 х 10, см. Текст: Уральские башкиры. с. 855–856.

90. Народы России. Кульджинские татарки / рис. Ронжа, грав. Барбан // 1879. № 50. С. 1005; 24 х 16 см. Текст: Кульджа и Таранчи. С. 1006.

91. Народы России. Уральские башкиры / с фотогр. рис. Баяр, грав. Гильдебранд // 1879. № 43. С. 852; 23 х 16 см. Текст: Уральские башкиры. С. 855–856.

92. Русские типы. «На храм Божий» / ориг. рис. И. Панова, грав. М. Рашевский // 1879. № 41. С. 817; 12 х 10,5 см. Текст: Русские типы. Сборщик на церковь. С. 816.

93. Семья остяков / рис. Ронжа, грав. Лаплант // 1879. № 48. С. 945; 10 х 16 см. Текст: с. 946.

94. Соседки / картина П.А. Брюлова, грав. Э. Шмидт // 1879. № 19. С. 372; 13,5 х 21 см. Текст: с. 368.

95. Среди туркмен-теке. Каракчи (хищник) / ориг. рис. члена ученой экспедиции в Средней Азии Н.Н. Каразина, грав. М. ашевский // 1879. № 48. С. 949; 24,5 х 17,5 см. Ил. к очерку: Каразин Н.Н. Среди Туркмен «Теке». С. 934–935 (Ч.2).

96. Среди туркмен-теке. Мулла-проповедник / ориг. рис. члена ученой экспедиции в Средней Азии Н.Н. Каразина, грав. М. Рашевский // 1879. № 47. С. 929; 24,5 х 17,5 см. Ил. к ст.: Каразин Н.Н. Среди Туркмен «Теке»: бытовой очерк. С. 934–935 (Ч.1).

97. Среди туркмен-теке. Туркмен-батырь во время атаки / ориг. рис. члена ученой экспедиции в Средней Азии Н.Н. Каразина, грав. М. Рашевский // 1879. № 47. С. 928; 24,5 х 17,5 см. Ил. к ст.: Каразин Н.Н. Среди Туркмен «Теке»: бытовой очерк. С. 934–935 (Ч.1).

98. Среди туркмен-теке. Туркменка на сторожевом посту / ориг. рис. члена ученой экспедиции в Средней Азии Н.Н. Каразина, грав. М. Рашевский // 1879. № 48. С. 948; 24,5 х 17,5 см. Ил. к очерку: Каразин Н.Н. Среди Туркмен «Теке»: бытовой очерк. С. 955–958 (Ч.2).

99. Таджикиские и Сартские женщины / рис. Вуст, грав. Лаплант // 1879. № 24. С. 469; 24 х 16 см. Ил. к ст.: Стремоухов Н. В Средней Азии. С. 462–463.

100. Татары-нищие / рис. Эбар, грав. Б. Пуц // 1879. № 19. С. 373; 20 х 13,5 см. Текст: с. 368.

1880

101. Айны на Острове Сахалине / с фотогр. грав. М. Рашевский // 1880. № 2. С. 41; 17,5 х 12 см. Текст: с. 39. (Народы России).

102. Бабушкины сказки / ориг. рис. Н. Загорского, грав. Б. Пуц // 1880. № 38. С. 756; 17,5 х 24 см. Текст: с. 767.

103. Волчья молитва / ориг. рис. Н. Каразина, грав. Грачев // 1880. № 46. С. 941; 24 х 17 см. Текст: Волчья молитва (из жизни в среднеазиатской пустыне). Картинка с натуры Н. Каразина. С. 942–943.

104. Дети / ориг. рис. для «Нивы» К.Е. Маковского, грав. М. Рашевский // 1880. № 32. С. 636–637; 31 х 22 см. Текст: с. 647.

105. Западно-Сибирские типы. Киргизка в свадебном уборе / с фотогр. г-жи Полторацкой, грав. Пуц // 1880. № 27. С. 549; 19 х 14 см. Текст: Семипалатинская область: № 26. С. 527, № 27. С. 547.

106. «Кара-Джигит» Н. Каразина / рис. сам автор, грав. М. Рашевский // 1880. № 40. С. 796; 11,5 х 19, 5 см [2 рисунка]. Ил. к соч.: Каразин Н.Н. «Кара-Джигит»: былина среднеазиатских кочевников. С. 794–800.

107. На перепутье / ориг. рис. Н. Загорского, грав. Пуц // 1880. № 40. С. 805; 17,5 х 24,5 см. Текст: с. 808.

108. Русские типы. Женщины Курской, Орловской и Костромской губ. в праздничных одеждах / рис. Ганье, грав. Паннемакер Домс // 1880. № 13. С. 265; 13,5 х 17,5 см. Текст: Женские старинные наряды в губерниях Курской, Орловской и Костромской. С. 263.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

Архангелогородские женские костюмы: (этногр. тип) // Калейдоскоп. 1860. № 41. С. 327.

Беломорские женщины: (этногр. очерк) // Калейдоскоп. 1860. № 37. С. 289–290.

Каразин Н.Н. // Нива. 1906. № 50. С. 803.

Нива. СПб.: Типография и Литография А.Траншеля, 1870–1918. URL: <https://runivers.ru/lib/book9158/> (дата обращения: 14.02.2025).

ЛИТЕРАТУРА

Верещагин В.В. Духоборцы и молокане в Закавказье. Шииты в Карабахе. Батчи и опиумоведы в Средней Азии. Обер-Амергау в горах Баварии: рассказы художника В.В. Верещагина с рисунками. Москва: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнеров и К°, 1900.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей <...>. СПб., 1799. Ч. 1–4.

Дашков В.А. Нравы, обычаи и одежды жителей Олонецкой губернии // Маяк современного просвещения и образованности: тр. ученых и литераторов, русских и иностранных. 1840. Ч. 3. С. 90–96.

Демин Л.М. С мольбертом по земному шару: мир глазами В.В. Верещагина. М.: Мысль, 1991.

Жабрева А.Э. История русского костюма с древнейших времен до конца XVIII века на страницах журнала «Нива»: аннот. указ. и альбом ил. СПб.: Альфарет, 2006.

Жабрева А.Э. Монументальное описание России. Народы страны в год ее тысячелетия // Паули Г.-Т. Этнографическое описание народов России: пер. с фр. [с изд. 1862 г., СПб.]. М.: Б-ка РУСАЛа, 2007. С. I–V.

Каразин Н.Н. Полное собрание сочинений: в 20 т. СПб.: П.П. Сойкин, 1904–1905.

Миллер В.Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея: в 4 вып. / сост. В.Ф. Миллером. М.: Типо-лит. Лашкевич, 1887–1895.

Народы России: живопис. альбом: в 8 вып. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1878–1880.

Народы России: этногр. очерки: в 2 т. СПб.: Ред. журн. «Природа и люди», 1878–1880.

Образы империи: фотография на Всероссийской этнографической выставке 1867 года / авт.-сост. К.Ю. Соловьева. СПб.: А–Я, 2002.

Прибавление 1-е: за 5 лет (1900–1904) к Систематическому указателю литературного и художественного содержания журнала «Нива», основанного и издаваемого А.Ф. Марксом / сост. А.Д. Торопов. СПб., Издание А.Ф. Маркса, 1906.

Систематический указатель литературного и художественного содержания журнала «Нива» за XXX лет (с 1870–1899 г.), основанного и издаваемого А.Ф. Марксом / сост. А.Д. Торопов. СПб., Издание А.Ф. Маркса, 1902.

Славяне Европы и народы России: к 140-летию Первой этнографической выставки 1867 года / науч. ред. Н.М. Калашикова. СПб.: РЭМ, 2008.

Славянский мир: Этнографическая выставка 1867 года / авт. вступ. ст. И.И.Шангина; авт.-сост.: О.В. Карпова, Н.Н. Прокопьева, Т.А. Зими́на, Е.Л. Мадлевская; фото: А.М. Игнатъев. СПб.: Славия, 2000.

Ухтомский Э.Э. Путешествие Государя императора Николая II на Восток (в 1890–1891): в 3 т. / авт.-издатель кн. Э.Э. Ухтомский; ил. Н.Н. Каразин. С.-Петербург; Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, 1890–1897.

Pauly Th. de. Description ethnographique des Peuples de la Russie. St.-Petersbourg, 1862.

REFERENCES

Dashkov V.A. (1840) Customs, habits and clothing of the residents of the Olonetsk province. In: *The Beacon of modern education and Learning: Works of scholars and writers, Russian and foreign*. Part 3: 90–96. (In Russ.)

Demin L.M. (1991) *With an easel across the globe: the world through the eyes of V.V. Vereshchagin*. Moscow: Mysl Publ. (In Russ.)

Georgi I.G. (1799) *Description of all the peoples inhabiting the Russian state, their everyday rituals, customs, clothing, dwellings, exercises, amusements, religions and other memorable things* <...>. St. Petersburg. Part 1–4. (In Russ.)

Images of the empire: photography at the All-Russian Ethnographic Exhibition of 1867 (2002). Author-compiled by K. Yu. Solovyeva. St. Petersburg: A-Ya Publ. (In Russ.)

Karazin N.N. (1904–1905) *Complete collection of works: in 20 volumes*. St. Petersburg: P.P. Soykin Publ. (In Russ.)

Miller V.F. (1887–1895) *Systematic description of the collections of the Dashkov Ethnographic Museum: in 4 issues*. Compiled by V.F. Miller. Moscow: Lashkevich Typo-lit. (In Russ.)

Pauly Th. de. (1862) *Description ethnographique des Peuples de la Russie*. St.-Petersbourg. (In Fr.)

Peoples of Russia: ethnographic essays: in 2 volumes (1878–1880). St. Petersburg: “Nature and People” journal ed. (In Russ.)

Peoples of Russia: pictorial album: in 8 issues (1878–1880). St. Petersburg: “Obshchestvennaya pol’za” Print. House. (In Russ.)

Slavic world: Ethnographic exhibition of 1867 (2000) Author entry Art. I.I. Shangina; author: O.V. Karpova, N.N. Prokopyeva, T.A. Zimina, E.L. Madlevskaya; photo: A.M. Ignatiev. St. Petersburg: Slavia Publ. (In Russ.)

Slavs of Europe and the Peoples of Russia: on the 140th Anniversary of the First Ethnographic Exhibition of 1867. (2008) Academic ed. N.M. Kalashnikova. St. Petersburg: REM Publ. (In Russ.)

Annex 1: for 5 years (1900–1904) to the Systematic index of the literary and artistic content of the “Niva” magazine, founded and published by A.F. Marx. (1906) Compiled by A.D. Toropov. St. Petersburg, A.F. Marx Publ. House. (In Russ.)

Systematic index of the literary and artistic content of the magazine “Niva” for XXX years (from 1870 to 1899), founded and published by A.F. Marx. (1902) Compiled by A.D. Toropov. St. Petersburg: A.F. Marx Publ. (In Russ.)

Ukhtomsky E.E. (1890–1897) *Journey of the Sovereign Emperor Nicholas II to the East (in 1890–1891): in 3 volumes.* Author-publisher of the book. E.E. Ukhtomsky; ill. N.N. Karazin. St. Petersburg; Leipzig: F.A. Brockhaus Publ. (In Russ.)

Vereshchagin V.V. (1900) *Dukhobors and Molokans in Transcaucasia. Shiites in Karabakh. Batchi and opium experts in Central Asia. Ober-Amergau in the mountains of Bavaria: stories by the artist V.V. Vereshchagin with drawings.* Moscow: I.N.Kushnerov and K° Typo-lit. (In Russ.)

Zhabreva A.E. (2006) *History of the Russian costume from ancient times to the late 18th century on the pages of the magazine “Niva”: Annotated index and album of illustrations.* St. Petersburg: Alfaret Publ. (In Russ.)

Zhabreva A.E. (2007) A monumental description of Russia. The peoples of the country in the year of its millennium. In: *Pauly G.-T. Ethnographic description of the peoples of Russia: trans. from Fr. [from ed. 1862, St. Petersburg].* Moscow: RUSAL Library Publ.: I–V. (In Russ.)

Сведения об авторе: Жабрева Анна Эрнестовна, кандидат педагогических наук, научный сотрудник Библиотеки Российской академии наук, член Санкт-Петербургского Союза художников (199034, Биржевая линия, 1, Санкт-Петербург, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-1246-9485>; e-mail: annazhabreva@mail.ru

About the author: Anna E. Zhabreva, Cand. Sc. (Pedagogy), Bibliographer and Research Fellow, Library of the Russian Academy of Sciences, member of St. Petersburg Union of Artists (1 Birzhevaya Liniya, St. Petersburg 199034, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-1246-9485>; e-mail: annazhabreva@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 31.10.2024

Доработана после рецензирования / Revised 23.03.2025

Принята к публикации / Accepted 15.04.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.249-265>

EDN: JJKHDF

Изображения татар К.Ф. Гуна в периодических изданиях второй половины XIX века

Д.Ф. Гатина-Шафикова

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
golocen@yandex.ru*

Резюме. С XVIII в. в России наблюдался рост интереса к этнографии и культуре народов. Он отражен в публикациях периодических изданий. Художники, такие как, например, Карл Фёдорович Гун (1831–1877), активно участвовали в создании иллюстраций, отражающих быт и традиционный костюм разных народов, в том числе татар. К.Ф. Гун, известный своими акварелями и гравюрами, очень точно передавал детали костюмов и быта, что делает его работы важным историческим источником. Произведения мастера публиковались в российских и зарубежных изданиях, таких как журналы «Нива», «Живописное обозрение», «Всемирная иллюстрация» и немецком иллюстрированном листе «Münchener Bilderbogen». Издавались как точные копии с акварелей Карла Федоровича, так и сам художник создавал коллажи, объединяющие различные сюжеты. Его работы часто переиздавались и использовались в этнографических сборниках. В журнале «Нива» с 1875 по 1887 гг. было опубликовано четыре гравюры, основанные на его изображениях, в «Живописном обозрении» и «Всемирной иллюстрации» – ещё три. В «Münchener Bilderbogen» К.Ф. Гун подготовил два иллюстрированных листа, которые впоследствии стали прототипами для российских изданий. Исследование графических работ художника К.Ф. Гуна показало, что они не только отражают культурные и исторические аспекты жизни татар, но и демонстрируют эволюцию народного костюма и художественного стиля. Его наследие включает картины маслом, карандашные наброски, акварели, гравюры и литографии, которые продолжают оставаться ценным источником для изучения этнографии и искусства XIX века.

Ключевые слова: К.Ф. Гун, татары, костюм, гравюры, периодические издания, иллюстрированная книга.

Для цитирования: Гатина-Шафикова Д.Ф. Изображения татар К.Ф. Гуна в периодических изданиях второй половины XIX века. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 2. С. 249–265. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.249-265> EDN: JJKHDF

Images of Tatars by K.F. Huhn in periodicals of the second half of the 19th century

D.F. Gatina-Shafikova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

golocen@yandex.ru

Abstract. Since the 18th century, Russia has seen a growing interest in the ethnography and culture of peoples, which was reflected in publications in periodicals. Artists, such as Karl Fyodorovich Huhn (1831–1877), took an active part in the creation of illustrations reflecting the life and traditional costumes of various peoples, including the Tatars. K.F. Huhn, known for his watercolors and engravings, accurately conveyed details of costumes and daily life, which makes his works an important historical source. The master's works were published in Russian and foreign periodicals, such as the magazines *Niva*, *Picturesque Review*, *World Illustration*, and the German illustrated sheet *Münchener Bilderbogen*.

Not only exact copies of Karl Fyodorovich's watercolors were published, but also the artist himself created collages combining various subjects. His works were often reprinted and were included in ethnographic collections. Four engravings based on his images were published in the *Niva* magazine from 1875 to 1887, and three more were published in *Zhivopisnoye Obozreniye* and *Vsemirnaya Illustratsiya*. In *Münchener Bilderbogen*, K.F. Huhn prepared two illustrated sheets that later became prototypes for Russian publications.

A study of the graphic works of the artist K.F. Huhn showed that they not only reflect the cultural and historical aspects of Tatars' life, but also demonstrate the evolution of folk costume and artistic style. His legacy includes oil paintings, pencil sketches, watercolors, engravings and lithographs, which continue to be a valuable source for the study of ethnography and art of the 19th century.

Keywords: K.F. Huhn, Tatars, costume, engravings, periodicals, illustrated book.

For citation: Gatina-Shafikova D.F. (2025) Images of Tatars by K.F. Huhn in periodicals of the second half of the 19th century. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 2: 249–265. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.249-265> (In Russ.)

«...Художественные критики с большой похвалой относились к таланту
Гуна... Фотографии с его картин раскупались нарасхват...»
(Живописное обозрение. 1879. №6: 126–127)

Вторая половина XIX в. в Российской империи характеризуется ростом газетного и журнального производства. В это время появляются новые периодические издания, в которых рассказывается о новостях в политике и культуре, о новых открытиях и других волнующих общество событиях. Интерес к изучению материальной и духовной культуры народов России, проявившийся ещё в XVIII в. со времён академических экспедиций, отражался и на страницах новых изданий. Художники специально готовили материалы для них и давали согласие на создание гравюр на основе собственных работ.

Пик художественного воспроизведения татар пришелся на XIX в., особенно на его вторую половину. В это время мастера начинают активно обращаться к народным темам. Ведущим стилем их работ становится реализм. Среди видных художников того времени особо выделяется Карл Фёдорович Гун (1831–1877), чьи работы до сих пор остаются важным историческим источником об эпохе и жизни разных народов Российской империи. Особенностью выполненного им изобразительного ряда является точная передача отличительных черт костюмного комплекса народов с учетом возрастных и социальных различий. Его изображения сохранились в музейных коллекциях, а наиболее полно представлены в Государственном Русском музее (ГРМ). Они активно публиковались в российских и зарубежных изданиях. Наследие Гуна, сохраненное в музеях, является достаточно хорошо исследованным, ему посвящены специальные альбомы (Елабуга..., 2008; Карл Гун..., 2019; Карл Гун..., 2023) и научные статьи, содержащие историко-этнографический анализ его акварелей (Гатина-Шафикова, 2024а; Гатина-Шафикова, 2024б). Однако существенная часть графических работ – литографии, гравюры и ксилографии, созданные как при жизни художника, так и после его смерти, остаётся малоизученной.

Целью статьи стало изучение графических работ, опубликованных в разное время и в разных изданиях, прототипом для которых являлись художественные произведения, выполненные Г.Ф. Гуном.

Для выполнения цели были поставлены следующие задачи:

- исследовать периодическую печатную продукцию второй половины XIX столетия, в которых публиковались графические материалы с воспроизведением образа жизни и внешнего облика многонационального населения Российской империи, в том числе татар;
- провести анализ выявленных источников, их особенностей и соответствия прототипу;
- составить свод опубликованных графических работ.

Изображения были найдены в периодических изданиях Российской империи – журнале «Нива», «Живописное обозрение», «Всемирная иллюстрация» и в немецкой иллюстрированной книге «Münchener Bilderbogen».

Иконологический подход к изучению изобразительных источников базировался на восприятии каждой графической работы как отражения целостного образа, тесно связанного с культурными контекстами и историческими условиями своего времени. Изображение, выступая как средство визуальной репрезентации, претерпевало изменения и эволюцию, что делает сравнительно-исторический анализ ключевым инструментом для исследования этой динамики.

Журнал «Нива»

*«...Богатые татары и татарки
одеваются с восточной роскошью...»
(Нива. 1875. №6: 87)*

Журнал «Нива» выходил с декабря 1869 г. по сентябрь 1918 г. в петербургском издательстве А.Ф. Маркса. Он представлял собой периодическое издание для семейного чтения и являлся одним из наиболее популярных и востребованных. На страницах журнала печатались литературные произведения, исторические очерки, научно-популярные статьи, репродукции и гравюры с картин художников того времени. В дореволюционный период преобладали рисованные изображения, но к началу XX века фотографии стали основным источником визуального сопровождения текстовых материалов.

С самых первых выпусков журнала «Нива» в нем стала публиковаться серия очерков, объединенных общей темой «Народы России». Вначале они выходили систематически, с обширными текстами, но впоследствии полноценные публикации стали встречаться реже, а статьи сменились краткими пояснениями к иллюстрациям.

В шестом номере 1875 г. к разделу «Казанские татары» (Нива. 1875. №6: 87–88) была опубликована гравюра «Народы России. XXIII. Казанские татары, гр. Меран», выполненная по оригиналу работы К.Ф. Гуна (Нива, 1875. №6: 89) (Рис. 1). Это изображение было специально подготовлено для альбома «Этнографическое описание народов России» (Pauly, 1862), изданного Императорским Русским географическим обществом к тысячелетию Российского государства. Составителем выступил академик Фёдор Христианович Паули (1817–1867), собравший вокруг себя ученых и выдающихся иллюстраторов эпохи.

В альбом вошли этнографические очерки о народах России, где подробно раскрывался быт различных сословий. Особую ценность представляли 63 цветных хромолитогрфии, подготовленные профессиональными мастерами с двуязычными подписями на русском и французском языках. Каждая из иллюстраций в этом издании сопровождалась сведениями о художниках, выполнивших акварели.

Занятым является то, что Г.Ф. Гун, создавая для альбома образ казанских татар, работал с оригинальными костюмами из собрания Императорского Русского Географического общества (Карл Гун..., 2019: 36). Сегодня мы можем увидеть те самые элементы костюмного комплекса татар, написанные художником, в собрании Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Девиз казанских татар экспонируется в постоянной экспозиции «Имперский зал: Многонациональная Россия».

Народы Россіи. XXIII. Казанскіе татары, гр. Меранъ.

Рис. 1. Народы России. XXIII. «Казанские татары».
Гр. Меран (Нива. 1875. № 6: 89).

Рубахи, изображенные в женских образах, идентичные, но имеют разную цветовую гамму: оригинальная – нежно розового цвета (МАЭ № 767-2/а), синяя же является авторским вымыслом художника. У фигуры женщины слева центральным элементом стало головное покрывало (МАЭ № 767-4), поскольку остальная часть комплекса почти полностью скрыта им. В девичьем образе справа Гун детализировано воспроизвел головной убор *калфак* (МАЭ № 767-1) с на-

косником *тезмэ*, полностью закрывающим волосы (МАЭ № 670-2), а за золотистым камзолом с длинными рукавами (МАЭ № 767-2/б) и декоративной пряжкой художник скрыл большую часть нагрудной перевязи *хасимэ* (МАЭ № 670-1). У обеих женщин – одинаковые туфли (МАЭ № 767-6/а, б). К сожалению, мужской костюмный комплекс не сохранился.

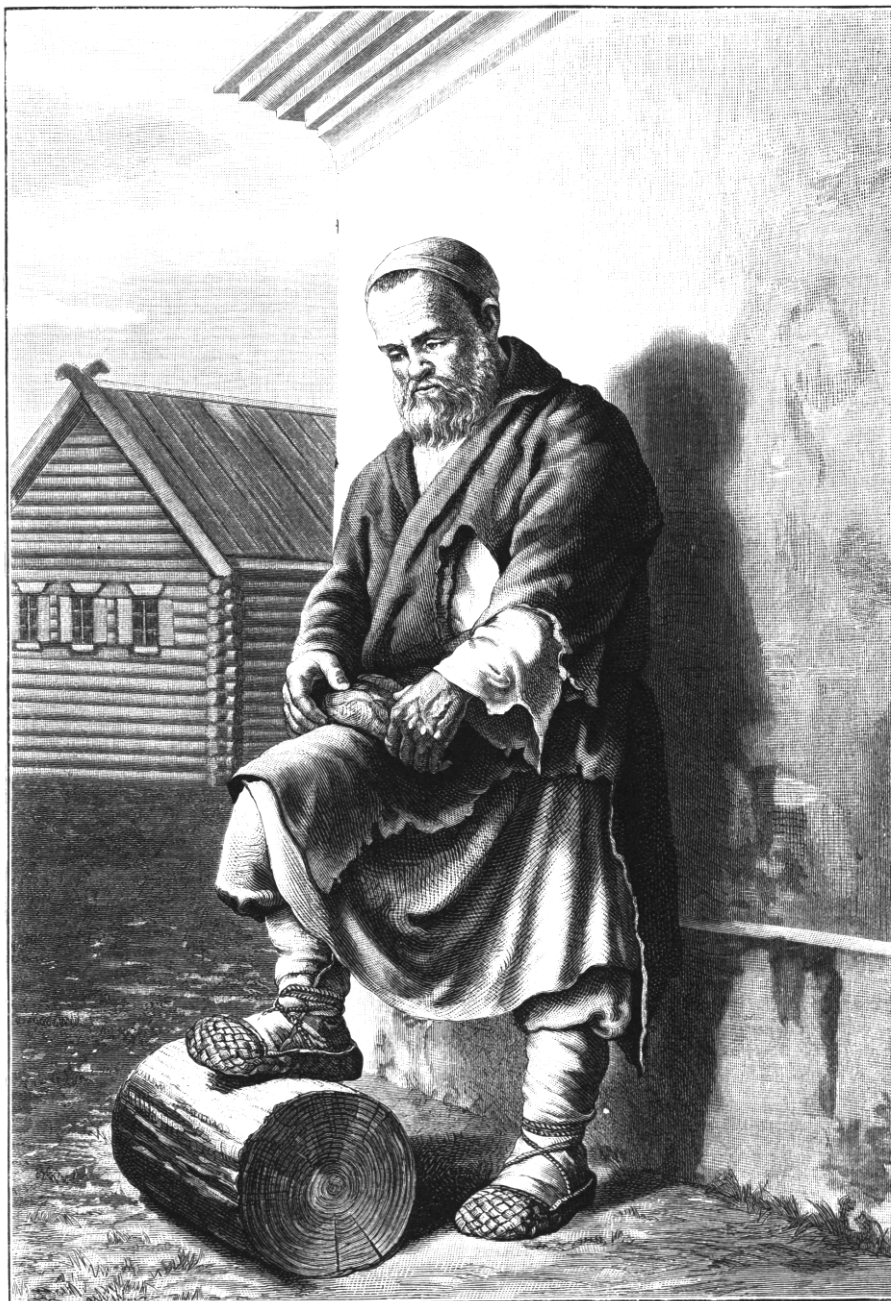
Впоследствии литография «Казанские татары» многократно переиздавалась – как в цветной иллюстрации, так и в монохромной гравюре; включалась в различные историко-этнографические сборники, где описывались татары.

Уже после смерти Карла Фёдоровича в 1887 г. отдельно в журнале «Нива» было опубликовано ещё несколько его работ. В 12-ом номере – «Татарская деревня. С акварели профессора Гуна, гравер М. Рашевский» (Нива. 1887. №12: 308). Прототип зарисовки имеет название «Татарский двор», выполнен в д. Бердебяковы Челны Лаишевского уезда Казанской губернии (ГРМ № Р-19214). Исходя из общепринятой практики, в журнале было размещено небольшое описание к изображению. В нем рассказывалось о том, что «...татарское население в тех краях мирно уживается с русским; даже избы походят по постройке на избы русские...» (Нива. 1887. № 12: 311). Тем самым подчёркивалось то, что татары, несмотря на статус инородческого населения в Российской империи, имели много общего с русским крестьянством в бытовой культуре.

Определённый посыл мирного соседства между народами, живущими на одной территории, авторы журнала обозначили и в шестом номере журнала 1887 г., где было опубликовано изображение «пожилого» татарина – «Типы русских инородцев. Татарин. Из альбома профессора Г. Гуна, грав. Шлюбер» (Нива. 1887. № 6: 129) (Рис. 2.) и описание того, как «...живущие в полном ладу с русскими, татары отличаются многими хорошими качествами, они честны, работящи и отличаются трезвостью» (Нива. 1887. №6: 131). Оригинал этой работы (ГРМ № Р-19213) имеет уже иное именование – «Татарин-нищий». Такое название, данное музейными сотрудниками, более полно отражает замысел художника: в других акварельных зарисовках костюмный комплекс татар выглядит намного опрятнее и многослойнее, чем в данной работе. Создаётся впечатление о воспроизведении не просто пожилого мужчины, а татарина, находящегося в затруднительном положении.

В 38-ом номере журнала 1887 г. представлена гравюра «Татары на молитве. С акварели профессора Гуна, гравер М. Рашевский» (Нива. 1887. № 38: 937). Прототипом для нее послужила акварель художника, выполненная в д. Бердебяковы Челны. Хранится она в собрании ГРМ (№ Р-19197) под названием «Внутренность дома муллы Казанской губернии». Гравер не внес в работу никаких изменений и точно воспроизвел каждую деталь интерьера и костюмов. Единственное отличие – это отсутствие подписи с указанием территории, оставленной автором в оригинале. В описании к изображению рассказывается о том, что в номере размещена гравюра с воспроизведением «...совершенно другого мира. В обширной, чисто прибранной горнице зажиточного татарина, у открытого окна, обращённого в сторону, где находится Мекка, на разосланном

ковре совершает молитву пожилой татарин; рядом, в сторону от него молится коленопреклонённая татарка» (Нива. 1887. №38: 940). Эти слова стали своеобразным проводником для читателя, поскольку вместе с изображением они стали пособием, рассказывающим о культурных и религиозных особенностях татарского мира.

Типы русских инородцев. Татаринъ. Изъ альб. проф. К. Гуна, грав. Шюблеръ.

Рис. 2. Типы русских инородцев. Татарин. Из альбома профессора К. Гуна. Гр. Шюблер (Нива. 1887. № 5: 129).

Книга «Münchener Bilderbogen»

*«...несколько рисунков этой коллекции были помещены
в немецких иллюстрациях: Münchener Bilderbogen...»
(Живописное обозрение. 1879: 103)*

Мюнхенская иллюстрированная книга являлась серией отдельных печатных листов. Издательство Braun & Schneider в Мюнхене выпускало их каждые две недели с 1848 по 1898 гг. в черно-бело и цветном варианте (по цене было чуть дороже). Владелец издания Каспар Браун привлек большое количество художников для разработки этой серии, воплощающих его концепцию «художественного» образовательного и развлекательного иллюстрированного листа. Публикуемые изображения охватывали различные темы: костюмы разных народов и периодов, изображения животных – диких, домашних, иллюстрации ядовитых растений, сцены охоты, карикатуры и юмористические истории, многие из которых были в стихах. В качестве техники печати применялась не литография, а гравюра на дереве.

Карл Федорович Гун после своей рабочей поездки в Елабугу и окрестности в 1863 г. отправился в Европу в качестве пенсионера Академии художеств. Во время этого путешествия он побывал в Лейпциге, Дрездене, Праге и Мюнхене (Толивердова, 1879а: 103), где стал одним из художников для 16-го номера «Münchener Bilderbogen». Всего им было выполнено 2 листа: первый – под номером 364 «Bilder aus den Tatarischen Dörfern bei Kasan in Russland I. Bogen» / Картины татарских деревень близ Казани в России, второй – под номером 380 «Bilder aus den Tartarischen Dorfen in Russland» / «Картины татарских деревень в России».

Особенностью данной серии стало то, что художник создал ряд иллюстраций, объединённых общей темой: быт и костюмы татар, проживающих в России. Гун сформировал совершенно новые иллюстрации, но с использованием старых персонажей, зарисованных им в путевых акварелях во время пребывания в различных поселениях России. Практически каждый из героев перенёсся в новые для себя реалии: из села в город или наоборот – из помещения на улицу. Композиции, объединяющие людей в одну группу, не всегда выверены, создавая тем самым хаотичность восприятия общей картины; видно, что участники не взаимосвязаны между собой и вместе оказались случайным образом, буквально как собранный коллаж.

В листе под номером 364 объединено семь сюжетов: «Tatarischer Krämer» / «Татарин-лавочник», «Das Innere eines Dorfes mit einer Moschee» / «Интерьер деревни с мечетью», «Tatarische Frau» / «Татарка», «Tatarische Frauentrachten» / «Татарские женские костюмы», «Tatarische Kaufleute auf der Reise» / «Татарские купцы в пути», «Tatarische Frauentrachten» / «Татарские женские костюмы», «Das Innere eines Tatarischen Bauernhofes» / «Интерьер татарской фермы».

Наиболее сюрреалистичным стал сюжет «Tatarische Kaufleute auf der Reise» / «Татарские купцы в пути» (Рис. 3), в котором воспроизводится чаепо-

тие во время путешествия. Замысел, скорее всего, взят из акварельной зарисовки «На красной горке близ Елабуги» 1862 г. (ГРМ № Р-54671), где вместе собрались отдыхающие художники. В новом варианте остались самовар и небольшой сундук, однако лица, присутствующие на чаепитии, сменились: появилось трое мужчин (татар) и мальчик, распивающие чай, позади них расположилась ещё одна группа людей, состоящая из мужчины с плетью, двух персонажей из зарисовки, выполненной у святого ключа Мензелинского уезда Оренбургской губернии (ГРМ № Р-19203), и женщины с ребенком из д. Бердебяковы Челны Казанской губернии (ГРМ № Р-19204). Возможно, К.Ф. Гун, создавая для неискушенного европейца подобные образы, не совсем заботился об этнографической достоверности, лишь воспроизводя по памяти уже знакомые сюжеты из недавней поездки по России.

Рис. 3. Bilder aus den Tatarischen Döfern bei Kasan in Russland. I. Bogen (Münchener Bilderbogen – 16. Various editions printed by Dr. C. Wolf & Sohn in Munich. 1863: 364).
URL: <https://doi.org/10.11588/diglit.51448#0011> (дата обращения: 1.02.2025).

Заметной в изображениях является и одна особенность, характерная для татарского мужского и женского костюмного комплекса – запах верхней одежды, который независимо от пола располагается справа налево. Если в ориги-

нальных акварелях художник всегда отображал эту отличительную черту, то в листах «Münchener Bilderbogen» эту особенность он не учитывал.

В листе под номером 380 собрано шесть сюжетов: «Mäbdsen und Frauen an einer heiligen Quelle betend» / «Девушки и женщины молятся у святого источника», «Jnnere Unficht der Wohnung eines tatarischen Mulla (Priester)» / «Интерьер жилища татарского муллы (священника)», «Dus Innere einer Moschee» / «Интерьер мечети», «Tatariche Fraushten» / «Татарские женщины», «Getaufte Tataren im Gouvernement Wiäta» / «Крещеные татары Вятской губернии», «Getaufte Tataren im Gouvernement Kasan» / «Крещеные татары Казанской губернии». Несомненно, важным является то, что при создании этого листа отдельно, а не хаотично собраны в сюжетные линии казанские татары, крещеные татары Вятской и Казанской губерний (Рис. 4).

Рис. 4. Bilder aus den Tartarischen Dörfern in Russland. II. Bogen (Münchener Bilderbogen – 16. Various editions printed by Dr. C. Wolf & Sohn in Munich. 1863: 380).
URL: <https://doi.org/10.11588/diglit.51448#0027> (дата обращения: 1.02.2025).

Необходимо подчеркнуть два полных девичьих костюмных комплекса в изображении «Getaufte Tataren im Gouvernement Kasan» / «Крещеные татары Казанской губернии», оригиналы которых в музейных коллекциях не представлены и, возможно, не сохранились. Осталась только акварель из д. Урьевы-Челны Лаишевского уезда Казанской губернии «Наброски костюмов и головных уборов староверок» (ГРМ № Р-19259), на которой представлены два небольших портрета юных девушек в *ак калфак* (вид спереди/сзади). Особенность этого головного убора заключалась в том, что его вязали из светлых нитей в форме длинного колпака, достигавшего в длину более одного метра. Когда его надевали на голову, то складывали в несколько раз, вставляя одну часть в другую, убор при этом сокращался до 30 см. Поэтому нижняя часть состояла из нескольких слоёв, а верхний конец – конусообразный, состоял из одного слоя. В таком виде колпаки сшивались, иногда украшались в лобной части бахромой или позументом и носились деревенскими девушками на всей территории расселения татар (Воробьев, 1930: 374).

В «Münchener Bilderbogen» у девушки слева костюм показан со спины; видно расположение *ак калфак* в затылочной части. Косы девушки не заправлены в головной убор, а спускаются по спине, они украшены на концах подвесками из монет. Рубаха с очень длинными широкими рукавами из ткани, скорее всего, фабричного производства с мелким растительным узором по всему периметру. В нижней части подола нашита широкая оборка с декором из горизонтальных полос. Поверх рубахи надет удлинённый безрукавный камзол. Вероятно, художник ошибочно расположил данную фигуру среди крещенных татар. Следует отметить, что такой типаж с монетным накосником и использованием фабричных тканей был более характерен для казанских татарок.

Второй образ воспроизводит девушку в анфас, она сидит. На её голове также *ак калфак*, низ рубахи чуть виднеется из-под верхней одежды с длинными рукавами по типу *жилэн*. Шея и грудь украшены лопатообразной формы нагрудником *түшлек*, полностью зашитый монетами и застёжкой с подвесками *муен жака* или *чырбырлы муенса*.

Интересно отметить, что обе эти девичьих фигуры присутствуют в книге 1871 г. «Новая азбука с 30-ю картинами...» (Реми, 1874), где художник В. Вахренев не стал разделять крещенных татар и казанских, объединив их на совместном чаепитии (Реми, 1874: рис. между 48–49).

В 1873 г. все изображения из «Münchener Bilderbogen» связанные с татарами, были полностью скопированы в цветном варианте и опубликованы в русском издании «Мир в картинах: Путешествие вокруг света...» (Мир в картинках..., 1873: 2, 3). Подписи сделаны на русском языке, а сами листы называются «Картины татарской жизни в России, близь Казани» и «Картины татарской жизни в России».

Журнал «Живописное обозрение»

*«...записывал народные предания...,
зачерчивал их костюмы, домашнюю утварь...»
(Живописное обозрение. 1879: 103)*

Еженедельный журнал «Живописное обозрение», издававшийся в Санкт-Петербурге в 1872–1905 гг., позиционировался как иллюстрированное издание для семейного чтения. В нём содержались репродукции картин художников с комментариями, позднее фотографии, стихотворения, рассказы современных авторов, небольшие очерки, политические заметки, новости, хроника и обзоры литературных произведений и искусства.

В 1879 г. в трёх номерах журнала была опубликована биографическая статья о К.Ф. Гуне, написанная А.Н. Толиверовой (Толиверова, 1879а; Толиверова, 1879б; Толиверова, 1879в). Кроме жизнеописания художника в ней содержатся гравюры, выполненные Н.Т. Малышевым и И.Т. Михайловым по прижизненным наброскам Гуна. Изображения являлись лишь дополнением, знакомящим чита-

телей с творчеством мастера, они не были связаны между собой и с основным текстом. Всего одна небольшая гравюра была представлена на страницах журнала, на которой зарисовано татарское женское украшение *яка чылбыры* (Толиверова, 1879а: 106), взятое с акварели «Татарский наряд» (ГРМ № Р-19200).

Журнал «Всемирная иллюстрация»

«...оригинальность и живописность костюма... представляет богатый материал для художественной разработки...»
(Всемирная иллюстрация. 1880. Т. XXIV: 354)

Российский еженедельный иллюстрированный художественно-литературный журнал «Всемирная иллюстрация», созданный по аналогии с первым в мире британским еженедельником «The Illustrated London News» / «Иллюстрированные лондонские новости», издавался в Санкт-Петербурге книгоиздательством Германа Гоппе с 1869 по 1898 гг. Большая часть журнала была посвящена чёрно-белым гравированным изображениям, отражавшим ход политической и общественной жизни в Российской империи и за рубежом. В первые годы тексты служили лишь разъяснением к иллюстрациям.

На титульном листе журнала «Всемирная иллюстрация» от 1880 г. в 13-ом томе, 4-ом номере издатели разместили гравюру с картины «Внутренность татарской избы. «Гадающая цыганка»; картина умершего профессора Гуна. (Рисовал на дереве Г. Малышев)» (Рис. 5). В описание к работе было указано, что «Эта картина была написана в 1865 г., в бытность его за границей в качестве пенсионера академии и продана в Париже» (Всемирная иллюстрация. 1880. Т. XXIII: 71). В настоящее время местонахождение полотна не известно, сохранилась только гравированная копия.

Сюжет работы выстраивается вокруг сцены гадания цыганки с ребёнком за спиной юной татарки, стоящей у стула с опущенной головой. Всё действие происходит в жилом доме, где присутствуют ещё три фигуры: женщина, достающая что-то из печи, рядом стоящая девочка и маленький мальчик, находящийся в двухколёсной детской коляске *бала арбасы*.

Не вдаваясь в художественный замысел и не отвечая на вопрос о том, из чего исходил художник, когда объединял всех этих персонажей в одной картине, можно лишь отметить, что все они присутствовали в первоначальных его акварельных зарисовках, послуживших прототипом, и были зарисованы в одном месте – во время его рабочей поездки в Елабугу. Однако, как и в предыдущих гравюрах, созданных для «Münchener Bilderbogen», картина является своеобразной химерой, т.е. склеенной из разных сюжетов.

Внутренность татарской избы. «Гадающая цыганка»: картина умершего профессора Гуна.
(Рисовал на дереве Г. Малышев).

Рис. 5. Внутренность татарской избы. «Гадающая цыганка».
Рисовал на дереве Г. Малышев (Всемирная иллюстрация. 1880.
Т. XXIII. № 4: титульный лист). URL: <http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/14876-vsemirnaya-illyustratsiya-1880-tom-xxiii-locale-nil-4> (дата обращения: 1.02.2025).

К.Ф. Гун действительно в 1862 г. в Елабуге зарисовывал сцену с группой цыган (ГРМ № Р-19324), где одна из женщин гадала другой, разложив карты на стуле. Персонажи находятся не внутри помещения, а на улице и рядом нет татарской девушки. Кисти художника принадлежит и акварель 1824 г. (ГРМ № Р-19269), где показан похожий интерьер с узнаваемой печью; это изображение подписано самим автором как «Изба вотяков, д. Верная Гора, Вятская губерния» (ГРМ № Р-19269). Маленький ребенок был запечатлен в работе «Татарская деревня» (№ Р-19214). Девочка взята из очередной Елабужской акваре-

ли «Татарки Вятской губернии» (ГРМ № Р-19209). Главная героиня – юная татарка скорее всего напоминает образ, выполненный другом и попутчиком Гуна В.П. Верещагиным в акварели «Женщина с козами» (ГРМ № Р-5365). Из всех работ этого периода только у него изображена татарка в рубахе из ткани с полосатым жаккардовым узором по всему периметру.

Следовательно, мы видим, что художник не фантазировал, каждое действующее лицо он действительно видел. Он понимал, что рисовал, осознанно выбирал объекты и интерьеры, но художественная составляющая превалировала над реальными событиями.

Татарка, картина покойного профессора Гуна.

Рис. 6. Татарка. Гр. И. Матюшин (Всемирная иллюстрация. 1880. Т. XXIV. № 20: титульный лист). URL: <http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/14918-vsemirnaya-illyustratsiya-1880-tom-xxiv-locale-nil-20> (дата обращения: 1.02.2025).

Титульный лист ещё одного номера журнала «Всемирная иллюстрация» от 1880 г., Т. XXIV, номер 20 был посвящен работе художника «Татарка, картина покойного профессора Гуна». Гравировал И. Матюшин (Рис. 6). В описании отмечено, что картина была написана покойным Гуном за границей в 1868 г. и в настоящее время находится у господина Голлендера (Всемирная иллюстрация. 1880. Т. XXIV: 354). До сих пор не найдены данные о господине Голлендере и о местоположении оригинала.

Молодая татарка на этой картине изображена в калфаке, с двойным рядом золотной бахромы по очелью и одинарной по всему периметру; лопасть головного убора перекинута на правую сторону, открывая часть собранных волос и одно ухо с удлинённой серьгой. Её рубаха с длинными широкими рукавами и небольшим отложным воротником сшита из той же полосатой ткани, что и в передающем изображении. Грудной разрез прикрыт, возможно, нагрудником *изу* с нашитой круглой бляхой. Дополнительным декором служит перевязь *хаситэ* с большим количеством нашитых монет разного размера, ошибочно расположенная не со стороны левого плеча под правую руку, а наоборот. Поверх рубахи надет безрукавный однотонный камзол. В руках она держит поднос с перекинутым браным полотенцем, кофейником, сахарницей и чашкой.

Прототипы для данной работы не найдены. Скорее всего художник вдохновлялся разными, увиденными образами татарских девушек и воплотил их в этой картине.

Таким образом, Карл Фёдорович Гун оставил после себя большое наследие разнообразных работ, на которых воспроизведен костюмный комплекс татар: в изображениях, исполненных карандашом, акварелью или масляными красками, а также в гравюрах, сделанных на основе его произведений.

Исследование периодических печатных изданий XIX в. выявило иллюстрации с полными копиями и коллажами татар, созданными на основе более ранних работ художника, а также совершенно новые изображения, выполненные рукой самого К.Ф. Гуна.

Всего в журнале «Нива» с 1875 по 1887 гг. было опубликовано четыре гравюры с костюмным комплексом татарского народа, в «Живописное обозрение» от 1879 г. — одна, во «Всемирной иллюстрации» за 1880 г. — две. В Мюнхене в 1863 г. в издании «Münchener Bilderbogen» было выпущено два специально подготовленных художником иллюстрированных листа с разными композициями, позднее ставших прототипом о татарах для российских изданий.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

- Внутренность татарской избы. «Гадающая цыганка». Рис. на дереве Г. Малышев // Всемирная иллюстрация. 1880. Т. XXIII. № 4. Титульный лист.
- Всемирная иллюстрация. 1880. Т. XXIII. № 4.
- Всемирная иллюстрация. 1880. Т. XXIV. № 20.
- Народы России. XXIII. «Казанские татары». Гр. Меран» // Нива. 1875. № 6. С. 129.
- Нива. 1875. № 6.
- Нива. 1887. № 6.
- Нива. 1887. № 12.
- Нива. 1887. № 38.
- Татарка. Гр. И. Матюшин // Всемирная иллюстрация. 1880. Т. XXIV. № 20. Титульный лист.
- Татарская деревня. Гр. М. Рашевский // Нива. 1887. № 12. С. 308.
- Татары на молитве. Гр. М. Рашевский // Нива. 1887. № 38. С. 937.
- Типы русских инородцев. Татарин. Из альбома профессора Г. Гуна. Гр. Шлюбер // Нива. 1887. № 6. С. 308.
- Толиверова А.Н.* Карл Федорович Гун // Живописное обозрение. 1879а. №5. С. 103–106.
- Толиверова А.Н.* Карл Федорович Гун // Живописное обозрение. 1879б. №6. С. 126–127.
- Толиверова А.Н.* Карл Федорович Гун // Живописное обозрение. 1879в. №7. С. 165–167.
- Bilder aus den Tatarischen Döfern bei Kasan in Russland. I. Bogen // Münchener Bilderbogen. Various editions printed by Dr. C. Wolf & Sohn in Munich. №16. 1863. P. 364.
- Bilder aus den Tartarischen Dörfern in Russland. II. Bogen // Münchener Bilderbogen. Various editions printed by Dr. C. Wolf & Sohn in Munich. №16. 1863. P. 380.

ЛИТЕРАТУРА

- Воробьев Н.И.* Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования). Казань: Издание Дома татарской культуры; Издание Академического Центра ТНKP, 1930.
- Гатина-Шафикова Д.Ф.* «Старокрещенные» (крещенные татары) в прикамских акварелях К.Ф. Гуна // Кряшенское историческое обозрение. 2024а. №1. С. 37–50.
- Гатина-Шафикова Д.Ф.* Татары-мусульмане в Прикамских зарисовках К.Ф. Гуна // Minbar. Islamic Studies. 2024б. 17(3). С. 513–531.
- Елабуга в работах Карла Гуна: (альбом). Елабуга, 2008.
- Карл Гун и Елабуга, 1862–1863: [сборник]. Елабуга: Полиграфический дом «ДСМ». 2019.
- Карл Гун. Художник и этнограф / *Руденко Г.Р.* (гл. ред.), *Куклин А.Г.* (сост.). *Деготьков А.А.*, *Куклин А.Г.*, *Назарова Т.В.*, *Пахомова Л.Е.* (редкол.). Екатеринбург: АО «ИПП «Уральский рабочий», 2023.
- Мир в картинах: Путешествие вокруг света в 120 рис. А. Разина. С 20 таблицами раскрашенных рисунков. Спб. – Москва: Издание книгопродавца типографа М.О. Вольфа, 1873.
- Реми Ф.* Новая азбука с 30-ю картинками из жизни народов и природы, рисованными для наглядного обучения В. Вахреновым. Одесса: Издание Эмиля Берндта. Типография Л. Нитче, 1871.
- Pauly T.* Description ethnographique des peuples de la Russie. Publiée a l'occasion du jubilé millénaire de l'empire de Russie. Saint-Petersbourg: F. Bellizard, 1862.

REFERENCES

- Elabuga in the works of Karl Huhn: (album)*. (2008) Elabuga. (In Russ.)
- Gatina-Shafikova D.F. (2024a) "The Old Baptized" (baptized Tatars) in the Kama watercolors by K.F. Huhn. *Kryashenskoye istoricheskoye obozreniye* [Kryashen historical review]. No. 1: 37–50. (In Russ.)
- Gatina-Shafikova D.F. (2024b) Muslim Tatars in the Kama region sketches by K.F. Huhn. *Minbar. Islamic Studies*. 17(3): 513–531. (In Russ.)
- Karl Huhn and Elabuga, 1862–1863: [collection]*. (2019) Elabuga: DSM Print. House. (In Russ.)
- Karl Huhn. Artist and ethnographer*. (2023) Rudenko G.R., Kuklin A.G., Degotkov A.A., Kuklin A.G., Nazarova T.V., Pahomova L.E. (eds.). Ekaterinburg: AO IPP Uralskiy Rabochiy Publ. (In Russ.)
- Pauly T. (1862) *Description ethnographique des peuples de la Russie. Publiée a l'occasion du jubilé millénaire de l'empire de Russie*. Saint-Petersbourg: F. Bellizard. (In Fr., In Russ.)
- Remi F. (1871) *New alphabet with 30 pictures from the life of peoples and nature, drawn for visual learning by V. Vakhrenov*. Odessa: Emil Berndt Publ. L. Nitsche Print. House. (In Russ.)
- The world in pictures: A journey around the world in 120 pictures by A. Razin. With 20 tables of colored pictures*. (1873) St. Petersburg – Moscow: Bookseller printer M.O. Wolf Publ. (In Russ.)
- Vorobyov N.I. (1930) *Material culture of Kazan Tatars (an attempt at ethnographic research)*. Kazan: House of Tatar Culture Publ.; Academic Center of the TNCP Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Гатина-Шафикова Дина Фасыховна, научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-5210-8687>; e-mail: golocen@yandex.ru

About the author: Dina F. Gatina-Shafikova, Research Fellow at the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-5210-8687>; e-mail: golocen@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 3.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised 5.05.2025

Принята к публикации / Accepted 12.05.2025

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ НАРОДОВ

SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF PEOPLES' DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.266-281>

EDN: JOKLAO

Крымские татары в социально-экономической жизни Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX века

Д.А. Прохоров

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
prohorovlda@yandex.ru*

Резюме. В статье рассмотрены актуальные вопросы, связанные с участием крымских татар в социально-экономической жизни Таврической губернии второй половины XIX – начала XX в. На основании проанализированных архивных документов (часть из которых впервые вводится в научный оборот), данных губернской статистики сделан вывод о том, что в этот период непосредственно на Крымском полуострове крымские татары составляли более 50% всех жителей. Традиционными сферами развития экономического потенциала региона, в которых были заняты многие представители крымскотатарского населения, оставалось садоводство, виноградарство и виноделие. Например, в сборе урожая винограда в Ялтинском уезде были задействованы жители из числа крымских татар. В Симферопольском, Феодосийском и Ялтинском уездах общая площадь, занятая под сады, составляла более 5000 десятин. Выращенные в Крыму фрукты пользовались устойчивым спросом и за пределами полуострова. Но ключевыми отраслями крымской экономики, как и до Крымской войны, оставались соледобыча, скотоводство и табаководство, где также были заняты крымские татары. Среди владельцев и арендаторов крымских соляных озер и соляных источников ряда уездов Таврической губернии значились крымские татары. В архивных документах зафиксированы фамилии купцов-крымских татар, занимавшихся различными торговыми операциями и объявивших свои капиталы по всем купеческим гильдиям. В работе земских управ деятельное участие принимали крымские татары, при этом губернская и земские управы земские управы Таврической губернии ведали вопросами раскладки и поступления земских сборов, собирали сведения о состоянии сельского хозяйства, урожайности, оказывали продовольственную помощь крестьянам, выступали организаторами выставок сельхозпродукции. В ходе трансформации российской системы народного образования в 1870-х гг., в которой одним из центральных нововведений стала реформа «инородческой школы», были приняты «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев». Этот документ стал отправной точкой в вопросе создания за государственный счет начальных сельских и городских училищ для мусульман.

Ключевые слова: Таврическая губерния, крымские татары, социально-экономическая жизнь, просвещение, российская государственная система образования.

Для цитирования: Прохоров Д.А. Крымские татары в социально-экономической жизни Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX века. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 2. С. 266–281. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.266-281> EDN: JOKLAO

Crimean Tatars in the socio-economic life of the Taurida province in the second half of the 19th – early 20th centuries

D.A. Prokhorov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Simferopol, Russian Federation

prohorov1da@yandex.ru

Abstract. The article examines topical issues related to the participation of the Crimean Tatars in the socio-economic life of the Taurida province in the second half of the 19th – early 20th centuries. Based on the analyzed archival documents (some of which are being introduced into scientific circulation for the first time), and provincial statistics, it was concluded that during that period, directly on the Crimean peninsula, Crimean Tatars constituted over 50% of all residents. Gardening, viticulture and winemaking remained the traditional areas of development of the region's economic potential, in which many representatives of the Crimean Tatar population were employed. For example, Crimean Tatar residents were engaged in grape harvesting in the Yalta district. The total area occupied by gardens in Simferopol, Feodosia, and Yalta districts was over 5,000 acres. Fruit grown in Crimea were in steady demand outside the peninsula. However, as before the Crimean War, salt mining, cattle breeding, and tobacco growing remained the key sectors of the Crimean economy, where Crimean Tatars were employed as well. The list of owners and tenants of the Crimean salt lakes and salt springs in a number of districts of the Taurida province included Crimean Tatars. Archival documents contain the last names of Crimean Tatar merchants who were engaged in various trade operations and declared their capital to all merchant guilds. Crimean Tatars took an active part in the work of zemstvo councils, while the provincial and zemstvo councils of the Taurida province were in charge of the distribution and receipt of zemstvo fees, collected information on the state of agriculture, productivity, provided food assistance to peasants, and acted as organizers of exhibitions of agricultural goods. During the transformation of the Russian public education system in the 1870s, one of the central innovations of which was the reform of the “national minority school”, the “Rules on measures for the education of national minorities inhabiting Russia” were adopted. That document became the starting point for opening primary rural and urban schools for Muslims at public expense.

Keywords: Taurida province, Crimean Tatars, socio-economic life, education, Russian state education system.

For citation: Prokhorov D.A. (2025) Crimean Tatars in the socio-economic life of the Taurida province in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 2: 266–281. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.266-281> (In Russ.)

После окончания Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. экономика Крыма находилась в упадке. Некоторые крупные города (например, такие, как Севастополь, Евпатория) серьезно пострадали в ходе боевых действий. Этнический и конфессиональный состав населения Крымского полуострова тоже существенно изменился. Это произошло, в числе прочего, и в связи с очередной волной эмиграции крымских татар в Турцию, когда многие жители покинули ряд населенных пунктов полуострова. По состоянию на 1858 г., в Крыму всего проживало 331 тыс. 300 человек (из них 73% крымских татар, 12,6% русских, 4% украинцев, 2,4% греков, 2% цыган, 1,8% евреев, 1,5% немцев, 1,3% армян, 0,8% караимов, 0,6% болгар). Однако по данным статистики за 1864 г. на полуострове насчитывалось 198 700 человек, из которых только 50,3% составляли крымские татары, 28,5% приходилось на долю русских и украинцев, 6,5% – греков, 5,3% – евреев, 2,9% – армян, 2,7% – немцев, 1,7% – караимов и 1,6% – болгар. Во второй половине XIX в. численность славян (русских, украинцев и белорусов) превысила численность крымских татар уже более чем на 22%, и в целом преобладание христиан разных конфессий над мусульманами составляло около 25%. К концу XIX в. по мере сокращения численности крымских татар в Крыму сформировались территории с преобладающим русским и украинским населением (Водарский, 2003: 96–97, 125, 128).

Во время осуществления послевоенных восстановительных мероприятий на территории самого полуострова и в материковых уездах Таврической губернии российские власти предпринимали комплексные меры по возрождению экономики и инфраструктуры края. По сравнению с другими губерниями европейской части России, в послевоенный период в Таврической губернии преобладало частное землевладение; процент казенных (государственных) и удельных земель был незначительным. Почти половина (43,9%) всех частных земель принадлежала дворянам, причем наиболее развитым считалось дворянское землевладение в Симферопольском, Днепровском, Мелитопольском и Ялтинском уездах. Что касается крестьян, то им принадлежало 91,5% всей площади губернии (Вернер, 1901: 463). По сведениям Таврического мусульманского духовного правления (ТМДП), общая площадь вакуфных земель в Таврической губернии в 1884 г. составляла при действовавших мечетях – 46 966 десятин, при упраздненных мечетях – 32 417 десятин, при мектебе и медресе – 7947 десятин (Вернер, 1901: 464). В 1860–1880-х годах продолжалось обезземеливание крымских татар, что вызвало их очередную эмиграционную волну. Власти пытались решить земельный вопрос, однако предпринятые ими меры носили бессистемный характер и не привели к желаемому результату (Конкин, 2014: 439–462; Конкин, 2023а: 94–102; Конкин, 2023б: 228–254).

Крым оставался преимущественно аграрным регионом. Таврическая губерния по размерам посевной площади занимала четвертое место среди губерний европейской России. В период с 1881 по 1888 гг. посевная площадь в губернии возросла на 16,2%, а с 1888 по 1899 гг. увеличилась на 35%. В 1888 г. земли, занятые под посевы, составили 1 826 800 десятин, а в 1899 г. – 2 470 180 десятин.

Основными посевными культурами оставались озимая и яровая пшеница, рожь, ячмень и овес. Общая урожайность на территории губернии в 1888 г. доходила до 12 млн четвертей, из которых на продажу направлялось более 7 млн четвертей. В 1914 г. экспорт хлеба вырос до 10 млн четвертей (Вернер, 1901: 464).

Одной из важных отраслей экономики региона являлось скотоводство. В крестьянских хозяйствах в конце 1880-х годов насчитывалось 251 047 лошадей, 444 636 голов крупного рогатого скота, 112 278 телят, 1 377 370 свиней и 167 227 овец; всего же поголовье скота доходило до 907 256. В 1861 г. численность грубошерстных овец достигла 833 тыс., а в конце 1880-х годов насчитывалось уже 1 377 371 овец. Единственной отраслью, где наблюдалось замедление темпов роста, стало разведение мериносов (тонкорунных овец), поголовье которых, по сравнению с предыдущим периодом, уменьшилось. Если в 1866 г. насчитывалось 2 360 000 овец, то в 1880 г. их было только 138 тыс. Основной причиной этому послужило возрастание арендной и продажной стоимости на землю, увеличение пахотных территорий, и поэтому овцеводы стали сокращать стада и переводить их в другие регионы. Но при этом грубошерстное овцеводство, напротив, возрастало. В 1861 г. численность грубошерстных овец достигла 833 тыс., а в конце 1880-х гг. уже было 1 377 371 овец (Вернер, 1901: 464–466; Памятная книжка, 1889: 17–49). Тем не менее, несмотря на очевидные успехи в хлебопашестве и скотоводстве, в начале XX в. многие продукты питания продолжали завозить в Крым с материковых губерний России.

Традиционно успешными сферами экономики Крыма оставалось садоводство, виноградарство и виноделие, причем основными местами для разведения плодовых и виноградных культур являлись главным образом горные и предгорные районы губернии. Общая площадь виноградников в Таврической губернии доходила до 12 тыс. десятин. В 1880-х годах урожайность винограда составляла 1 550 042 пуда (с 1 десятины в среднем собирали 157 пудов винограда). Сбор урожая винограда в Ялтинском и Феодосийском уездах начинался, как правило, в последних числа сентября – начале октября; в остальных уездах его сбор заканчивался в первых числах октября. Как отмечалось в губернских статистических изданиях конца XIX в., во время сбора урожая винограда «кисти срезаются ножами и кладутся сначала в небольшие *ряшки*¹, в которых переносятся в *тарпии*; последние или перевозятся (по две) вьюком на лошади или переносятся (по одной) в винодельню», а в «Ялтинском уезде татары, сами виноград не сдавливающие, перевозят его в перерезах к винодельням скупщиков» (Памятная книжка, 1889: 29). В Симферопольском, Феодосийском и Ялтинском уездах площадь, занятая под сады, составляла 5727 десятин. Крымские фрукты пользовались устойчивым спросом за пределами полуострова: с 1875 по 1885 г. всего было вывезено 3 828 658 пудов, с 1885 по 1895 г. – 4 655 489 пудов, а с 1895 по 1899 г. – 4 363 894 пудов (Вернер, 1901: 465). Значительный импульс в

¹ Ряшки – специальные деревянные или металлические ведра весом около 3 кг для сбора виноградных гроздей; тарпии, или тарпи (крымскотат.) – длинная корзина для транспортировки винограда.

развитии садоводства, виноградарства, виноделия, плодоводства, табаководства, а также в добыче соли и торговле придало строительство на полуострове в 1874 г. железной дороги, связавшей Крым с материковыми губерниями Российской империи, что существенно повлияло на интенсификацию многих отраслей хозяйствования в регионе.

Активно развивалось в Таврической губернии табаководство. Русский путешественник А. Демидов, побывавший в 1837 г. в Карасубазаре, сделал интересное наблюдение: «Кофейных домов здесь очень много, но они все собраны в одной улице, очень пространной и лучше других вымощенной <...> в каждой найдете множество праздных Татар, Армян, Караимов, которые, усевшись па диванах, с длинными черешневыми чубуками в руках, проводят целые часы только в том, что молча курят трубку» (Демидов, 1853: 446). Мощный толчок в сфере производства табака на Крымском полуострове придало установление в 1877 г. золотой пошлины и увеличение таможенного обложения табака с 4 руб. 40 коп. до 14 руб. за пуд (Зайцев, 2011: 13–33). В 1880-х годах на землях Южного берега Крыма разводили в основном сорта табака, завезенные из Малой Азии, и, в частности, из Турции. Популярностью пользовались такие сорта, как трапезундский (трапезон), айя-сулух, или самсун (по названию города на севере Турции, центра крупного района табаководства), македон, а также дюбек (этот сорт был выведен из трех видов турецкого табака – *басмы*). В 1912 г. в Крыму насчитывалось 6279 плантаций, а площадь засеянной табачными культурами земли составляла 2932 десятин. В 1914 г. 86,88% всей площади табачных плантаций приходилось на Ялтинский уезд (Памятная книжка, 1915: 25). Урожай табака для всей Таврической губернии считался удачным, если удавалось собрать от 45 до 55 пудов с 1 десятины.

Основной рабочей силой на плантациях при уходе за посадками и сборе урожая являлись девушки (начиная с подростков 14–15 лет), а мужчины были задействованы при вспашке, перекопке земли и укладке «папушей» (связок сухих, широких листьев) табака в тюки (Прохоров, 2020: 445). Среди работников табачных плантаций были в большинстве крымские татары, а также рабочие, приезжавшие из других уездов губернии, которых нанимали крымские татары (На крымских плантациях, 1897: 1–2). Во многих городах Таврической губернии существовали табачные лавки и склады, принадлежавшие крымским татарам, а также караимам (Памятная книжка, 1889: 7, 10; Памятная книжка, 1915: 25; ГАРК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 329а. Л. 9 об., 16 об., 23 об. – 24, 32 об., 33–33 об., 34–34 об., 35, 44 об., 45, 58 об., 59–59 об., 60, 67 об. – 68, 73 об., 74, 95 об., 96, 114 об., 115, 126 об., 127–127 об., 128, 130 об., 131–131 об., 132, 146 об. – 147).

В соответствии с данными статистики, в 1911 г. на территории Таврической губернии насчитывалось 226 «селений и городов с табаководством», а число табачных плантаций составляло 7163 (общей площадью 3359 десятин), с которых было собрано: табака высшего сорта (папиросных сортов) 260 178 пудов (самсун – 6280 пудов, ялтинский дюбек – 32 067 пудов, американ – 219 191 пуд, и 3640 пудов других сортов), а также табака низшего сорта (рус-

ской махорки) – 148 пудов. В 1913 г. в Таврической губернии функционировало 10 табачных фабрик (Сборник, 1913: 40–41). Львиная доля производимой ими продукции изготавливалась из табака, выращенного в Крыму (Прохоров, 2022: 66–76).

Как и ранее, наиболее доходной отраслью экономики Таврической губернии оставалась добыча соли. В период 1850–1858 гг. она составляла 7,6 млн пудов, а в 1862 г. при значительном улучшении качества добываемой соли и удешевлении цены на нее общее количество собранной на озерах полуострова соли доходило до 24,5 млн пудов (Памятная книжка, 1867: 440; Федченко 1865: 9). Среди владельцев и арендаторов крымских соляных озер и соляных источников Евпаторийского, Перекопского и Феодосийского уездов были крымские татары: Мансурский (Огюз-Оглыное озеро), Эмин (участки Бакальского и Байоглу Кипчакского озер), Баев (участок Красного озера), Кеший Челеби (Ногайлы-Кирский соляной источник), Али бей Балатуков (залив Сиваш, дер. Биюк и Кючук Таганаш, соляной источник Жировский и Тюп-Джанкойское озеро) и другие предприниматели (Памятная книжка, 1867: 12–14).

В городской черте преобладал купеческий элемент – в архивных документах встречаются фамилии купцов-крымских татар, объявивших свои капиталы по 1-й, 2-й и 3-й гильдиям. Так, например, в губернской столице промысловые и сословные купеческие свидетельства в конце XIX – начале XX в. имели Сеит Мемет Ибраим Топузов (в купеческом сословии с 1874 г.) Сеит Халил Хаджи Усеин Чубукчи (в купеческом сословии с 1878 г.), Сеит Умер Мустафа оглу (в купеческом сословии с 1895 г.), Смаил Эюп оглу (в купеческом сословии с 1906 г.) (ГАРК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 280. Л. 39 об. – 40, 112; ГАРК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 307. Л. 42 об. – 43; ГАРК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 328. Л. 12, 12 об., 17, 18, 23, 26; ГАРК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 762. Л. 33 об. – 34). В Бахчисарае в начале XX в. купеческими промысловыми свидетельствами на основании объявленного ими капитала обладали купцы 2-й гильдии Сеит-Амет Сеит Ислям оглу, Аблялим эфенди Аджи Халиль оглу, Аджи Осман Ибраим оглу, Аджи Умер Халиль оглу Куркчиев, Сеит-Мемет Топузов, Аджи-Мустафа Аджи-Сулейман оглу Казас, Аджи Адиль Меджит Самединов Бадраклы и др. (ГАРК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 595. Л. 55, 87 об., 88–88 об.). Основными сферами предпринимательской деятельности, где крымские татары проявляли наибольшую активность, были такие, как торговля скотом, сельскохозяйственной продукцией (в том числе, и зерном), табаком и табачными изделиями, строительными материалами, топливом, тканями, одеждой, кожей, мехами, предметами роскоши и домашнего обихода, произведениями искусства, принадлежностями религиозного культа. Так, например, по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Таврической губернии среди крымских татар было 4 291 человек (4 237 мужчин и 54 женщины), имевших патенты или разрешения на ведение торговых операций (переписью также были учтены 10 463 члена их семей) (Первая всеобщая..., 1904: 196–197). Помимо этого, в губернском и уездных

городах насчитывалось значительное число ремесленников из числа крымских татар.

Активное участие крымские татары принимали в работе органов земского самоуправления. Таврическая губернская земская управа (ТГЗУ) или Таврическое губернское земское собрание (ТГЗС) создавалась на основании «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. (ПСЗРИ, 1867: 14–21). Занималась эта инстанция вопросами развития сельского хозяйства, кустарной промышленности, народного образования, здравоохранения. Земские гласные собирали информацию о работе высших начальных училищ, выдавали пособия благотворительным обществам на содержание призреваемым в богадельнях. Евпаторийская, Симферопольская, Ялтинская уездные земские управы открылись в 1866 г., Перекопская – в 1892 г., Феодосийская – в 1917 г. Уездные управы ведали вопросами раскладки и поступления земских сборов, собирали сведения о состоянии сельского хозяйства, урожайности, о применении сельскохозяйственных машин, оказании продовольственной помощи крестьянам, выступали организаторами выставок табаководства, виноградарства и виноделия, садоводства, животноводства. В их компетенцию входил сбор информации о действовавшей сети медицинских участков, больниц, аптек, сиротских приютов, об открытии и работе учебных учреждений, о составе и движении населения. Занимались земские служащие составлением смет и планов строительства дорог, школ и больниц.

Первые земские выборы в Таврической губернии были проведены в 1866 г. Губернские органы земского управления по своему кадровому составу были многонациональными и поликонфессиональными учреждениями. Деятельное участие в их работе на протяжении всего существования этих органов принимали крымские татары. Всего более чем за 50-тилетнюю работу ТГЗС в нем было задействовано 24 крымских татарина. Первым гласным от крымских татар в ТГЗС стал Абдувели мурза Карашайский, который находился на этом посту два трехлетия. Впоследствии число гласных-крымских татар возросло до 3–4 человек, а в 1910-х гг. – до 5–7 человек (Задерейчук, 2013: 78). Что касается сословной принадлежности гласных, то подробный анализ данного вопроса затруднен тем, что сословное представительство лиц из числа крымских татар по журналам и постановлениям ТГЗС и уездных земских управ проследить довольно сложно, поскольку сведения об этом зачастую в документах отсутствуют. Исключение составляют лишь данные о дворянах – по протоколам заседаний ТГЗС А. А. Задерейчук выявила 9 из 24 гласных-татар, которые принадлежали к дворянскому сословию, при этом все они занимали должность предводителя уездного дворянства, исполняющего обязанности или его помощника (Задерейчук, 2013: 79–80).

Как отмечал известный российский историк, экономист и исследователь земского движения в России Б.Б. Веселовский, в Симферопольском уезде от сельских обществ одну половину гласных обычно составляли крымские татары, а другую – немцы-колонисты; кроме того, среди дворян-членов управы также

было немало татар. Плодотворно работали в рамках земских учреждений надворный советник Мустафа мурза Кипчакский (в 1900–1906 гг. – председатель Симферопольской земской уездной управы), Мемет мурза Карашайский и Ресаад бей Крымтаев (члены Симферопольской земской уездной управы с 1909 г.). Помощником предводителя симферопольского уездного дворянства в 1910 г. состоял корнет Селямет мурза Кипчакский, земским начальником 1-го участка Симферопольского уезда – дворянин Кушут бей Крымтаев, а исполняющим должность начальника 3-го участка, кандидат к земскому начальнику – губернский секретарь Асан мурза Уланов (Веселовский, 1911: 213; Адрес-календарь, 1910: 74).

В Перекопском уездном земстве довольно сильные позиции были у представителей мурз Карашайских, занимавших в разное время должности предводителя дворянства и председателя управы. В 1902 г. членами Перекопской земской уездной управы являлись потомственный дворянин Магомет Гирей мурза Карашайский, а также Сулейман мурза Тайганский (Календарь, 1902: 133). В Ялтинском земстве среди гласных от сельских обществ преобладали татары, однако, как отмечал Б. Б. Веселовский, в работе земских органов «они ничем себя не проявили». Членом Ялтинской земской управы в 1866 г. был Халил мурза Мансурский (Карманный, 1868: 137). Арслан бей Тащи оглу занимал должность предводителя Ялтинской земской уездной управы с 1866 г., а Али мурза Булгаков состоял членом управы, а позже был избран ее председателем (Веселовский, 1911: 213).

В Феодосийском уезде в составе гласных также было много татар, причем Н.А. Султан-Крым-Гирей в 1876–1886 гг. был избран на должность предводителя дворянства, а в 1874–1886 гг. – занимал пост председателя управы. В 1894–1899 гг. предводителем феодосийского уездного дворянства состоял Джан-Арслан мурза Булгаков, а с 1909 г. членом управы являлся караим Шаббетай Самойлович Крым. В Евпаторийском земстве в состав гласных входили представители разных национальностей: армяне, крымские татары и евреи. Причем, по замечанию Б.Б. Веселовского, между отдельными группами гласных даже «наблюдалась некоторая борьба <...> вначале главенствовали татары, но затем они отступили на второй план, и снова получили преобладание лишь в [18]80-х годах» (в 1903–1906 гг.) (Веселовский, 1911: 213).

Среди насущных проблем земств, в обсуждении которых принимали участие гласные-крымские татары, были такие вопросы, как развитие народного образования и необходимость распространения просвещения среди крымских татар; преодоление безземельности среди крымскотатарского населения; поддержка и развитие сельскохозяйственных отраслей, пользовавшихся популярностью среди крымских татар. Рассматривались многочисленные вопросы коммунального характера – ремонт дорог, открытие фельдшерских участков, ярмарок и базаров. Обсуждались проблемы паломников-мусульман и т.п. (Задерейчук, 2013: 81).

Что касается других важных направлений развития социальной сферы, то среди наиболее актуальных тем, получивших широкое обсуждение на разных уровнях (от правительственных кругов, земств на местах до дискуссий среди общественных деятелей), на первый план был выдвинут вопрос о модернизации традиционной системы народного образования российских «иностранцев». Во второй половине XIX в. в сфере российского просвещения происходили значительные изменения, связанные с проведением правительственными кругами комплекса реформ. Основной целью этих преобразований стала языковая и культурная интеграция представителей «иностранческого» населения в российский социум, распространение русской культуры, русского языка и образованности в многоэтнических и поликонфессиональных регионах империи.

В середине XIX в. в Таврической губернии действовали крымскотатарские учебные заведения, подразделявшихся на несколько типов. Во-первых, это традиционные начальные школы *мактаб*. По сведениям, представленным в Дирекцию народных училищ Таврической губернии (НУТГ), в 1865 г. в 5 уездах насчитывалось 34 *мактаб*. Высшей формой традиционной системы образования крымских татар являлись медресе – их в 60-х годах XIX в. на территории губернии было 28 (Ганкевич, 1998: 31, 34). Однако программы в традиционных учебных заведениях крымских татар и сама организация учебного процесса не устраивали российское правительство. Проведение мероприятий, связанных с распространением просвещения в национальных регионах и непосредственно касавшихся тюрко-мусульманского населения России (и, в том числе, крымских татар) являлись частью политики, проводимой государством в отношении культурно-языковой ассимиляции российских «иностранцев».

Одним из итогов предварительной работы по подготовке образовательной реформы стал созыв «Комиссии по вопросу о распространении образования среди крымских татар», в задачи которой входила разработка проекта открытия школ нового типа. В декабре 1867 г. состоялось два ее заседания. В состав Комиссии, помимо председателя, таврического губернатора Г.В. Жуковского, вошли Таврический муфтий Сеит-Джелиль, губернский предводитель дворянства Н.Н. Куликовский, инспектор Одесского учебного округа (ОдУО) М.Т. Пятин, директор НУТГ Е.Л. Марков, симферопольский городской голова Н.И. Иванов, инспектор Симферопольской мужской казенной гимназии (СМКГ) В.Ф. Щерещкий, учитель этой же гимназии И.И. Казас, члены Таврического губернского училищного совета, а также крымскотатарские мурзы, чиновники различных ведомств Таврической губернии (всего 24 человека) (Сборник, 1869: 141–142). На заседании 2 декабря 1867 г., помимо ряда программных документов, членами Комиссии был рассмотрен и «подробный проект распространения образования среди крымских татар». На следующем заседании, состоявшемся 5 декабря 1867 г., после внесения некоторых изменений, проект решили утвердить, и, через попечителя ОдУО, представить на рассмотрение в Министерство народного просвещения (МНП).

После необходимых согласований «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» были утверждены 26 марта 1870 г. В результате образовательной реформы 1870-х гг. появились начальные школы нового типа. Ключевым нововведением стала реформа «инородческой школы». «Правилами» объявлялось организация за государственный счет начальных сельских и городских училищ для мусульман. До тех пор, пока преподавательский состав этих учебных заведений не укомплектовали специалистами из числа крымских татар (в других национальных регионах империи – представителями соответствующих национальностей), знавших хорошо и русский и родной языки, в этих учебных заведениях могли преподавать русские учителя, владеющие крымскотатарским языком. За счет мусульманских общин мог приглашаться вероучитель, которому предоставлялись определенные учебные часы. Местные крымскотатарские общины имели право избирать и почетного блюстителя для народного училища из числа единоверцев. Документом предписывалось облегчить для детей мусульман поступление в общероссийские учебные заведения. Для этой цели при общих начальных народных училищах за счет казны организовывались подготовительные классы для изучения русского языка. При уездных училищах и гимназиях открывались классы для подготовки учащихся из числа мусульман к поступлению в первый класс этих заведений.

После опубликования «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» учебное начальство Таврической губернии приступило к организации городских и сельских русско-татарских министерских училищ (РТМУ). Так, например, в 1870 г. были открыты училища в городах Евпатории и Феодосии, в дер. Таракташ; в 1871 г. – в Симферополе, Керчи и Карасубазаре; в 1872 г. – в Армянском Базаре и дер. Узенбаш; в 1876 г. – в Бахчисарае; в 1882 г. – в Ялтинском уезде, в дер. Дереккой; в 1883 г. – в дер. Бешу; в 1884 г. – в дер. Чукурчи; в 1885 г. – в дер. Байгончик. В 1882 г. насчитывалось уже 18 РТМУ (в Симферопольском уезде их было 9, а именно: в Бахчисарае – три, в Симферополе и Карасубазаре – по одному, а также в деревнях – Аргинское, Дуванкойское, Сарабузское и Голумбейское РТМУ). Функционировали училища в Феодосии, Керчи и в дер. Таракташ; в Ялтинском уезде было три начальных училища – в Алуште, и в дер. Узенбаш и Биюк-Ламбат. В Евпаторийском уезде числилось два РТМУ; в дер. Даулджар – одно, и в Перекопском уезде – одно РТМУ (в Армянском Базаре). Некоторые из этих училищ были основаны в 1860-х гг. по инициативе местных обществ и земств (как, например, это произошло в Алуште и Феодосии). Однако большинство из них (а именно 15 училищ) начали свою деятельность в 1870-х годах. И если в 1880-х годах училищ было только 18, то уже в начале XX в. их насчитывалось уже 33 (Ганкевич, 1998: 80).

Основной контингент преподавателей в РТМУ составляли крымские татары – выпускники открывшейся в 1872 г. после принятия «Правил...» Симферопольской татарской учительской школы (СТУШ), о деятельности которой будет сказано ниже. В разное время учителями в РТМУ были такие видные деятели

крымскотатарского народного образования, как О. Заатов, Ш. Тохтаргазы, А. Медиев, А. Боданинский, И. Леманов. Общеобразовательные дисциплины в русско-татарских училищах преподавали И. Шейх-Аметов (Симферопольское РТМУ), О. Османов (Евпаторийское РТМУ), Ю. Шерфединов (Феодосийское РТМУ), А. Ширинский (Карасубазарское РТМУ), З. Гафаров (Бешуйское РТМУ), М. Ахмедов (Дуванкойское РТМУ), А. Х. Халитов (Армянобазарское РТМУ), Б.А. Сеиттаров (Байгончикское РТМУ), И. Черкезов (Чокурчинское РТМУ), С. Селямиев (Дерекойское РТМУ), М.А. Абибулла (Узеньбашское РТМУ), С. Ногаев (Керченское РТМУ). Помимо крымских татар, в училищах трудились и русские учителя, и преподаватели-караимы. По характеристике, данной молодым педагогам директором НУТГ А.Н. Дьяконовым в 1882 г., «все это – порядочные молодые люди, обладающие тактом и умением обращаться с детьми, хорошо усвоившие приемы преподавания и склонные стремиться к дальнейшему самосовершенствованию» (Дьяконов, 1882: 44).

Одним из основных положений «Проекта распространения образования среди крымских татар» 1867 г. стал пункт о создании в Таврической губернии центрального образовательного учреждения для крымских татар. В «Проекте устройства образовательной части» мусульман губернии обосновывалась необходимость открытия в Симферополе центрального училища для подготовки крымскотатарских народных учителей. Курс обучения в этом училище должен был соответствовать курсу уездных училищ, однако он содержал больше предметов и носил национальный характер. В учебном заведении планировалось ввести преподавание русского языка и литературы, арифметики и геометрии, истории, географии, черчения, чистописания и «мусульманского вероучения». Продолжительность обучения составляла шесть лет.

27 марта 1872 г. в результате ходатайства губернских властей был издан императорский указ об открытии учительских школ в Симферополе и Казани. Основной задачей этих учебных заведений стало «приготовление сведущих и знающих основательно русский язык учителей для начальных училищ в татарских селениях». Уставом СТУШ закреплялось четырехклассное обучение с годичным курсом в каждом классе. Число воспитанников «от казны» составило 40 человек. Допускался прием и сверхштатных стипендиатов (от различных обществ, частных лиц и учреждений). 12 декабря 1872 г. «после краткой молитвы, исполненной по обряду магометанской веры» школа была торжественно открыта (Официальные..., 1873: 243). СТУШ приравнивали в правах к прогимназиям, и она начала функционировать как государственное учреждение, имевшее утвержденный МНП устав. Кроме того, выпускники школы имели право на получение ряда льгот, в соответствии с утвержденными «Правилами» 1870 г. С 1878 г. при ней ежегодно проходили педагогические курсы для учителей крымскотатарских народных школ («Правила» об их проведении 18 ноября 1877 г. утвердило МНП). Целью курсов, которые начинались обычно в середине августа и продолжались до второй половины сентября, было «поддержание знания

русского языка в учителях начальных татарских училищ и усовершенствование их в преподавании» (ГАРК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 238. Л. 2).

Педагогический коллектив СТУШ был многонациональным и состоял из опытных преподавателей. Они оказывали воспитанникам помощь в подготовке к урокам, в решении бытовых проблем, следили за соблюдением дисциплины в этом учебном заведении. Все без исключения педагоги школы владели крымскотатарским языком, свободно изъясняясь на нем с воспитанниками. Среди должностных лиц, занимавших в разные годы инспекторский пост в СТУШ, следует назвать таких видных деятелей народного образования Таврической губернии, как З.И. Тахтаров, А.Б. Багатурьянц, И.И. Казас, М.Я. Дубровский, Х.А. Монастырлы, В.И. Филоненко и А.Ч. Муфтий-заде. Руководителей школы отличал организаторский талант, многолетний опыт педагогической работы и прогрессивные взгляды на просвещение. Во многом благодаря их усилиям, СТУШ стала по праву считаться одним из лучших учебных заведений полуострова.

СТУШ сыграла значительную роль в процессе формирования крымскотатарских национальных педагогических кадров. Среди ее выпускников, а затем и учителей начальных народных школ были представители крымскотатарской интеллигенции, ставшие гордостью своего народа. В числе воспитанников, окончивших школу, впоследствии наибольшую известность получили А. Боданинский, У. Боданинский, Д. Меинов, А. Чергеев, И. Леманов, А. Медиев, А. Абиев, У. Балич, О. Заатов, И. Фирдевс (Керимжанов).

Важную роль в мероприятиях, проводившихся российскими властями в рамках просветительской деятельности, играли прогрессивные национальные педагоги, направлявшие свои усилия на то, чтобы процесс модернизации народного образования протекал наиболее продуктивно и безболезненно. Одним из первых, кто обратил внимание на вопросы распространения просвещения среди крымских татар, был выдающийся просветитель и педагог Исмаил бей Гаспринский. В августе 1882 г. он, получив разрешение Санкт-Петербургского Комитета внутренней цензуры (СПб КВЦ), напечатал экспериментальный экземпляр будущей газеты под названием «Сборник статей». Дата выхода в свет этого номера, 5 августа 1882 г., стала отправной точкой возникновения первого периодического печатного издания на крымскотатарском языке, газеты «Переводчик-Терджиман». В редакционной статье И. Гаспринский, обращаясь к читателям, писал: «...живя основной целью знакомить русских мусульман с Россией, как с их отечеством, так, по возможности с европейской культурой», он посчитал необходимым и полезным печатать материалы новой газеты параллельно на русском и крымскотатарском языках (ГАРК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 1595. Л. 21 об.). Распоряжением начальника Главного управления по делам печати (ГУДП) Е.М. Феофтистова 16 февраля 1883 г. И. Гаспринскому официально разрешили издавать еженедельную газету «Переводчик-Терджиман» (Гаспринский, 1884: 1). Именно со страниц «Переводчика-Терджимана» русскоязычный читатель мог непосредственно знакомиться с духовной жизнью, развитием об-

щественной мысли, многообразным бытом многомиллионного тюркомусульманского населения Российской империи. Всего за 35-летнюю историю этой газеты был выпущен 2821 номер, а последний выпуск «Переводчика-Терджимана» увидел свет 23 февраля 1918 г.

Помимо занятия издательской деятельностью, И. Гаспринский в конце XIX в. выступил с идеей о реформировании традиционных *мактаб* и медресе в новометодные школы (*мактаб-руштие*) по звуковой методике, разработанной им же и его последователями-джадидистами. Внедрение джадидистских методов преподавания благотворно повлияло на дальнейшее развитие народного образования в Таврической губернии.

Таким образом, на основании рассмотренных материалов можно утверждать, что во второй половине XIX – начале XX в. крымские татары принимали самое непосредственное участие в социально-экономической жизни региона, а их деятельность распространялась на различные сферы хозяйствования. Многие представители крымскотатарского населения были задействованы в таких отраслях экономики, как садоводство, виноградарство, соледобыча, скотоводство, табаководство, ремесленные промыслы. Одним из ключевых направлений стала торговля, причем среди крымских татар было немало состоятельных купцов, занимавших прочные позиции среди представителей всех купеческих гильдий.

Прогрессивная национальная интеллигенция, губернские и уездные земские служащие, педагоги, деятели культуры и искусства являлись активными участниками просветительского движения, развернувшегося среди крымских татар во второй половине XIX – начале XX вв. К решению многих актуальных проблем, стоявших перед земскими учреждениям Таврической губернии, регулярно привлекались представители крымскотатарской общественности, уездные предводители дворянства, члены земских комитетов и комиссий.

Важнейшая роль в распространении просветительских идей принадлежит И. Гаспринскому, а также другим национальным педагогам. Он и его единомышленники не только способствовали развитию национальной печати, но и принимали самое активное участие в работе периодических печатных изданий, издававшихся в Таврической губернии, предпринимали энергичные и своевременные шаги в деле реформирования системы народного образования крымских татар. Публикации и переводы И. Гаспринского, несомненно, служили мощным рычагом в распространении среди крымских татар передовых знаний и оперативно информировали население о всевозможных событиях в жизни полуострова. Помимо всего прочего, печатавшиеся И. Гаспринским сведения служили ценным источником информации о жизни крымских татар в Таврической губернии за ее пределами.

Инициативы, предпринятые правительством и передовой национальной интеллигенцией, привели к созданию ряда новых учебных заведений. В числе таких учреждений были русско-татарские министерские училища и Симферопольская татарская учительская школа. Деятели просвещения и прогрессивные

педагоги, активно взаимодействуя с российскими властями, приложили немало усилий для того, чтобы эти учебные учреждения стали реальным воплощением идеи русско-крымскотатарского взаимодействия и плодотворного сотрудничества. Одной из важных заслуг СТУШ стала активизация процесса формирования крымскотатарской интеллигенции, получавшей светское государственное образование.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

Гаспринский И. Приступая к изданию нашей газеты // Переводчик-Терджиман. 1883. № 1. 10 апреля. С. 1.

Адрес-календарь и справочная книга Таврической губернии на 1910 год / Таврическое губ. правл. Симферополь: Изд-ие Таврического губ. правл., 1910.

Вернер К. Таврическая губерния // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон; Под ред. *К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского*. СПб.: типо-литогр. И.А. Ефрона, 1901. Т. 32: Судоходные сборы – Таицы. С. 461–466.

ГАРК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 1595.

ГАРК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 280.

ГАРК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 307.

ГАРК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 328.

ГАРК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 329а.

ГАРК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 595.

ГАРК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 762.

ГАРК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 238.

Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. М.: тип. А. Семена, 1853.

Дьяконов А.Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1881 г. 2-е изд. Бердянск: тип. Э. Килиус и К°, 1882.

Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1902 год. Симферополь: Изд-во Таврического губ. статист. комит., 1902.

Карманный календарь Таврической губернии 1869 (год простой). Симферополь: тип. Таврического губ. правл., 1868.

На крымских плантациях // Салгир. 1897. № 22. 19 февраля. С. 1–2.

Памятная книга Таврической губернии изданная Таврическим губернским статистическим комитетом / Под ред. *К.В. Ханацкого*. Вып. 1. Симферополь: тип. Таврич. губ. правления, 1867.

Памятная книжка Таврической губернии, составленная Статистическим бюро Таврического губернского земства / Под ред. *К.А. Вернера*. Симферополь, 1889.

Памятная книжка Таврической губернии на 1915 год / Изд-ие Таврического Губернского Статистического комитета / Под ред. секр. Комитета *Н.Г. Часовникова*. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1915. Ч. 2.

Первая всеобщая перепись населения Российской губерния, 1897 г. / Под ред. *Н.А. Тройницкого*. Т. 41. Таврическая губерния. СПб: Центральный статистический комитет МВД, 1904.

Официальные извещения // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1873. Ч. 165, отд. 5. С. 243.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание второе. СПб., 1867. Т. 39. Ч. 1.

Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб.: Изд-во тип. тов. «Общественная польза», 1869.

Сборник статей и материалов по табачному делу / Под ред. *С.А. Эгиза*. СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1913.

ЛИТЕРАТУРА

Веселовский Б. История земства. СПб.: изд-во О. Н. Поповой, 1911. Т. 4.

Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (Численность, размещение, этнический состав). М., 2003.

Ганкевич В.Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX – начале XX века). Симферополь: Таврия, 1998.

Зайцев И.В. Табак и курение в Крыму (XVII–XVIII вв.) // История и современность. 2011. № 2. С. 13–33.

Задерейчук А. А. Крымские татары в русском земстве (на примере Таврической губернии) // Туркология. 2013. № 1. С. 75–85.

Конкин Д.В. Проекты реформирования управления вакуфами в Крыму в начале XX века // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2014. Вып. 19. С. 439–462.

Конкин Д.В. Из истории налогообложения мусульман Крыма в XIX в.: «татарский сбор», подробности подготовки, взимания и распределения средств. По материалам Российского государственного исторического архива // Вестник архивиста. 2023а. № 1. С. 94–102. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2023-1-117-130>

Конкин Д.В. Частно-вакуфные земли на территории восточного Крыма: история учреждения и расположение на местности (по материалам ведомостей XIX века) // Боспорские исследования. 2023б. № 46. С. 228–254.

Прохоров Д.А. Крымские караимы в эпоху Средневековья и в Новое время. Дис. ... докт. ист. наук. Симферополь, 2020.

Прохоров Д.А. Предпринимательская деятельность караимов и коммерческая реклама их предприятий в Российской империи в XIX – начале XX в. // Ежегодник экономической истории. М.: Институт российской истории РАН, 2022. С. 41–88.

Федченко Г.П. О налоге на соль в России. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1865.

REFERENCES

Veselovskiy B. (1911) *History of zemstvo*. Vol. 4. St. Petersburg: O.N. Popova Publ. (In Russ.)

Vodarskiy Ya.E., Eliseeva O.I., Kabuzan V.M. (2003) *Population of Crimea in the late 18th – the late 20th centuries (number, distribution, ethnic composition)*. Moscow. (In Russ.)

Gankevich V.Yu. (1998) *Essays on the history of Crimean Tatar public education (reform of ethno-confessional educational institutions of Muslims in the Taurida province in the 19th – early 20th centuries)*. Simferopol: Tauria Publ. (In Russ.)

Zaytcev I.V. (2011) Tobacco and smoking in Crimea (17th–18th centuries). *Istoriya i sovremennost'* [History and modernity]. No. 2: 13–33. (In Russ.)

Zadereychuk A.A. (2013) Crimean Tatars in the Russian zemstvo (on the example of the Taurida province). *Turkologiya* [Turkology]. No.1: 75–85. (In Russ.)

Konkin D.V. (2014) Projects for reforming the management of waqfs in Crimea at the beginning of the 20th century. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on archeology, history and ethnography of Tauria]. Vol. 19: 439–462. (In Russ.)

Konkin D.V. (2023a) Excerpts on the history of taxation of Crimean Muslims in the 19th century: “Tatar tax”, details of the preparation, collection and distribution of funds. Based on the materials from the Russian State Historical Archive. *Vestnik arkhivista* [Archivist’s bulletin]. No. 1: 94–102. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2023-1-117-130> (In Russ.)

Konkin D.V. (2023b) Private waqf lands on the territory of eastern Crimea: history of establishment and location on the ground (based on the materials from 19th-century statements). *Bosporskie issledovaniya* [Bosporus studies]. No. 46: 228–254. (In Russ.)

Prokhorov D.A. (2020) *Crimean Karaites in the Middle Ages and in modern times*. Dis. Doct. Hist. Sciences. Simferopol. (In Russ.)

Prokhorov D.A. (2022) Entrepreneurial activities of Karaites and commercial advertising of their enterprises in the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries. In: *Yearbook of economic history*. Moscow: RAS Institute of Russian History Publ.: 41–88. (In Russ.)

Fedchenko G.P. (1865) *About the salt tax in Russia*. Moscow: Univ. tip. (Katkov i K^o) Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Прохоров Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры управления документами, архивами и организации работы с молодежью исторического факультета, институт «Таврическая академия», Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (295007, проспект Академика Вернадского, 4, Симферополь, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-9162-4705>; e-mail: prohorov1da@yandex.ru

About the author: Dmitry A. Prokhorov, Doctor Sc. (History), Professor of the Department of Document Management, Archives and Organization of Work with Youth, Faculty of History, Institute “Taurida Academy”, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (4 Academician Vernadsky Avenue, Simferopol 295007, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-9162-4705>; e-mail: prohorov1da@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 8.07.2024

Доработана после рецензирования / Revised 24.03.2025

Принята к публикации / Accepted 29.04.2025

Краткое сообщение / Brief message
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.282-291>

EDN: JRRFW

Работа отряда Братьев милосердия в русско-татарском селе Кошки Самарской губернии во время голода 1898 года

Г.Г. Циденков

*Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Российская Федерация
gcidenkov@yandex.ru*

Резюме. В 1898 г. большие территории Российской империи охватил голод, вызванный неурожаем 1897 г. Основными районами продолжавшегося два года бедствия стали Новороссия и Поволжские губернии. Эти регионы довольно сильно различались как экономическим положением, так и особенностями самого бедствия. Кроме того, в период нестабильности и потрясений сильно проявились особенности менталитета местных народов. Эти различия оказали существенное влияние на работу общественных благотворительных организаций помощи голодающим. Сотрудники таких организаций стали первыми в России, кто начал собирать сведения о национальных особенностях поведения голодающего населения.

Весной 1899 г. в село Кошки Самарского уезда Самарской губернии прибыл отряд Братьев милосердия из шести человек во главе с военным врачом А.Г. Недлером. Институт Братьев милосердия была основана княгиней Марией Августовной Лобановой-Ростовской в Санкт-Петербурге в 1897 г. В этой организации работали бесплатные двухмесячные курсы для подготовки «помощников сестрам милосердия». «Боевое крещение» Братья милосердия прошли, работая в 1898 г. в пораженных голодом уездах Херсонской губернии. Их деятельность в этом регионе была признана успешной и из-за чего Братьев милосердия направили на более тяжелый участок в Самарской губернии. В селе Кошки сотрудники столкнулись с рядом непредвиденных проблем, вызванных национальными и религиозными особенностями смешанного русского-татарского населения села. Тем не менее, благодаря выдержке персонала и разумному управлению Лобановой-Ростовой, миссия быстро адаптировалась к местным условиям и смогла осуществить успешную работу.

Ключевые слова: голод 1898 года, Самарская губерния, отряд Братьев милосердия, русские, татары.

Для цитирования: Циденков Г.Г. Работа отряда Братьев милосердия в русско-татарском селе Кошки Самарской губернии во время голода 1898 года. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 2. С. 282–291. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.282-291> EDN: JRRFW

**The work of the Brothers of Mercy detachment
in the Russian-Tatar village Koshki of the Samara province
during the famine of 1898**

G.G. Tsidenkov

Samara State University of Social Sciences and Education

Samara, Russian Federation

gcidenkov@yandex.ru

Abstract. In 1898, large areas of the Russian Empire were engulfed by famine caused by the crop failure of 1897. The main areas of the disaster, which lasted for two years, were Novorossiia and the Volga provinces. These regions differed greatly in both their economic situation and the characteristics of the disaster itself. In addition, during the period of instability and upheaval, the mentality of the local peoples became very distinct. These differences had a significant impact on the work of public charitable organizations helping those who were starving. The employees of such organizations were the first in Russia to begin collecting information about the national characteristics of the behavior of the starving population.

In the spring of 1899, a detachment of six Brothers of Mercy, led by military doctor A.G. Nedler, arrived in the Koshki village in the Samara district of the Samara province. The Brothers of Mercy Institution was founded by Princess Maria Avgustovna Lobanova-Rostovskaya in St. Petersburg in 1897. This organization offered free two-month courses to train "assistants to the sisters of mercy". The Brothers of Mercy received their "baptism of fire" while working in the famine-stricken districts of the Kherson province in 1898. Their work in this region was considered successful, which is why the Brothers of Mercy were sent to a more difficult area in the Samara province. In the Koshki village the staff encountered a number of unforeseen problems caused by the national and religious characteristics of the mixed Russian-Tatar population of the village. Nevertheless, thanks to the endurance of the staff and the wise management of Lobanova-Rostova, the mission quickly adapted to local conditions and was able to carry out successful work.

Keywords: famine of 1898, Samara province, Detachment of the Brothers of Mercy, Russians, Tatars.

For citation: Tsidenkov G.G. (2025) The work of the Brothers of Mercy detachment in the Russian-Tatar village Koshki of the Samara province during the famine of 1898. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 2: 282–291. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.282-291> (In Russ.)

В конце XIX – начале XX вв. земли так называемого пояса «рискового земледелия» в Поволжье и юга России охватила череда сильных и опустошительных неурожаев, которые с частой периодичностью вызывали голод и сопутствующие эпидемии. Наиболее сильными стали периоды голода 1872–1874 гг., 1891–1892 гг. («Царь-голод»), 1896–1898 гг., 1901–1902 гг., 1906–1907 гг., 1911–1912 гг., 1921–1923 гг., 1925 г., 1932–1933 гг. (Кондрашин, Корнилов, 2021: 6). Голодные бедствия вплоть до голода 1921 г. характеризуются широким и масштабным участием благотворительных организаций в помощи голодающим (за исключением голода 1906–1907 гг., когда в связи с революционной

ситуацией работа благотворительных организаций в пострадавших губерниях была сильно ограничена). Начиная с голода 1921–1922 гг., с бедствиями начинают бороться централизованно на государственном уровне превентивными и реагирующими мерами.

В дореволюционный период наиболее изученным голодной катастрофой стал печально известный голод 1891–1892 гг., по устранению которого работало большое количество разных благотворительных организаций, вплоть до иностранных. Это дало всплеск движению благотворительности в стране. Два последующих голода 1896–1898 и 1901–1902 гг. стали пиком деятельности благотворительных организаций помощи голодающим в Российской империи.

Разразившийся в 1898 г. голод по степени нужды и разорения крестьянских хозяйств был вполне сопоставим со знаменитым голодом 1891–1893 гг., но оказался значительно меньше в масштабах – сначала осенью 1897 г. неурожай поразил семь губерний (Рогожина, 2018б: 53). Всего же содействия у Министерства внутренних дел о продовольственной и семенной помощи населению запросили 10 губерний (Рогожина, 2018: 53). К лету 1898 г. голодали уже 18 губерний (Ермолов, 1909: 3).

В предыдущий «царь-голод» 1891 г. основную работу на местах проводили частные благотворительные общества и организация Красного Креста. Однако, после прекращения голодного бедствия частная благотворительность пошла на спад. Причиной стало отношение крестьян к благотворителям: «...последствия не оправдали ... надежд ... на закрепление в будущем моральной связи между крестьянами и приходившими им на помощь высшими классами населения. ... Многие из бескорыстных и самоотверженных деятелей того времени постигло горькое разочарование, благодаря упомянутому выше отношению крестьян к оказываемой им помощи и к тем лицам, которые ее оказывали, иногда на свой личный счет, без всякого пособия со стороны. Крестьяне в бескорыстие их не только не верили, а, напротив, подозревали их в том, что присланные им якобы от Царя деньги они утаивали, обращали в свою пользу. Хотя эти лица действовали, конечно, не в расчете на благодарность крестьян, такое к ним отношение охладило их пыл и в последующие годы этот подъем духа, этот широкий размах частной благотворительности никогда уже в таких размерах, как после неурожая 1891 г., более не повторились» (Ермолов, 1909: 116–118).

Наиболее полные данные о положении крестьян в результате серии неурожаев 1897–98 гг. были собраны созданным в 1897 г. в Санкт-Петербурге «Этнографическим бюро». Оно было основано известным русским промышленником князем В.Н. Тенишевым для сбора сведений о социально-культурной жизни русского крестьянства. Основой для сбора информации о крестьянстве являлась специальная программа, составленная В.Н. Тенишевым при участии российских краеведов и этнографов (Батыршин, 2020: 5).

Сильнее всего голод ударил по Казанской, Самарской и Саратовской губерниям. В результате сильного неурожая 1897–1898 гг. к лету 1898 г. в Самар-

ской и Саратовской губерниях оказалось без запасов продовольствия 1 260 000 человек. Самарские и Саратовские земские власти смогли им выделить крайне недостаточный паек в 35 фунтов ржи в месяц на работника в возрасте от 18 до 55 лет (Отчет Самарского комитета..., 1900: 4).

Положение в Казанской губернии было таким же плачевным. Нужда в продовольственном и семенном зерне составила 5 миллионов пудов (Хусаинов, 2017: 291). Особенно сильно голод сказывался на татарском населении, которое в значительном количестве проживало на территории Самарской губернии. Свидетель тех событий, известный татарский писатель Гаяз Исхаки в своем романе «Нищенка» описал беспомощное положение татарской бедноты, массово покидающей родные аулы. Крестьяне-батраки распродавали все, в том числе и сундуки, старые набитые шерстью тюфяки, кумганы-тазы и многие другие вещи. Они держали путь в сторону Казани, а перебравшись, понимали, что и здесь нет спасения. Найти работу было трудно, почти невозможно, поскольку приезжих в городе были тысячи, а работы не хватало на всех. Единственное спасение от голодной смерти – это добывать на пропитание попрошайничеством, собирать милостыню, что и стало обычным промыслом голодного года (Ахметова, 2018: 48).

Голодающее население массово прибегало к питанию суррогатами, что вызывало вал заболеваний, приводивших к летальному исходу в условиях недостаточного питания. Суррогаты употреблялись те же, что в 1891–1892 годах. Проблема стала известна общественности благодаря работам казанских медиков и эпидемиологов, опубликовавших большую научную работу «Материалы для изучения свойств «голодного» хлеба» по образцам суррогатов Волжско-Камского края, собранным в 1891–1892 гг. (Стефановский, 1893).

Так же, как и в 1891 г., огромное число крестьян вернулось к суевериям, начало практиковать языческие обычаи, колдовство. По свидетельству известного врача-паразитолога Василия Ларионовича Якимова, работавшего во время голода 1898 г., в Симбирской и Казанской губерниях в деревнях выкапывали покойников «опойц» (умерших от чрезмерного пьянства), так как считалось, что они задерживают дождь и способствуют засухе (Якимов, 1903: 16–19).

Самую масштабную и существенную помощь голодающим из всех благотворительных организаций оказало Общество Красного Креста. Только в 1897 г. им было израсходовано на помощь населению 10 губерний свыше 550 тыс. руб., из которых 440 тыс. руб. было обращено на продовольственное обеспечение, 7,5 тыс. руб. – на пособия погорельцам, 78,6 тыс. руб. – на покупку лошадей и рогатого скота и около 25 тыс. руб. – на медицинскую и врачебно-питательную помощь (Рогожина, 2018: 54). Всего же в 1897–1898 гг. Общество Красного креста израсходовало на помощь голодающим 3 860 000 руб. (Рогожина, 2018: 56).

Владимиров И.А. «Помощь голодающим». 1903 г.
Весенняя выставка в залах Императорской Академии художеств 1903 г.
(Журнал для всех. 1903. №5: вкладыш).

Помимо Красного Креста, в голодающих районах работали более мелкие, многочисленные столичные и местные организации. Многие из них зарекомендовали себя во время голода 1891–1892 гг. Особенно выделялось московское «Пироговское общество врачей», которое занималось главным образом борьбой с сопутствующими эпидемиями. В 1899 г. оно провело в Казани съезд врачей, на котором был создан комитет врачебно-медицинской помощи населению в связи с небывалой эпидемией цинги, разразившейся в Поволжье из-за голода. Комитет создавал врачебно-продовольственные отряды, занимавшиеся сбором денег для нуждающихся, открытием столовых в сельской местности, лечением больных и организацией трудовой помощи местному населению. Всего это общество собрало для голодающих 16 261, 24 рубля частных пожертвований (Низамова, 2003: 38). При работе с цинготными больными необходимо было уметь выявлять симулянтов, так как многие крестьяне, чтобы получить паек для больных, расковыривали себе десна булавками и натирали их песком с золой (Якимов, 1903: 23).

Работа подобных обществ и кружков начиналась, как правило, с публикаций в прессе. Освещение голода 1898 г. стало возможным благодаря выдающемуся русскому писателю Л.Н. Толстому, который снова, как и в 1872 г., и в

1982 гг. привлек внимание общественности к голодному бедствию. Толстой опубликовал в «Русских ведомостях» статью о продовольственной нужде населения Тульской губернии, постигнутого неурожаем. Затем последовали сообщения графа В.А. Бобринского и предводителя дворянства той же губернии г-на Ознобишина в «Новом времени». Целый ряд корреспонденции из многих уездов Центральной России был размещен в «Петербургских ведомостях», «Сыне Отечества», «Биржевых ведомостях». О положении населения Кавказа и Закавказья общественность узнавала из «Приазовского края» и «Кубанских губернских ведомостей» (Рогожина, 2019: 66).

Через газетные подписки собирались деньги для работы таких обществ. Во избежание мошеннических махинаций многие общества доверяли сбор помощи специальным сборщикам, которым выдавались соответствующие удостоверения. На такие должности выбирались преимущественно известные люди. Так, деньги для работы Комитета Самарского частного кружка помощи детям крестьян Самарской губернии, пострадавшим от неурожая 1898 г., собирались в Ялте Антоном Павловичем Чеховым, который являлся официальным сборщиком кружка (Отчет Самарского комитета..., 1900: 185–186).

Одним из «новичков» на голоде 1898 г. стал отряд Братьев милосердия, который весной 1899 г. прибыл в село Кошки Самарского уезда Самарской губернии в составе шести человек во главе с военным врачом А.Г. Недлером. Институт Братьев милосердия был основан княгиней Марией Августовной Лобановой-Ростовской в Санкт-Петербурге в 1897 г. Княгиня считала, что сестринское дело зачастую требует физической силы и к нему незачем привлекать мужчин. В институте работали бесплатные двухмесячные курсы для подготовки «помощников сестрам милосердия». Помимо профильных предметов по инициативе самой княгини на курсах был введен специальный факультатив, на котором мужчин учили терпеливо общаться с больными людьми (Недлер, 1899: 3).

Первый опыт работы Братя милосердия получили в 1898 г. в Херсонской губернии, которая вместе с Таврической губернией оказалась затронута неурожаем, как и Поволжье (Помощь пострадавшим..., 1900: 1). Херсонское земство разворачивало несколько врачебно-питательных пунктов, и княгиня Лобанова-Ростовская направила туда два отряда Братьев. Для них она написала инструкцию и основные принципы работы:

- фельдшерская помощь, выдача лекарств и врачебные советы – бесплатно;
- питание – за символическую плату и общественные работы.

Врачам отдельно предписывалось разговаривать с крестьянами без начальственного тона, так как опыт холерных эпидемий и голода ясно показывал, что крестьяне «закрываются», когда на них повышают голос, и не говорят о своих реальных проблемах (Недлер, 1899: 4).

Отряды Братьев базировались в волостных центрах, куда съезжались согнанные голодом крестьяне окрестных сел в поисках заработка. Благотворители оказали заметную и существенную помощь, что вызывало многочисленные хвалебные отзывы. Опыт был сочтен успешным.

Однако, при организации работы в Самарской губернии, Братья не учли существенную разницу в менталитете местных жителей: в Херсонской губернии они работали с чешскими, словацкими, немецкими колонистами и еврейским населением, а в селе Кошки и его окрестностях проживали русские и татары. При этом русско-татарское население села отличалось высокой самоорганизацией, требовательностью и склочностью. Так, крестьяне села неоднократно требовали у губернских и епархиальных властей передачи им земель немецких поселенцев-меннонитов. Когда же власти предлагали им занять свободные земли, кошкинцы наотрез отказывались, требуя непременно земли «немцев» (Кулянина, 2018: 105). Кроме того, татарское население крайне подозрительно относилось к гуманитарной помощи, поступавшей из центра. В начале 1890-х годов усилилась миссионерская деятельность Самарской православной епархии, и многие татары боялись, что в обмен на помощь от них могут потребовать крещения (Панкратов, 1913: 40). Отряд Братьев встретили в селе весьма настроенно.

Прибыв в село, Братья оборудовали столовую на центральной площади, где крестьяне ночевали семьями в ожидании найма. Они организовали при ней амбулаторию с маленьким лазаретом для тяжелых больных. Кормить сельчан предполагалось вареным мясом, черным хлебом и кружкой супа или щей. Чай предлагался без ограничений, обед не бесплатно, но по минимальной цене в пять копеек (Недлер, 1899: 5).

Братья сразу же столкнулись с непредвиденными трудностями. Так они узнали, что местные татары не едят мяса русской резки и русского приготовления. Кушать его они соглашались только бесплатно, за плату же – отказывались наотрез. Отряду пришлось нанимать печника, просить его выложить для татар еще одну печь с вмазанным котлом и кубом для готовки мяса, кипятка, и нанять за свой счет повара-татарина (Недлер, 1899: 6). Все это значительно повлияло на финансы экспедиции, но руководство решило пойти на такой шаг.

Затраты обернулись глубокой благодарностью татарского населения села, которое стало больше доверять Братьям. Татары беспрекословно слушались указаний, следили за территорией и мыли за собой посуду (Недлер, 1899: 6).

Русское население села хотя и не предъявляло особых требований к питанию, но доставляло Братьям немало хлопот. Так, русские крестьяне полагали, что раз они платят за обед, то они теперь «господа»: требовали, чтоб им подавали еду и чай (татары сами подходили к котлу), никогда не мыли и не убрали за собой посуду, считая, что раз «за все уплочено», то их должны обслуживать. Кроме того, они дотошно следили, чтоб их не обвесили, не обманули и не налили в кружку меньше соседа – в воздухе постоянно висела громкая ругань (Недлер, 1899: 7). Эта проблема так и не была решена – Братьям приходилось самим убирать и мыть посуду за крестьянами.

Другой проблемой неожиданно стал чай. Для кипятка было устроено два куба по сорок ведер каждый: один куб для русских, другой для татар. Мужчины-татары считали чаепитие досугом: они приходили и выпивали каждый по

20-30 кружек зараз. Им постоянно не хватало кипятку, а на кипячение куба в 40 ведер уходило много времени. Татарские же жены и дети тоже хотели чай, и для них постоянно зачерпывался кипяток из «русского» куба. Русские крестьяне возмущались, что татары постоянно пьют их «уплоченный чай», скандалили и устраивали потасовки с татарами. Проблема была решена новыми затратами – для татар был вмазан еще один куб для кипятка (Недлер, 1899: 8).

Руководителю экспедиции доктору Недлеру в непростом деле сильно помогли курсы по терпеливому обращению: несмотря на его военную специальность, весть о «простом вашбродии» разнеслась по селу. Крестьяне не хотели больше идти к «важным» земским врачам, а направлялись к Братьям. За один только месяц Недлер принял 2 442 больного (Недлер, 1899: 10).

В целом, отряд Братьев благополучно справился с поставленной княгиней Лобановой-Ростовской задачей. Его работа была не показной благотворительностью, а принесла реальную пользу, дала конкретный результат в деле снижения эпидемических заболеваний в уезде и обеспечения питанием голодающего населения. Опыт учитывался и обобщался на съездах благотворительных обществ.

К 1900-м годам в Российской империи сложилась система и правильное понимание оказания благотворительной помощи во время голода в части организации необходимого и регулярного питания, определения нуждаемости и потребностей населения, оказания сопутствующей врачебной помощи, улучшения гигиены и просвещения населения. Были отработаны правильные сметы по закупке необходимого, приемы сбора средств и отчетности, налажены пути взаимодействия с губернскими и земскими властями. К этому времени был накоплен огромный опыт по организации работы с самими голодающими. Отряд Братьев милосердия внес в него неоценимый вклад.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

Журнал для всех. 1903. № 5.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметова М.А. Реакция Гаяза Исхаки на голод в Поволжье // Гаяз Исхаки и национальное возрождение татар в начале XX века: материалы Международной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Г. Исхаки. Казань: ИЯЛИ, 2018. С. 48–54.

Батыршин Р.Р. Голод 1890-х гг. в казанской губернии (по материалам «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева) // Научный Татарстан. 2020. №. 1. С. 5–9.

Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Т. 1-2. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1909.

Кондрашин В.В., Корнилов Г.Е. История голода и эпидемий в России: историографическая ситуация // Уральский исторический вестник. 2021. № 1. С. 6–13.

Кулянина У.И. Факторы сохранения социокультурной идентичности меннонитов Волжского Левобережья (Александртальской волости Самарской губернии) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 1. С. 102–110.

Недлер А.Г. Извлечение из обзора деятельности отряда братьев милосердия во время неурожая 1899 года в Самарском уезде. Санкт-Петербург: тип. Я. Трей, ценз., 1899.

Низамова М.С. Казанское земство в конце XIX – начале XX вв.: Местное самоуправление и земское общественное движение. Казань: Изд-во Казанск. Ун-та, 2003.

Отчет Самарского комитета частного кружка помощи детям крестьян Самарской губернии, пострадавших от неурожая 1898 г. Самара: Губерн. Тип., 1900.

Панкратов А.С. Без хлеба. Очерки русского бедствия (голод 1898 и 1911–12 гг.). Москва: Издание Португалова, 1913.

Помощь пострадавшим от неурожая Самарской губернии. Москва: Изд. Васильевой О.Р., 1900.

Рогожина А.С. Благотворительная деятельность Императорского Вольного Экономического общества во время голода 1897–1898 гг. // *Studia internationalia: материалы VII Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»*, 27–28 июня 2019 г. Брянск, 2019. С. 65–71.

Рогожина А.С. Красный Крест в событиях голода на территории европейской России 1897–1898 годов // История: факты и символы. 2018. № 2 (15). С. 52–57.

Стефановский Ф.К. Материалы для изучения свойств «голодного» хлеба: Данные по исслед. образцов, собр. в 1891–92 г. в Волж.-Камском крае: Дис. на степ. д-ра мед. Ф.К. Стефановского / Из Гигиен. каб. Казан. ун-та. Казань: типо-лит. ун-та, 1893.

Якимов В. По следам голода. Из воспоминаний. Санкт-Петербург: Тип. Т-ва «Народная польза», 1903.

REFERENCES

Akhmetova M.A. (2018) Gayaz Iskhaki's reaction to the famine in the Volga region. In: *Gayaz Iskhaki and the national revival of the Tatars at the beginning of the 20th century: materials of the International conference dedicated to the 140th anniversary of the birth of G. Iskhaki*. Kazan: IYALI: 48–54. (In Russ.)

Batyrshin R.R. (2020) Famine of the 1890s in the Kazan province (based on the materials from the "Ethnographic Bureau" of knyaz V.N. Tenishev). *Nauchnyy Tatarstan* [Scientific Tatarstan]. No 1: 5–9. (In Russ.)

Ermolov A.S. (1909) *Our crop failures and the food issue*. Vol. 1–2. St. Petersburg: V. Kirshbaum Typography. (In Russ.)

Kondrashin V.V., Kornilov G.E. (2021) History of famine and epidemics in Russia: the historiographic situation. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical journal]. No. 1: 6–13. (In Russ.)

Kulyanina U.I. (2018) Factors in the preservation of the socio-cultural identity of the Menonites of the Volga left bank (Alexanderthal volost of the Samara province). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal]. No. 1: 102–110. (In Russ.)

Nedler A.G. (1899) *Extract from a review of the activities of the Brothers of Mercy detachment during the crop failure of 1899 in the Samara district*. St. Petersburg: Ya. Trey Typography, censorship. (In Russ.)

Nizamova M.S. (2003) *Kazan zemstvo in the late 19th – early 20th centuries: Local self-government and zemstvo public movement*. Kazan: Kazan University Publ. (In Russ.)

Report of the Samara Committee of the Private Circle for Assistance to Peasants' Children of the Samara province who suffered from the 1898 crop failure (1900). Samara: Gubernskaya Typography. (In Russ.)

Pankratov A.S. (1913) *Without bread. Essays on the Russian disaster (the famines of 1898 and 1911–12)*. Moscow: Portugalov Publ. (In Russ.)

Assistance to victims of the crop failure in the Samara province (1900). Moscow: O.R. Vasilyeva Publishing House. (In Russ.)

Rogozhina A.S. (2019) Charitable activities of the Imperial Free Economic Society during the famine of 1897–1898. In: *Studia internationalia: Proceedings of the VII International scientific conference “The Western region of Russia in International relations of the 10th–20th Centuries”*, June 27–28, 2019. Bryansk: 65–71. (In Russ.)

Rogozhina A.S. (2018) The Red Cross in the events of the famine in European Russia in 1897–1898. *Istoriya: fakty i simvol'y* [History: facts and symbols]. No. 2 (15): 52–57. (In Russ.)

Stefanovsky F.K. (1893) *Materials for studying the properties of “hunger” bread: Data on the study of samples collected in 1891–92 in the Volga-Kama region: Diss. for the degree of Dr. of Medicine F.K. Stefanovsky*. From the Hygiene Cabinet of Kazan University. Kazan: University Typo-lit. (In Russ.)

Yakimov V. (1903) *In the footsteps of famine. From memories*. St. Petersburg: Narodnaya Polza Typ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Циденков Григорий Геннадиевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры Отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета (443099, ул. Максима Горького, 65/67, Самара, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-8721-1446>; e-mail: gcidenkov@yandex.ru

About the author: Grigoriy G. Tsidenkov, Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor of the Department of Russian History and Archeology, Samara State University of Social Sciences and Education (65/67 Maxim Gorkiy St., Samara 443099, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-8721-1446>; e-mail: gcidenkov@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 6.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised 3.04.2025

Принята к публикации / Accepted 5.05.2025

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

INTELLECTUAL DISCOURSE

Краткое сообщение / Brief message
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.292-301>

EDN: KULXNJ

Восприятие деятельности и образа Исмаила Гаспринского татарской интеллигенцией начала XX века

Э.К. Салахова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
ilsalah@mail.ru*

Резюме. Деятельность Исмаила Гаспринского с его идеями и практическими шагами (издание газеты «Тарджеман», начало реорганизации мусульманской школьной системы) по реформированию системы образования стало совершенно новым явлением в тюрко-татарском сообществе. Общественная реакция на его планы масштабных преобразований была неоднозначной. В первое время татарская интеллигенция отнеслась к ним с большой настороженностью. Однако, положительные результаты, которые демонстрировали шакирды новометодных медресе и мектебе, постепенно изменили отношение к новой методике, и все больше сторонников стало задумываться о внедрении нового подхода к обучению детей. Мугаллимы татарских медресе, имевшие большой опыт обучения детей по традиционной методике, начали присматриваться к новому образовательному подходу *ысулы саутия*. Переход на новый звуковой метод обучения в татарском обществе произошел довольно быстро и безболезненно, польза была очевидна даже для сомневавшихся. Однако отдельные идеи Гаспринского, например, об общетюркском языке, не нашли поддержки и одобрения в татарском обществе. Цель публикации – раскрыть восприятие татарской интеллигенцией начала XX в. практической деятельности, идей и планов И. Гаспринского. Источниками для исследования стали материалы татарской периодической печати начала XX в., отдельные статьи и воспоминания двух представителей татарской интеллигенции Р. Фахретдина и Г. Исхаки. Использованные материалы написаны на старотатарском языке в арабской графике. Поэтому они недоступны широкому кругу читателей. Данное исследование расширяет возможности для воссоздания интеллектуальных дискуссий в тюрко-татарском обществе начала XX в., связанных с личностью И. Гаспринского.

Ключевые слова: Исмаил Гаспринский, татарская интеллигенция, «Тарджеман», «Идел», «Вақыт», школьная реформа.

Для цитирования: Салахова Э.К. Восприятие деятельности и образа Исмаила Гаспринского татарской интеллигенцией начала XX века. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 2. С. 292–301. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.292-301> EDN: KULXNJ

Perception of the activities and image of Ismail Gasprinsky by the Tatar intelligentsia of the early 20th century

E.K. Salakhova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

ilsalah@mail.ru

Abstract. The activities of Ismail Gasprinsky including his ideas and practical steps (publication of the *Tarjuman* newspaper, the beginning of the Muslim school system reorganization) aimed at reforming the education system was a completely new phenomenon in the Turkic-Tatar community. The public reaction to his plans for large-scale reforms was mixed. At first, society treated them with great caution. However, the positive results demonstrated by the shakirds of the new method madrassas and mektebes gradually changed the attitude of society towards the new method and more and more supporters began to think about introducing a new approach to teaching children. The mugallims of Tatar madrassas, who had extensive experience in teaching children using traditional methods, began to look closely at the new educational approach of Ysuly Sautiya. The transition to a new sound method of teaching in Tatar society happened quite quickly and painlessly, the benefits were obvious even to those who doubted it. However, some of Gasprinsky's ideas, for example, about the common Turkic language, did not find support and approval in Tatar society. The purpose of the publication is to reveal the perception by the Tatar intelligentsia of I. Gasprinsky's practical activities, ideas and plans at the beginning of the 20th century. The sources for the study were materials from the Tatar periodical press of the early 20th century, individual articles and memoirs of two representatives of the Tatar intelligentsia R. Fakhрутдин and G. Iskhaki. The used materials are written in the Old Tatar language in Arabic script. Therefore, they are inaccessible to a wide range of readers. This study expands the possibilities for reconstructing intellectual discussions in the Turkic-Tatar society of the early 20th century related to the personality of I. Gasprinsky.

Keywords: Ismail Gasprinsky, Tatar intelligentsia, “Tarjuman”, “Vakyt”, “Idel”, school reform.

For citation: Salakhova E.K. (2025) Perception of the activities and image of Ismail Gasprinsky by the Tatar intelligentsia of the early 20th century. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 2: 292–301. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.292-301> (In Russ.)

Исмаил Гаспринский – уникальный феномен тюрко-мусульманского общества Российской империи. Достижение образованности и развитости тюркского народа Исмаил бей видел путем сплочения действий и кропотливого труда. Его лозунг «Телдә, фикердә, эштә берлек» («Единство языка, мысли и действий» – перевод авт.) стал напутствием для тюрков начала XX в. Глобальное мышление Гаспринского о тюркском обществе было поддержано предста-

вителями тюркско-мусульманской интеллигенции всей Российской империи. Воплощение его идей в жизнь они видели, в первую очередь, через реформирование образования и в создании печатного издания, через которое мысли тюркской интеллигенции могли бы дойти до каждого члена общества (Гаспринский, 2006). Исмаил Гаспринский, как это было принято у тюрко-мусульманского народов, перед началом большого дела встречался с уважаемыми людьми, которые в течении многих лет трудились во благо нации. Так, прибыв в Казань, он беседует с просветителем Шигабутдином Марджани, выслушивает его советы и напутствия, изучает местный опыт реформирования школьного образования. В Казани в это время уже были некоторые задатки будущих изменений в части усовершенствования работы мектебе и медресе. Например, реализовывался проект Хусаина Фаизханова о школьном образовании, который он разрабатывал совместно с Ш. Марджани. И. Гаспринский со словами поддержки, напутствий Ш. Марджани и обещанной помощи от местных татарских предпринимателей возвращается в Крым еще с бóльшим желанием заниматься вопросами развития тюрко-татарской нации.

В деле воплощения новых идей первым серьезным шагом стала новометодная школа. Начиная свою работу в 1883 г. в Бахчисарае школа И. Гаспринского дала старт открытию учебных заведений в разных регионах страны. В основу их деятельности был положен метод обучения *ысулы саутия*. Татары Волго-Уральского региона одним из первых поддержали реформаторское движение в школьном образовании, ускоренными темпами стали открывать новометодные медресе. Некоторые знаменитые традиционные учебные заведения стали пересматривать тактику работы, которая в то время переставала быть конкуретоспособной, отвечающей требованиям современного мира. Не только в таких образовательных и культурных центрах, как Казань, Уфа, Астрахань, Оренбург, но и в медресе обычных татарских селений начали внимательно относиться к новому методу, использование которого показывало хорошие результаты. Медресе с обучающей программой не только по религиозным, но и светским наукам, обучение по звуковому методу все больше привлекали татарскую молодежь. Для татар в период капиталистических отношений это было особенно актуальным.

Имам, ахунд Гильман хазрат, отец издателя и журналиста Фатиха Карими, писал: «Для таких, как мы, он [«Тарджеман»] стал окном в мир» (Карими, 2000: 114). На примере деятельности Гильман хазрата покажем, как воспринимались реформаторские идеи Гаспринского в обычных сельских медресе Волго-Уральского региона. Хазрат, будучи воспитанником кадимистского метода обучения, взял на вооружение идеи И. Гаспринского. На это его подтолкнула неэффективность обучения детей по старой методике, с которой он сам ежедневно сталкивался. Поначалу, читая газету «Тарджеман», Гильман хазрат полемизировал с крымско-татарским просветителем, не соглашался с его призывами. Особенно его удивили слова Гаспринского о необходимости изучения русского языка, который предлагалось использовать как инструмент-проводник

в мир западной культуры. Гильман хазрат считал, что эти знания могут противоречить требованиям шариата и религиозным воззрениям мусульманина. Он и И. Гаспринский долгое время вели переписку друг с другом. В конце концов бугульминский ахун решает съездить в Крым и лично пообщаться с Исмаил-беем. Итогом личных бесед стало то, что Карими признал правоту Гаспринского и стал одним из активных проводников новых принципов обучения в татарских школах Бугульминского уезда, где в качестве ахуна он курировал 136 селений (Карими, 2000: 18–19). Способных шакирдов он направлял учиться в Крым в медресе «Зынжырлы». Так, в 1895 г. И. Гаспринский благодарит его за Нуретдин шакирда, про которого Исмагил бей писал, что этот молодой человек станет гордостью мусульман Самарской губернии (Карими, 2000: 42).

Гильман хазрат в своих воспоминаниях писал:

В ходе беседы выяснилось, что цели-то у нас одинаковые – счастье, благополучие всей нации, просвещение, просветление ее. Однако мои представления о путях достижения прогресса отличались чрезвычайной узостью, консервативностью. Весьма сожалея о потерянных возможностях, упущенном времени, которое можно было использовать для продвижения в нужном направлении, я, тем не менее, укрепившись в своих намерениях, вернулся домой просветленным (Карими, 2000: 42).

Некоторые известные педагоги, видные представители татарской интеллигенции с осторожностью относились к новым идеям, особенно об общетюркском языке. Скорее всего недовольство вызывало его смысл, т.е. то, что язык должен быть «всем понятным», «чистым», «тонким», «не уличным», «не языком мужицким и непросвещенных людей». Книжный язык волжских татар из-за изобилия в нем арабских и персидских заимствований зачастую был непонятен простым людям. Такова была особенность книжной культуры того времени. Ощущалась большая потребность в упрощении языка, необходимо было расширять читательскую аудиторию печатной продукции. В 1905 г. на страницах петербургской татарской газеты «Нур» публикуется ряд статей, авторы которых подчеркивали необходимость соблюдения чистоты татарского языка, т.е. настаивали на отказе от использования большого числа заимствований из арабского и персидского языков. В публикациях была высказана мысль о том, что предложенный общетюркский язык может привести к потере языковых особенностей представителей тюркских народов разных регионов. Педагог и известный татарский историк начала XX века Г. Ахмаров в своей статье «Спор о литературном языке татар» объясняет, почему предложенный И. Гаспринским язык не может стать литературным языком для татар Волго-Уральского региона.

Литературным языком называется тот язык, на котором народ пишет. Мы же пишем, и писали наши предки, не на крымско-татарском наречии, а всегда на своем родном. Мо-

гильные памятники наших предков стоят уже по 700 лет; сколько в последнем столетии издавалось и издается в Казани мусульманских книг – все это на местном наречии. Ученые наши, например, Каюм Насыров, у которого около сорока различных изданий, знаменитый Марджани, Баруди и другие писали и пишут тоже на местном наречии. Хотя Гаспринский среди российских мусульман считается человеком авторитетным мусульманином, националистом, но его идея о едином языке неосуществима и, как фантазия, невероятная (Ахмаров, 2011: 271–274).

Авторитет газеты «Тарджеман» среди татар Волго-Уральского региона был очень высок. Несмотря на сложный язык публикаций в ней для обывателей из числа татар, каждый ожидавший изменений, преобразований, считал обязательным чтение газеты. Представители татарской интеллигенции, шакирды, которые прошли обучение в медресе, легко понимали язык газеты, некоторые читали ее перевод на русский язык. Позже И. Гаспринский, учитывая, что основные подписчики его газеты – это волго-уральские татары, начинает активнее употреблять понятные им слова.

Отношение татарской интеллигенции к личности И. Гаспринского и его деятельности отражено в публикациях, особенно в юбилейные годы газеты «Тарджеман» (Муртазина, 2018). Юбилей общетюркской газеты воспринимались важным событием в жизни тюрко-татарского мира, они становились своего рода съездом интеллигенции, на которых вспоминали героев, читали молитвы за упокоевание их душ, строили планы на будущее, обсуждали острые вопросы.

Шакирды, обучавшиеся по методу обучения *ысулы саутия*, видели его перспективность, понимали, что будущее должно строиться на джадистском образовании. Они высоко отзывались о своем наставнике И. Гаспринском, о его деятельности по реформированию школы. Мусульманская молодежь Казани в преддверии 20-летнего юбилея «Тарджеман» писала:

Излишне перечислять здесь все сделанное Вами, так как такие капитальные труды, как популяризация звукового метода, русской грамоты, благотворительных общества и прочие известны всем, нельзя также не поблагодарить Вас и за Ваше внимание к молодежи, стремящейся к свету, сохты (ученики) астраханского медресе, где преподавал ученик Ш. Марджани А. Умеров в своей телеграмме писали: «Сердечно поздравляем Вас с двадцатилетием плодотворной деятельности на пользу родного народа в целях его просвещения и сближения с великой русской народностью на пользу государства». Ахунд Мансур хазрат из г. Осы Пермской губернии на своем примере показал, что новый метод обучения, внедренный И. Гаспринским, дает свои достойные плоды, в поздравитель-

ной телеграмме он писал: «Уже восемь лет пользуюсь Вашим методом; обучил грамоте 600 душ, 200 обучаются и сегодня молятся за Вас (Исмаил, 1903: 75).

Народное признание начинаний И. Гаспринского, народная любовь к его делу, личности отражает содержание телеграфных поздравительных сообщений, полученных из разных уголков мира. В 20-летний юбилей газеты «Тарджеман» было получено более 300 телеграмм. Исмаил бей писал: «Все триста с лишним приветствий, полученных мной, делают меня тем более радостным и признательным, что ни в одной из них не звучат какая-либо неуместная нотка, ни в одной из них нет намека на какую-либо тенденцию, не согласную с духом времени и предначертаниями истории» (Исмаил, 1903: 75). И. Гаспринский с благодарностью за сотрудничество и проявленный интерес к его начинаниям особо отмечает как видных представителей тюрко-мусульманского мира, так и рядовых учителей, просветителей, которые своим трудом вносили вклад в воплощение его идей. Из татар Волго-Уральского региона он отметил просветителя, религиозного деятеля и ученого Риззэтдина Фахретдина, а также Сабита Аюпова, Рабигу Салихову (Оренбург), Ильясова, Хакимова (Альметьево), Исхака Казакова, Халиуллу Джалилева, Мухамедхариса Файзуллина, А. Умерова (Астрахань), учеников и учителя Иргезимского мектебе Саратовской губернии, учителя русско-мусульманских школ Вятской губернии (Благодарность, 1903: 63). Ахмед Гади Максудов, высоко оценив деятельность И. Гаспринского, посвятил ему сочинение «Регулятор мысли».

И. Гаспринский, не ограничиваясь выдвижением идей о преобразованиях, показывал пути их реализации. На эту проблему он смотрел глобально: «Наше время – время соединения огромных капиталов и великих народов для взаимопомощи. В жизни экономической, и в жизни политической – единение, общность становятся историческим законом» (Исмаил, 1903: 75). Его призыв к объединению нации, вне зависимости от материального благосостояния и социального статуса вокруг общей цели, поддерживали крупные предприниматели тюрко-татарского общества. Примером стала поддержка татарских предпринимателей-просветителей золотопромышленников Рамеевых. Они к 20-летию газеты «Тарджеман» преподнесли роскошный подарок: букет из ценных камней Урала, сделанный из 82 самородков. Саратовские фабриканты Дебердеевы прислали сукно для учителей ново-методных мектебе Бахчисарая. Татарские крупные предприниматели Хусаиновы из Оренбурга были партнерами И. Гаспринского в просветительских делах и финансово поддерживали многие мероприятия, направленные на развитие культуры и образования. Лидер джадидского движения И. Гаспринский добивался сплочения интеллектуальной и предпринимательской части тюрко-татарского общества вокруг общих идей. Ярким примером воплощения его интересов стали молитвы, произнесенные в дни празднования 20-летнего юбилея газеты «Тарджеман» видными представителями нации – известными педагогами и предпринимателями Абдулкаюмом Насыровым (Казань), Сафарали бек Велибековым (Шуша), хаджи

Нигматуллой Сейдуковым (Тюмень), Гаджи Зейнал-Абедином Тагиевым, татарскими благотворителями Абдулганей и Ахмедом Хусаиновыми (Оренбург).

25-летний юбилей газеты «Тарджеман» татары Волго-Уральского региона встретили созданными по ее примеру собственными газетами. Известно, что попытки татарской интеллигенции по изданию собственных газет, переписка с властями Российской империи началась в 80-х годах XIX века (Гайнанов, 2000: 11). До начала XX столетия она оставалась мечтой.

На страницах татарской периодической печати по случаю 20-летнего юбилея газеты «Тарджеман», помимо многочисленных поздравлений, были опубликованы статьи, в которых ставились конкретные задачи дальнейшего развития идей И. Гаспринского (Хади, 1908: 2). Автор передовицы в газете «Йолдыз» (возможно, это был Ахмед Гади Максудов) высказал мнение о том, что предпочтительнее было бы, если бы редакция газеты переехала в центр России – в Петербург. В газете «Идел», издававшейся в Астрахани, автор статьи – издатель газеты, религиозный деятель, ученик Ш. Марджани А. Умеров, призвал к очень серьезному подходу к празднованию 25-летнего юбилея «Тарджеман». По его мнению, важно было подойти к нему с реальными делами. Для этого в каждом регионе – в Казани, Оренбурге, Уфе, Астрахани, Самарканде – он предлагал создать центры подготовки к юбилею, которые в последующем станут центрами культуры и образования. По статьям газеты «Вакыт» можно убедиться в большой подготовке к юбилею газеты «Тарджеман» в Оренбурге.

В 1908 г. татары Волго-Уральского региона вышли с инициативой о создании высшего учебного заведения *дарелмугаллимат* имени И. Гаспринского. Ее выдвинула татарская молодежь Казани и Астрахани (Исмаил, 1908: 75). Возможными городами расположения *дарелмугаллимата* были названы Уфа и Казань. Рассматривался вариант открытия при Казанской учительской школе. Поднимался вопрос о создании стипендиального фонда имени И. Гаспринского для учащейся молодежи. Сбор средств планировалось организовать через татарские газеты в виде взносов и благотворительных денег (Тарджеманнын байраме, 1908: 1).

Кем был И. Гаспринский для татарской интеллигенции, как его воспринимали и какую оценку давали его деятельности – все это ярко отразилось в многочисленных публикациях периодической печати в сентябре 1914 г., в год его смерти. В это время во всех татарских газетах появляются публикации, в которых их авторы выражают обеспокоенностью за здоровье Гаспринского. Смерть «духовного отца» потрясла татарскую общественность, публикации с соболезнованиями выходят до конца 1914 г. Уход И. Гаспринского стал большой утратой для народа, татарская интеллигенция восприняла это трагическое событие как потерю наставника, который многие годы являлся для них вдохновителем и опорой. После кончины И. Гаспринского с большой статьей в двух номерах журнала «Шура» выступил видный религиозный деятель и ученый Риззатдин Фахретдин. В ней он представил подробную информацию о жизни и деятельности И. Гаспринского. Р.Фахретдин приводит не только биографические све-

дения, но и показывает выдающуюся роль Гаспринского для тюркского сообщества (Р.Ф. [Ризаэтдин Фахретдин] 1914: 641–643).

Г. Исхаки в 1933 г. в предверии 50-летнего юбилея газеты «Тарджеман» выражает сожаление о том, что тюркский мир не смог стать консолидированным сообществом, о котором мечтал И. Гаспринский, тюркский мир не смог реализовать его планы, разработкой которых он занимался всю жизнь. Слова Г. Исхаки звучат довольно пессимистично:

Тәржеман»ның 50 ел элек «Телдә, фикердә, вә эштә берлек» шигаре бүген дә әле таркау төрек дөнъясына жирләшеп бетмәгәнәнә шаһид булдык. Бу шигарьнең киң халык эшкә ярарлык мәүжүдиять тудыра алмавын күреп, шул мөнәсәбәт берлә бәйрәм жиренә матәм хисе берлә ашланьрга мәжбүр булдык. Бу булдыксызлыгымыздан бөөк бабабызның рухы алдында оялып, шул газиз көндә кабере алдында тез чүгеп, инде аның үлемен, аның жөназасын күз алдымызгы ките-рергә вә хәтерләремезне яңартырга телимез (Исхаки, 1933: 2–4). / Мы стали свидетелями нерализованного лозунга «Тарджеман» «Единство языка, мысли и действий», выдвинутого им 50 лет назад, нашего разрозненного по сей день тюркского народа. Признавая, что призыв не охватил широкой массы народа, теперь же мы вынуждены довольствоваться трауром вместо ожидаемого чувства праздника, ощущая свою беспечность перед памятью нашего великого Учителя в этот важный день. Склонившись у его могилы, вновь хотим возобновить в памяти день его смерти и похороны (перевод авт.).

Г. Исхаки считает, что тюрко-татарское общество не заслужило праздник, оно может довольствоваться лишь скорбью из-за недостаточного усердия в продолжении дела И. Гаспринского. Свою публикацию Исхаки заканчивает мольбой о прощении грехов перед памятью Исмаила бея: «Бөөк ошазның газиз рухы безнең гөнаһымызны кичсен!» (Исхаки, 1933: 2–4) / «Да протит наши прегрешения благословенная душа нашего великого наставника» (перевод авт.).

По признанию Г. Исхаки, достижения в преобразовании общества были в первую очередь получены благодаря И. Гаспринскому и авторитетной газете «Тарджеман». Газета по счету стало третьим периодическим изданием на тюркском языке, но именно «Тарджеман» побудил к совершению конкретных дел в развитии нации.

Тәржеман» газетасы сабикъ Русиядә төрек телендә чыгарылган гәзитәнең өченчесе булса да, үзенә күтәргән төрек берлек байрагы берлә, бу үзенә сабикъ Русия төрекләренә уянуында уйнаган роле берлә, Русия төрек матбугатының бөөк атасы булмыштыр вә соңгы илле ел эчендә эшләнгән бөтен мәдәни эшләремез, киң төрек иленә кай почмагында гына

булмасын, «Тәржеманның рәһбәрлеге илә башланмыш вә «Тәржеман»ның мәгънәви ярдәме берлә үсмеш, өлгөрмеш, пешмештер (Исхаки, 1933: 2). / «Тарджеман» со своим лозунгом тюркского единения, ролью в пробуждении тюркских народов в России стал отцом российской тюркской печати. Все наши достижения в области культуры за последние 50 лет, вне зависимости от географического нахождения широкого тюркского мира, – все они начинались, развивались и созрели благодаря идейной поддержке газеты «Тарджеман»» (перевод авт.).

Исмагил Гаспринский для татарского общества был идейным лидером, вдохновителем новых свершений. Качественные изменения в сфере просвещения и культурном развитии тюрко-татарского общества стали возможными благодаря И. Гаспринскому и его многочисленным соратникам из разных уголков Российской империи. Газета «Тарджеман» смогла объединить разные слои общества вокруг общей цели. Татарская интеллигенция заслуженно считала И. Гаспринского «отцом нации». Г. Исхаки в своей публикации писал: «Исмәгыйль бәк безнең барымыз өчен уртақ бер бабадыр» (Исхаки, 1933: 2–4) / («Исмагил бек – наш общий отец» – перевод авт.).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

Исмәгыйль бәк Гаспринскийның хезмәт миллиясе 25 еллык юбилее // Идел. 1908. 15 апрель. Б.1–2.

Исхакий Гаяз. «Тәржеман»ның илле еллыгы // Яңа милли юл. 1933. № 4. Б. 2–4.

Р. Ф. [Ризәтдин Фахретдин]. Исмәгыйль бәк Гаспринский 1851-1914 // Шура. 1914. № 21. Б. 641–643.

«Тәржеман»ның бәйрәме // Йолдыз. 1908. 14 апрель. С.1.

Мөһир Һади. Тәржеман вә Гаспринский // Йолдыз. 1908. 14 апрель. Б.2.

Благодарность // Переводчик. 1903. 3 мая. С.63.

Исмаил. О чем говорит народ? // Переводчик. 1903. 18 мая. С.75.

ЛИТЕРАТУРА

Муртазина Л. «Первый ученый среди наших российских мусульман» (газета «Вакыт» об Исмаиле Гаспринском // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2. С. 52–59.

Гайнанов Р.Р., Марданов Р.Ф., Шәкүров Ф.Н. XX йөз башы татар вакытлы матбугаты: Библиографик күрсәткеч=Татарская периодическая печать начала XX века: Библиографический указатель. Казан: Милли китап, 2000.

Гайнетдин Әхмәров: тарихи-документаль җыентык. Казан: Жыен, 2011.

Гаспринский Исмәгыйль: тарихи-документаль җыентык / Төз. С. Рәхимов. Казан: Жыен, 2006.

Фатыйх Кәрими: Фәнни-биографик җыентык. Казан: Рухият, 2000.

REFERENCES

Fatikh Kärimi: scientific and biographic collection (2006). Kazan: Rukhiyat Publ. (In Tat.)

Hainutdin Akhmarov: historical and documentary collection (2001). Kazan: Jyen Publ. (In Tat.)

Gaspinskiy Ismail: historical and documentary collection (2006). Kazan: Jyen Publ. (In Tat.)

Gaynanov R.R., Mardanov R.F., Shakurov F.N. (2000) *Tatar periodical press of the early 20th century: Bibliographic index*. Kazan: Milli Kitap Publ. (In Tat.)

Mortazina L. (2018) “The first scholar among our Russian Muslims” (the newspaper “Vakyt” about Ismail Gasprinsky). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean historical review]. No 2: 52–59. (In Russ.)

Сведения об авторе: Салахова Эльмира Кадимовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-6513-2915>; e-mail: ilsalah@mail.ru

About the author: Elmira K. Salakhova, Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow at the Department of New History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420014, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-6513-2915>; e-mail: ilsalah@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 13.01.2024

Доработана после рецензирования / Revised 22.03.2025

Принята к публикации / Accepted 15.04.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.302-313>

EDN: PLONJE

Гаяз Исхаки о тюрьме Чистополя

М.А. Ахметова

Казанский научный центр Российской академии наук

Казань, Российская Федерация

ama201289@yandex.ru

Резюме. В 1907 г. в 203-ем номере газеты «*Казан мөхбире*» («Казанский вестник») был опубликован незавершенный очерк «Тюрьма» анонимного автора. Эта публикация впервые становится объектом научного изучения. Задача исследования состоит в установлении авторства путем сопоставления очерка с другими произведениями той поры на тюремную тему. Последовательный анализ повести «Зиндан», написанной Гаязом Исхаки в начале 1907 г. во время заключения в тюрьме города Чистополя, его автобиографии и очерка «Тюрьма» подтверждает несомненную связь между произведениями. На основе совокупности таких методов, как историко-культурный, биографический, комментированное чтение, автором статьи прослеживается эволюция взглядов Гаяза Исхаки на пенитенциарные заведения. Авторство очерка «Тюрьма» устанавливается путем обращения к автобиографии Г. Исхаки, его повести-дневнику «Зиндан» и через учет тематических и временных рамок произведений, особенностей исторической эпохи начала XX в. В статье обращается внимание на особенности бытования заключенных (в том числе и политзаключенных) в тюрьме Чистополя, которые в разные эпохи отличались разительно. В годы первой русской революции 1905–1907 гг., во время пребывания в заключении Гаяза Исхаки узники легко общались друг с другом, ходили в гости в соседние камеры, заказывали еду, а надзиратели участвовали с ними в чаепитиях. Тюрьма в описаниях Исхаки чем-то напоминала студенческое общежитие. Сокамерниками Исхаки были известные чистопольцы той поры – будущий депутат Государственной Думы, купец и общественный деятель Гариф Бадамшин, а также популярный у горожан мулла Наджиб Амирханов – дядя классика татарской литературы Фатыха Амирхана.

Ключевые слова: Гаяз Исхаки, Чистополь, тюрьма, повесть «Зиндан», очерк «Тюрьма», Наджиб Амирханов, Гариф Бадамшин.

Для цитирования: Ахметова М.А. Гаяз Исхаки о тюрьме Чистополя. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 2. С. 302–313. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.302-313> EDN: PLONJE

Gayaz Iskhaki about Chistopol prison

M.A. Akhmetova

Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

ama201289@yandex.ru

Abstract. In 1907, in issue 203 of the *Kazan Mokhbire* (Kazan Herald) newspaper, an unfinished essay entitled “Prison” by an anonymous author was published. The given publication has become an object of academic research for the first time. The objective of the study was to establish the authorship by comparing the essay with other works of that time on the topic of prison. A consistent analysis of the diary short novel “Zindan”, written by Gayaz Iskhaki in early 1907 during his imprisonment in the city of Chistopol, his autobiography and the essay “Prison” confirms the undeniable connection between the written works. Based on a combination of such methods as historical and cultural, biographical method, and commented reading, the author traces the evolution of Gayaz Iskhaki’s views on penitentiary institutions. The authorship of the essay “Prison” is established by referring to the autobiography of G. Iskhaki, his diary short novel “Zindan” and by taking into account the thematic and time frames of the written works, the features of the historical era of the early twentieth century. The article draws attention to the peculiarities of prisoners’ life (including political prisoners) in the Chistopol prison, which differed strikingly in different eras. During the years of the first Russian revolution of 1905–1907, during the imprisonment of Gayaz Iskhaki, prisoners easily communicated with each other, visited neighboring cells, ordered food, and the guards participated in tea parties with them. The prison in Iskhaki’s descriptions was somewhat reminiscent of a student dormitory. Iskhaki’s cellmates were well-known Chistopol residents of that time – the future State Duma deputy, merchant and public figure Garif Badamshin, as well as Mullah Najib Amirkhanov, popular among the townspeople, the uncle of Fatykh Amirkhan – the Tatar literature classic.

Keywords: Gayaz Iskhaki, Chistopol, prison, the “Zindan” story, the “Prison” essay, Najib Amirkhanov, Garif Badamshin.

For citation: Akhmetova M.A. (2025) Gayaz Iskhaki about Chistopol prison. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 2: 302–313. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.302-313> (In Russ.)

Объектом исследовательского внимания является статья «Тюрьма (Эволюция моего видения)» неизвестного автора, опубликованная 12 января 1907 г. в номере 203 общественно-политической и литературной газеты «*Казан мөхбире*» («Казанский вестник»). Интерес вызван не только целью выяснения авторства, но и тем, что очерк все еще остается вне исследовательского интереса литературоведов. Такие специалисты ограничиваются включением информации о Гаяза Исхаки лишь в библиографию его произведений. Значительный вклад в публикацию документальных материалов по духовному наследию Г.Исхаки внес театровед Х.К. Махмутов (1933–1996). Он первым указал на авторство статьи «Тюрьма». По мнению Х.К. Махмутова, работа была опубликована, когда Г.Исхаки сидел в Чистопольской тюрьме. Она повествует об его многочис-

ленных арестах во время выборов в Государственную Думу Российской империи II созыва, об осознании автором, что в местах заключения содержится много необоснованно обвиненных и оклеветанных людей, в понимании им особенностей тюремного быта уже в молодые годы (Мәхмүтов, 1997: 154). В книгах М.Сахапова (1957–2020) (Сахапов, 2003; Сахапов, 2004) статья также включена в список произведений Г.Исхаки. В научно-популярном издании «Гаяз Исхаки» из серии «*Шәхесләребез*» (Исхакий, 2011) приведен подробный, составленный А.Загидуллиным, список его трудов. В нем упоминается изучаемая газетная публикация. Наша задача заключается во введении малоизученных произведений Гаяза Исхаки в историко-культурный ландшафт эпохи для расширения понимания своеобразного колорита творчества самобытного татарского писателя.

*О тюрьмах дореволюционного и советского времени
для политических заключенных*

Системы содержания политических заключенных в царских и советских тюрьмах отличались кардинально. Например, известный русский философ Н.А. Бердяев, основываясь на личном опыте, пришел к выводу о том, что тюремный режим был настолько легкий, что мне удавалось проникать в верхний коридор того же корпуса тюрьмы, где сидели дамы, мои хорошие знакомые. Во время прогулки все собирались вместе в тюремном дворе и устраивались настоящие собрания, на которых я обыкновенно бывал председателем <...> тюрьма в старом режиме была более патриархальным и мягким учреждением, чем усовершенствованная тюрьма в советском режиме <...> В старом режиме стража тюрьмы состояла из довольно добродушных русских солдат, которые видели в заключенных не «врагов народа», а врагов правительства, начальник тюрьмы управлял патриархально, если не был особенным зверем, что, конечно, случалось. В режиме советском, революционном стража тюрьмы видела в заключенных «врагов народа» и революции, и управление тюрьмы было отнюдь не патриархальным, оно отражало диктатуру и террор (Бердяев, 1991: 107, 105).

Говоря о дореволюционных тюрьмах, важно учитывать их местонахождение и состав насельников: уездные царские тюрьмы проигрывали губернским. Тюрьма в Чистополе была известна тем, что она «одновременно <...> являлась пересыльной для арестантов, следующих этапами в Оренбург и на Урал. Так что слышал Чистополь кандалный звон на протяжении веков: каторжный путь в Сибирь шел именно через Чистополь» (Карташова, 2004: 325). Тюрьма в городе советского периода была одной из самых строгих тюрем страны (таковых в СССР насчитывалось всего семь) (Чистополь, 2009: 72). В советское время она была «известной во всем мире» (Чистополь, 2009: 72).

С 1905 по 1912 гг. в период революционного брожения в Российской империи в тюрьмах оказалось рекордное количество политических заключенных. Именно во время первой русской революции произошло увеличение числа арестантов: в 1905 г. среднее ежедневное число тюремных сидельцев в России определялось в 85 000 человек, 1906 г. – 111 000, 1907 г. – 138 000, 1908 г. –

170 000 (Мякотин, 1909: 81). В тоже время в обществе, как отмечает С.В. Шебалков, было сочувственное отношение к политическим заключенным. Они составляли особую категорию тюремного населения и среди них «традиционно высоким был процент лиц привилегированных, и это предопределяло особенности режима их содержания» (Шебалков, 2014: 117).

Первейшая задача тюремного режима – это изоляция человека от внешнего мира, от общения с близкими людьми, единомышленниками. Правящий режим старался не допустить проникновения в камеры периодических изданий. Однако «печатное периодическое слово оказалось в силах пробить даже толщу тюремной стены». До революции оно проникало туда, например, «в форме, не возбуждавшей у тюремной администрации особых возражений и сомнений – в виде ежемесячника со статьями духовно-нравственного характера» (Гернет, 1930: 175). Довольно распространенной была доставка газет и журналов надзирателями за вполне скромное вознаграждение. В 1900-е годы чистопольская тюрьма, по описанию Г. Исхаки, напоминала «школьный пансион или студенческие номера в гостинице» (Исхаки, 2024: 128).

Особенность режима содержания политических заключенных в дореволюционных тюрьмах отразилась в норме обращения к ним на «вы», ограничение или запрещение физического труда с целью недопущения влияния на других арестантов, политическим заключенным из привилегированных сословий разрешалось питаться не из общего арестантского котла, а за свой счет и в виде исключения «политикам» было разрешено заниматься за решеткой умственным трудом, хотя и в ограниченных масштабах (Гернет, 1952: 30).

Говоря о тюремном быте до революции 1917 г., нельзя обойти вниманием «Записки из мертвого дома» (1860–1862) Ф.М. Достоевского, который четыре года провел в Омском остроге и отразил свои впечатления в знаменитом романе. Здесь подробно описываются быт и нравы заключённых, взаимоотношения между каторжанами. Достоевский пишет о том, к каким видам физического труда привлекались заключенные, чем зарабатывали свой хлеб. Их мечты, развлечения, отношение к заключённым других национальностей, сословий и верований, все это стало предметом изучения для знаменитого автора-каторжника.

Если сравнить тюрьму дореволюционную, где заключенные могли почти свободно выходить из своих камер, заходить на чай-разговор к соседям, через надзирателей заказывать себе еду из города, получать газеты, передачи от родственников, а в религиозные праздники – от горожан в неограниченном количестве, то в советских местах заключения о таких вольностях можно было только мечтать. В октябре в 1978 г. в Чистополь перевели политических заключенных из Владимирского центра и до конца 1990 г. это была тюрьма строгого режима, в которой за малейшую провинность можно было попасть в карцер, на хлеб и воду.

Общая характеристика произведений Гаяза Исхаки о тюрьме

Прежде чем перейти к сопоставлению двух произведений Гаяза Исхаки – статьи «Тюрьма (Эволюция моего видения)» и повести «Зиндан» – сделаем некоторые важные замечания.

На наш взгляд, очерк «Тюрьма (Эволюция моего видения)» остался незавершенным. И хотя в газете «*Казан мөхбире*» не указано продолжение публикации в следующих номерах, мы в надежде на положительный результат, изучили публикации за 1907 г. и целенаправленно искали статьи на эту тему. Однако поиск не дал желанного результата. Не исключено, что продолжения статьи не было вовсе, а, возможно, цензура запретила публикацию.

Сопоставление начала очерка и повести Г. Исхаки «Зиндан», написанной в начале 1907 г. во время заключения автора в тюрьме города Чистополя, дает возможность понять несомненное тематическое сходство. Однако последний абзац очерка о Гаязе Исхаки, как достойного всяческого почтения сына татарского народа, писателя высочайшего уровня, наводит на мысль об авторстве другого человека. На наш взгляд, Исхаки, учитывая сложную политическую обстановку в стране и с целью отвести от себя внимание цензора, в конце очерка писал о себе в третьем лице. Внимательно изучив его «Зиндан» и статью «Тюрьма», мы находим несомненную связь между ними. Остановимся на некоторых деталях с целью обоснования наших соображений.

«Зиндан» – это художественное произведение, хотя правильно было бы обозначить его жанр как повесть-дневник, как разновидность автобиографической прозы. В нем выявляются некоторые черты, присущие личности автора, отражаются своеобразные особенности его внутреннего мира, личные переживания, связанные с жизнью, бурлящей за стенами тюрьмы. Статья «Тюрьма» относится к публицистическому жанру, в ней отражена история изменения взгляда автора на тюрьму.

Статья «Тюрьма (Эволюция моего видения)» была опубликована, когда Г. Исхаки сидел в тюрьме Чистополя. В повести «Зиндан» 5 февраля 1907 г. он сообщает: «Я написал письмо товарищам в Казань, чтобы они там по мере возможности напечатали бы этот рассказ «Тюрьма» и выслали мне деньги от его продажи» (Исхаки, 2024: 140). Однозначно, речь здесь идет именно о вышеназванном очерке. В следующей записи от 8 февраля 1907 г. он сообщает о завершении очерка «Тюрьма». 11 февраля, в день освобождения сокамерника, родного дяди Фатыха Амирхана, муллы-просветителя Наджиба Амирханова, Исхаки передает через него на волю окончание «Тюрьмы» и статью «*Курбан гаите*». Он просит разузнать возможность публикации «Тюрьмы» в Казани и отослать «*Курбан гаите*» в газету «*Казан мөхбире*». Статья «*Курбан гаите*» Г. Исхаки была опубликована в газете «*Тавыш*» 23 апреля 1907 г. в первом номере.

Гаяз Исхаки старался не держать написанное в камере, так как понимал, что внезапный обыск может привести к изъятию рукописи. Успех выноса рукописей за тюремные стены, пишет Исхаки, был делом большой удачи. Можно

было использовать тюремных служителей, оплатив им риск, либо заключенных, выходявших на работу, но их часто подвергали обыску. Исхаки опасался за судьбу рукописей и после благополучного выноса их за пределы тюрьмы написал: «Чистопольцы, передавая написанное друг другу, могли зачитать его до дыр и таким образом частично уничтожить» (Исхаки, 2024: 122). Однако потенциальные угрозы не испугали Исхаки, так как к его и читателей радости, «ни одна из них не осуществилась» (Исхаки, 2024: 122). Все написанное было передано адресатам в Чистополе и Казани.

Очерк «Тюрьма» начинается с воспоминания об образе тюрьмы у восьмилетнего мальчика:

В детстве тюрьма представлялась мне чем-то «невообразимо страшным». Если попал туда, считай – пропал. Кого ни спроси о тюрьме, у всех портилось настроение, недовольно кривилось лицо. Каждый просил милости и защиты у Аллаха от такой напасти. Помню, меня, восьмилетнего, отец взял в уездный город на ярмарку. На окраине города, в стороне от остальных домов, возвышалось не похожее ни на одно другое здание: вокруг него ходили солдаты с винтовками. В жаркий летний день сквозь открытые, но зарешеченные железными прутьями окна, были видны тянущиеся к свету людские головы, пытающиеся разглядеть происходящее на улице (Төрмә: 1907).

В повести «Зиндан» Исхаки обозначил, что он давно и хорошо знал все «прелести» тюрьмы, и поэтому «провел одиннадцать месяцев, ища прибежища в подвалах и чердаках» (Исхаки, 2024: 89).

Исхаки в своей автобиографии описывает, как в детстве, будучи шакирдом медресе, он на каникулы, на праздники и редко на выходные дни добирался до родной деревни Яуширма, что в 25 км от Чистополя. Ежегодные городские ярмарки были событием не только торговым, но и общественным: жители города, его гости из дальних и ближних мест, съезжались сюда для закупки необходимых промышленных товаров, одежды, обуви, продуктов. Здесь устанавливались новые знакомства, торгово-экономические связи, заключались договоры на перспективу, поэтому даже дети понимали важность этого мероприятия. Но, проезжая около тюрьмы, люди становились серьезнее, каждый молил Всевышнего избавить от такой напасти и выражал то или иное отношение «к несчастеньким». Подтверждение мы находим в книге о прошлом и настоящем Чистополя, где отмечено сочувствие чистопольцев осужденным, у которых была традиция в праздники «ходить в тюрьму и передавать осужденным мелкие монеты, пироги, блины, калачи» (Карташова, 2004: 325). В память мальчика навсегда врезалась картина: вокруг здания – солдаты с ружьями, охраняющие тюрьму, из-за зарешеченных окон тянущиеся к солнечному свету, к людям на воле, бледные лица, старающиеся издалека разглядеть, что там происходит в миру, на свободе, чем живут они.

В очерке «Тюрьма» автор пытается пересказать эволюцию собственного мнения о тюрьме. 15-летний мальчик убедился в существовании судебного

произвола и клеветы, когда начал изучать биографии знаменитых людей. «На всю жизнь врезались в мою память описания арестов, несчастных бросали в камеры, словно злостных негодяев, полезных для общества деятелей заточали, будто злостных тунеядцев» (Төрмә, 1907). Постепенно взгляды мальчика на тюрьму меняются, он убеждается в том, что среди заключенных немало безвинно арестованных, оклеветанных людей. Эволюция произошла благодаря книгам и документам, раскрывающим злключения сотен ученых, религиозных и общественных деятелей, которые были приговорены к длительным срокам заключения за активную просветительскую работу. Для многих из них камера стала не только местом отбывания наказания, но и гибели. Среди авторитетных представителей татарского народа Исхаки называет таких, как Шигаб хазрат, Зайнулла хазрат, Чистай Закир хазрат, которых без всяких на то оснований бросили за решётку. Вот эти факты заставили его думать и оценивать происходящее по-другому.

Представление обывателей начала XX в. о тюрьмах было достаточно примитивное, что отразилось в полной мере в произведении «Зиндан» Г. Исхаки. Приведем несколько «поучительных отцовских слов», которые вызвали не только испуг, но и отвращение, чувство брезгливости у восьмилетнего сына: «Туда закрывают убийц, воров, буйных пьяниц. А ещё и тех детей, кто не слушал родителей. Ломтик хлеба и кружка воды – вот и всё питание на целый день. Заключённых могут помногу месяцев не выпускать из камеры» (Төрмә, 1907).

Обратимся к дневникам Г. Исхаки, где отмечены интересные детали, подробности тюремного быта. 27 декабря 1906 г., когда Исхаки препроводили в чистопольскую тюремную камеру, там уже сидели чистопольский купец, торговец мануфактурными товарами Гариф Бадамшин и дамулла Наджиб Амирханов. Встретившись, они «чаевничали, подобно муллам, приведшим своих сыновей в медресе» (Исхаки, 2024: 109). В дни свиданий навестить их приходили по 30–40 посетителей из Чистополя и чистопольского уезда. Думается, столь массовый допуск в тюрьму родственников и сочувствующих был определенным образом нарушением тюремных правил. Арестанты читали периодику, как пишет Исхаки, «газеты в тюрьму не приносят, но мы находили возможности достать их из-под полы» (Исхаки, 2024: 120).

7 февраля 1907 г. Г. Исхаки в «Зиндане» пишет о том, что отношение к политическим заключенным тюремных служащих и надзирателей сильно поменялось. Если в дни прибытия Исхаки в тюрьме они беспрестанно ругались и кричали, то через некоторое время они заходили к ним в камеру попить чаю, поесть и побеседовать с ними. Вот как описывает происходящее Исхаки в «Зиндане», указывая на мягкость обращения с заключенными:

Тюрьма день за днем все больше напоминала не место для содержания грабителей и убийц, а школьный пансион или студенческие номера в гостинице. Разница заключалась лишь в наличии на окнах решеток и больших железных замков на дверях, а также большого ко-

личества вооруженных револьверами людей, по какой-то причине стороживших нас. Мы давно привыкли к такому окружению, оно нас совсем не тревожило. Тюремное начальство было до такой степени мягким, что мы пользовались такими правами, которые и не снились заключенным других тюрем. Между нами и начальством не было никаких противоречий или конфликтов. Так как обыски не проводились, можно было хранить в камерах все, что мы хотели. Ежедневно мы получали вести с воли, читали газеты. Вдобавок к этому, упростился порядок свиданий и посещений. К тем, у которых было разрешение на свидания, приходили все, кто хотел: для этого достаточно было назваться родственником (Исхаки, 2024: 128).

Временами тюремные порядки ужесточались, возникали конфликты между начальством и арестантами, виною которых бывали и заключенные, и их охранники. Описания и выводы Гаяза Исхаки, к сожалению, не дают конкретную информацию о бытовых деталях и проблемах заключенных.

Известно, что многие татарские религиозные и общественные деятели пострадали за свои взгляды и активную общественно-политическую деятельность. Например, Шигабутдин хазрат Шарафутдинов – чистопольский указный мулла, человек достаточно передовых для своего времени воззрений, дядя Гаяза Исхаки. Шигабутдин Шарафутдинов – был муллой 2-го прихода и преподавателем медресе в г. Чистополе, который возник в 1904 г. без всяких разрешений на улице Канавная отдельно от мечети. В журнале «Аль-Ислах» (1907 г.) автор под псевдонимом Злой шакирд упоминает медресе Шигабутдина хазрата, сооружение которого обошлось в восемь тысяч рублей. Он дает ему очень высокую оценку: «Эта школа лишена недостатков. Тамошние мугаллимы еще в материнском чреве овладевают знаниями. Подростки одиннадцати-двенадцати лет дают уроки» (Усал шәкерт, 1907: 12). В базе данных жертв политических репрессий о нем пишется следующее: «Шарафутдинов Шигабутдин, 1862 г.р., родился в с. Яуширмэ (Кутлушкино) Чистопольского района, проживал в г. Чистополе, мухтасиб. Арестован 25 июня 1938 г., обвинен по ст. 58 п. 4 и ст. 58. п. 11 как «Участник антисоветской буржуазно-националистической организации «Идель-Урал», умер в заключении 6 июля 1938 году в областной больнице ОМЗ НКВД ТАССР во время следствия, реабилитирован 28 апреля 2000 г.» (База данных жертв...) Известно, что в женском медресе Чистополя второго прихода по улице Канавной преподавали Биби-Хадича Шарафутдинова – жена муллы, домашнего образования; Марьям Шарафутдинова – дочь муллы, домашнего образования; Рабига Исмагилова – сестра муллы.

Гаяз Исхаки в статье останавливается и на судьбе татарского деятеля Юсуфа Акчурина, который накануне выборов в Государственную Думу Российской империи был посажен в тюрьму. Автор убеждается в том, что «арестовать, осудить-посадить могут по любому обвинению и даже вовсе без оногo» (Төрмә, 1907). Юсуф эфенде, посетив тюремную камеру, воочию увидев тамошние порядки и людей, окончательно расстается со своим застарелым стра-

хом, у него резко возрастает уважение к арестантам. Выступая в Казани перед единомышленниками, приверженцами прогрессивных взглядов, Ю. Акчурин, как пишет Исхаки, заявил, что «ради таких минут можно и пару месяцев в камере посидеть» (Төрмә, 1907).

В завершающей части повести «Зиндан» 29-летний Исхаки задает вопрос: «Нужно ли отказаться от любимого занятия из-за страха оказаться за решеткой? Ответ один – конечно, нет!» (Исхаки, 2024: 325). Сильное желание заниматься любимым делом привело к тому, что Исхаки «за революционную деятельность, антиправительственные выступления 18 раз подвергался арестам, сидел в тюрьмах Чистополя, Казани, Москвы, С.-Петербурга, находился в ссылке в Архангельской губернии» (Татарская энциклопедия, 2005: 628).

Нелёгкой оказалась судьба и родных братьев, сестер Гаяза Исхаки. Политическая жизнь классика татарской литературы Г. Исхаки внесла коррективы в их будущее. Родившаяся после Исхаки его сестра Гайнелмарзия была арестована в начале августа 1938 г. и сидела в тюрьме Чистополя 14 месяцев после объявления брата врагом народа. Причина ареста – поддержание связи с Гаязом Исхаки. При ее аресте были изъяты письма Исхаки. После освобождения Гайнелмарзия уезжает в Ташкент. Дочь Гайнелмарзии – Сююмбика Шарипова – в письме, опубликованном в журнале «Эхо веков» (1998, № 3/4), отмечает, что семья жила в страхе, все боялись вспоминать имя Гаяза Исхаки. В Ташкент уезжает и младшая из сестер – Халимабану, там же она и похоронена. Младшая сестра Исхаки – Фаридабану, после смерти мужа повторно вышла замуж за революционера-большевика Гаяза Садыкова, похоронена в Чистополе.

Трагическая судьба постигла и брата Г. Исхаки – Ахметхасана, который родился 12 февраля 1896 г. и был последним ребенком в семье. В выше цитированном письме упоминается его проживание в городе Чимбай, в одном из древних городов Каракалпакстана. Младший брат Исхаки – Ахметхасан, педагог по образованию, подвергался преследованиям из-за брата Г. Исхаки, объявленного «врагом народа». Он два раза сидел в тюрьмах, после которых его не оставляли в покое, продолжали вызывать на допросы. Постоянное психологическое давление сломало Ахметхасана и привело в 1940 г. к самоубийству. Местонахождение его захоронения неизвестно.

В последних двух абзацах произведения упоминаются томящиеся в тесных, сырых и зловонных камерах сыновья татарского народа – Гаяз Исхаки, Наджиб Амирханов, Гариф Бадамшин. Все мусульмане Казанской губернии и далеко за ее пределами знали, что молодой мулла, начинающий писатель, журналист Гаяз Исхаков вместе с дядей Фатыха Амирхана, зятем Закира Камалова, руководителем медресе, талантливым педагогом Назипом Амирхановым и кандидатом в депутаты Государственной Думы, известным в Чистополе купцом и общественным деятелем Гарифом Бадамшиным находятся в тюрьме родного города.

Надзор за Исхаки в Чистополе усилился в связи с приближающимися выборами в декабре 1906 г. в Государственную Думу. Полиция, объединившись с

представителями черносотенного движения, с целью недопущения избрания не угодных власти людей, начала проводить аресты оппозиционеров. Чтобы пробиться в Думу, сторонники черносотенного движения добились ареста купца Гарифа Бадамшина, а также верой и правдой служившего мусульманам Чистополя и обучающего шакирдов на протяжении пятнадцати лет Наджиба Амирханова. Оба были арестованы 13 декабря 1906 г. Гарифа Бадамшина выпустили 27 января 1907 г., а Наджиб Амирханов вышел на свободу 11 февраля 1907 г. Их арест был необходим черносотенцам для обеспечения успеха на выборах, поскольку «во время предыдущих выборов черносотенцы не смогли продвинуть ни одного представителя и обвинили в этом блок мусульман и кадетов, а в его организации – дамеллу Наджиба» (Исхаки, 2024: 101).

Арест уважаемых чистопольцев произвел сильное впечатление на население, во всех селах обсуждали это событие. Народ провинциального города, еще более озлобленный на местные власти, стал «свидетелем тому беззаконию, о котором раньше говорили, основываясь на слухах» (Исхаки, 2024: 102). Отец Исхаки, семидесятилетний мулла, произносил оппозиционные речи на религиозных обрядовых собраниях, мусульмане Чистополя активно агитировали население оказывать сопротивление режиму, в магазинах, лавках, чайных и постоянных дворах Чистополя устраивались митинги, выступая на которых активисты говорили с возмущением о проявлениях деспотизма и тирании, причинах чиновничьего насилия и путях борьбы с ним. Исхаки считал, что арест их «полезен с точки зрения воспитания в народе чувства протеста и духа сопротивления» (Исхаки, 2024: 102), и вместо сочувствия арестантам поздравил их. Он радовался неумному действию чиновников, которое настраивало население города против себя, и был благодарен полиции Чистополя за произвол, облегчавший пропаганду, которую вёл Исхаки, сделав ее наглядной. Исхаки вполне понимал ситуацию и, наверное, догадывался, что скоро и сам окажется в тюрьме. 23 декабря 1906 г. около двух часов ночи стражники явились в родительский дом за Исхаки, доставив его около семи утра в Чистополь. Арест Исхаки был связан с выборами в Государственную Думу II созыва. В ночь с 17 на 18 февраля 1907 г. Исхаки был освобожден из-за недостаточных оснований для привлечения его в качестве обвиняемого.

В конце оставшегося незавершенным очерка Гаяз Исхаки утверждает, что пребывание в тюрьме лишь повышает авторитет религиозных и общественных деятелей. Они становятся лидерами нации, пострадавшими в борьбе за интересы мусульман, являются достойным примером для подражания. Анализируемый очерк дает возможность понять, в каких условиях и при каких настроениях в обществе писалось произведение «Зиндан». Для исследователей, обстоятельно изучавших советскую систему мест заключения, несколько наивные страницы произведения, первые шаги в литературе Г. Исхаки, возможно, покажутся неравнозначными описаниям. Но данное произведение вносит определенный вклад в изучение истории тюремной системы Российской империи и дает воз-

возможность увидеть фрагмент юношеской биографии будущего классика татарской литературы, часть его жизни в Чистополе.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

База данных жертв политических репрессий в СССР (1917–1991 гг.). URL: [https://ru.openlist.wiki/Шарафутдинов_Шигабутдин_\(1862\)](https://ru.openlist.wiki/Шарафутдинов_Шигабутдин_(1862)) (дата обращения: 10.01.2024).

Исхаки Г. Зиндан / Сост., вступ. ст. и комментарии М.А. Ахметовой. Казань: Изд-во «Заман», 2024.

Исхакый Гаяз: тарихи-документаль жыентык / тез.-авт.: С.Рәхимов, З.Мөхәммәтшин, А.Заһидуллин. Казан: Жыен, 2011.

Төрмә [Төрмә турындагы фикеремнең тарихчасы] // Казан мөхбире. 1907. 12 гыйнварь (№203).

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: «Мысль», 1991.

Гернет М.Н. В тюрьме. Очерки тюремной психологии. 2-е изд. Юридическое издательство Украины, 1930.

Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М.: Госюриздат, 1952. Т. 3: 1870–1900 гг.

Карташова Л.Б. Тюрьма – есть ремесло окаянное... // Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. Казань: Изд-во «По городам и весям», 2004. С.325–331.

Мякотин В. Строительство обновленной России // Русское богатство. 1909. №4. С.79–99.

Сахапов М. Золотая эпоха татарского ренессанса: монография / предисл. академика М.Х. Хасанова. Казань: Таткнигоиздат, 2004.

Сахапов М. Исхаки и татарская литература XX века: монография / предисл. академика М.Х. Хасанова. Казань: ООО «ПИК Дом Печати», 2003.

Татарская энциклопедия: в 5 тт. / гл. ред. М.Х. Хасанов, ответ. ред. Г.С. Сабирзянов. Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 2005. Т. 2: Г-Й.

Усал шәкерт. Чистай мәдрәсәсе. Аль-Ислах. 1907. №5. Б. 11–12.

Чистополь: история. Набережные Челны: Новости МИРА, 2009.

Шебалков С.В. Тюрьма в России в конце XIX – начале XX века и ее исправительное значение // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С.111–120.

Г. Исхакый исемен әйтеп сөйләшергә дә куркалар иде // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1998. № 3/4. Б. 190–191.

Мәхмүтов И. Исхакый эләрәннән... // Мирас. 1997. №3. Б. 154–157.

REFERENCES

- Berdyaev N. (1991) *Self-discovery. The Experience of Philosophical Autobiography*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.)
- Chistopol: the history* (2009). Naberezhnye Chelny: Novosti MIRA Publ. (In Russ.)
- Gernet M.N. (1930) *In prison. Essays on prison psychology*. 2nd edition. The legal publishing of Ukraine. (In Russ.)
- Gernet M.N. (1951) *The history of royal prison*. Vol. 3: 1870–1900. Moscow: State Legal Publ. House. (In Russ.)
- Kartashova L.B. (2004) The prison is a cursed craft... In: *Chistopol and its residents. From the past and present*. Kazan: "Po gorodam i vesyam" Publ. House: 325–331. (In Russ.)
- Makhmutov Kh. (1997) Following the steps of Iskhaki... *Miras* [Miras]. No. 3: 154–157. (In Tat.)
- Malicious shakirt (1907) *Chistopol madrasah*. Al-Islah Publ. No. 5: 11–12 (In Tat.)
- Myakotin B. (1909) Building new Russia. *Russkoye bogatstvo* [Russian wealth]. No. 4: 79–99. (In Russ.)
- Sakhapov M. (2003) *Iskhaki and the Tatar literature of the 20th century: a monograph*. Preface by academician M.Kh. Khasanov. Kazan: LLC "PIK" Print. House. (In Russ.)
- Sakhapov M. (2004). *The Golden epoch of the Tatar renaissance: a monograph*. Introduction by academician M.Kh. Khasanov. Kazan: Tatar Book Publ. (In Russ.)
- Shebalkov S.V. (2014) Prison in Russia in the late 19th – early 20th century and its correctional role. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities]. Vol. 156. Book. 3: 111–120. (In Russ.)
- Tatar encyclopedia* (2005). Eds. M.Kh. Khasanov, G.S. Sabirzyanov. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences Institute of the Tatar Encyclopedia. Vol. 2. (In Russ.)
- They were afraid to even mention the name G. Iskhaki (1998) *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of Ages]. No. 3/4: 190–191. (In Tat.)

Сведения об авторе: Ахметова Миляуша Ансаровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук» (420111, ул. Лобачевского, 2/31, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-1051-5169>; e-mail: ama201289@yandex.ru

About the author: Milyausha A. Akhmetova, Cand. Sc. (Philology), Senior Research Fellow of the Laboratory of Multiple-factor Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Federal Research Center "Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences" (2/31 Lobachevsky St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-1051-5169>; e-mail: ama201289@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 11.03.2024

Доработана после рецензирования / Revised 31.03.2025

Принята к публикации / Accepted 22.04.2025

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Краткое сообщение / Brief message
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.314-322>

EDN: ZBURNQ

Татарско-русское взаимодействие в татарских говорах Пензенской области (по материалам диалектологической экспедиции)

А.К. Булатова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
alf_0082.82@mail.ru*

Резюме. Татары являются одним из древнейших народов Пензенского края. Они компактно проживают в Белинском, Вадинском, Городищенском, Иссинском, Каменском, Кузнецком, Лопатинском, Лунинском, Неверкинском, Пачелмском, Сосновоборском, Спасском и Шемышейском районах. Значительное число татар проживает в населённых пунктах со смешанным составом населения. Всего в области около пятидесяти татарских населённых пунктов. Татары Пензенской области относятся к субэтнической группе татары-мишари, среди них распространён западный диалект татарского языка. По характеру совокупности фонетических, грамматических и лексических особенностей в регионе выделяются два самостоятельных говора татарского языка: кузнецкий и темниковский говоры западного диалекта. В целом лексика татарских говоров Пензенского края представляет собой целостную лексико-семантическую подсистему диасистемы татарского языка, которая формировалась в течение нескольких столетий. В ней сохранились архаичные элементы, имеются локальные лексемы. Условия многовекового тесного соседства татарского населения исследуемого региона с русскими, а в дальнейшем и двуязычия, не могли не сказаться на их языке. В результате языковых контактов в речь жителей пришло большое число заимствований из русского языка. В статье представлены русские заимствования, проникшие в говоры татар Пензенской области, зафиксированные во время научной экспедиции Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан, состоявшейся в 2022 г. В качестве основных методов исследования был использован полевой метод сбора данных, описательный (изучение фактического материала, обобщение), сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный методы.

Ключевые слова: татарская диалектология, лексикология, диалектная лексика, западный диалект татарского языка, русские заимствования, темниковский говор.

Для цитирования: Булатова А.К. Татарско-русское взаимодействие в татарских говорах Пензенской области (по материалам диалектологической экспедиции). *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 2. С. 314–322. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.314-322> EDN: ZBURNQ

Финансирование: Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Tatar-Russian interaction in the Tatar dialects of the Penza region (based on the materials of a dialectological expedition)

A.K. Bulatova

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art

of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

alf_0082.82@mail.ru

Abstract. The Tatars are one of the most ancient peoples of the Penza region. They live compactly in the Belinsky, Vadinsky, Gorodishchensky, Issinsky, Kamensky, Kuznetsky, Lopatinsky, Luninsky, Neverkinsky, Pachelmsky, Sosnovoborsky, Spassky, and Shemysheysky districts. A significant number of Tatars live in settlements with a mixed population. In total, there are about fifty Tatar settlements in the region. The Tatars of the Penza region belong to the Mishari Tatar subethnic group, among whom the western dialect of the Tatar language is widespread. According to the nature of the set of phonetic, grammatical and lexical features, two independent dialects of the Tatar language are distinguished in the region: the Kuznetsk and Temnikovsky dialects of the western dialect. In general, the vocabulary of the Tatar dialects of the Penza region is a holistic lexical and semantic subsystem of the Tatar language diasystem, which has been formed for over several centuries. It has preserved archaic elements, as well as local lexemes. The conditions of centuries-old close proximity of the Tatar population of the studied region with the Russians, and later bilingualism, could not but affect their language. As a result of language contacts, a large number of borrowings from the Russian language entered the speech of the inhabitants. The article presents Russian borrowings that penetrated the dialects of the Tatars of the Penza region, recorded during the scientific expedition of the Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, which took place in 2022. The main research methods applied are the field method of data collection, as well as descriptive (study of factual material, generalization), comparative-historical, and comparative-contrastive methods.

Keywords: Tatar dialectology, lexicology, dialect vocabulary, Western dialect of the Tatar language, Russian borrowings, Temnik subdialect.

For citation: Bulatova A.K. (2025) Tatar-Russian interaction in the Tatar dialects of the Penza region (based on the materials of a dialectological expedition). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 2: 314–322. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.314-322> (In Russ.)

Financing: The work was carried out at the expense of a grant from the Tatarstan Academy of Sciences, provided to young candidates of sciences (postdoctoral fellows) for the purpose of defending their doctoral dissertation, performing research, as well as performing labor functions in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan "Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan".

Диалект как одна из форм языка *находится в постоянном развитии*. Словарный состав диалектов татарского языка складывался на протяжении многих столетий, в нем можно найти следы напластования, относящиеся к различным историческим эпохам. Диалектная лексика до сих пор сохраняет в себе архаичные элементы, а также обогащается новыми лексемами, в том числе за счет заимствований из других языков.

Диалекты являются наиболее подвижной и «живой» формой языка, в которых проявляются различные языковые явления. Процессы нивелирования диалектной речи под влиянием литературного языка и ряда других интерлингвистических и экстралингвистических факторов могут приводить к утрате традиционной диалектной лексики. Диалект языка не имеет письменной формы, представляется трудным рассмотрение явлений, происходящих в диалектах, в диахронном плане, определение когда и как та или иная лексическая единица неисконного происхождения начала употребляться в диалектной речи того или иного региона. В то же время рассмотрение современного состояния бытования тех или иных лексем и речи диалектоносителей является актуальной задачей.

Русские заимствования в языке татар, проживающих в Пензенской области, являются результатом длительных языковых контактов русских и татар на территориях совместного компактного проживания. А.Г. Казиханова отмечает: «Непосредственное общение в ходе смешанного существования в составе российских губерний способствовало проникновению русских заимствований в мишарский диалект» (Казаханова, 2008: 174).

Целью исследования является анализ русских заимствований, зафиксированных в диалектной речи татар во время полевых исследований в юго-восточной части Пензенской области.

В татарском языке заимствованная лексика не раз становилась объектом исследования (Абдуллин, 1990; Ахунзянов, 1968; Рамазанова, 2022). Изучением функционирования заимствованной лексики в диалектах посвящены работы А.К. Булатовой (Булатова, 2023), А.Г. Казихановой (Казаханова, 2008), Л.Т. Махмутовой (Махмутова, 1978), Д.Б. Рамазановой (Рамазанова, 1976).

Во время наших исследований использован полевой метод сбора языкового материала; описательный, состоящий из таких приемов, как изучение фактического материала, обобщение; сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы. Эмпирический материал взят из экспедиционных сведений, собранных автором во время полевых работ в татарских поселениях Пен-

зенской области, а также из диалектных словарей татарского языка и Атласа татарских народных говоров (Атлас татарских народных говоров, 2015).

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан вот уже 85 лет занимается системным сбором и введением в научный оборот национального культурного наследия татарского народа. С 27 июня по 8 июля 2022 г. была организована комплексная экспедиция в места компактного проживания татар в Пензенскую область. Нами были обследованы населенные пункты Каменского, Белинского и Пачелмского районов. В состав экспедиции вошли учёные-исследователи по таким научным направлениям, как народное творчество, лингвистика, народные ремёсла и промыслы, археография, эпиграфика. Одной из задач полевых работ стало изучение современного состояния татарских говоров, ареально распространенных в указанном регионе.

Перечисленные районы Пензенской области представляют отдельный интерес, так как здесь располагаются группа деревень известная как «Алты авыл», которая обособлена от других населенных пунктов и в языковом плане обладает своеобразием.

Татары на территории современной Пензенской области проживают более четырех столетий. В XVII–XVIII вв. во время строительства засечных черт началось освоение территории Дикого поля, они принимали в них активное участие вместе со многими другими народами. На рубеже XVII–XVIII вв. происходит заселение татарами огромных пространств Дикого Поля (территории современных Каменского и Белинского районов). Нам представилась возможность поработать в деревнях, включенных в «Алты авыл», историю образования которых связывают с Арсланом Полкаевым. Он был сержантом выборного полка и служил в конце XVII в. на территории Сурского края. Считается, этот человек по дарованию Петра I основал «Алты авыл» – «шесть сел»: Кикино, Кобылкино, Кутеевка, Телятино, Мочалейка, Решетино в Пензенской области (Гуркин, 2008).

Перечисленные поселения существуют в окружении с русскими деревнями, и по этой причине в языке жителей функционирует много слов, заимствованных из русского или посредством русского языка.

Нами были записано значительное число диалектизмов, которые вошли в язык из русского языка или посредством русского языка.

Все зафиксированные лексемы по происхождению заимствованные из русского или посредством русского языка в речи жителей региона подверглись формальному изменению, в основном фонетическому. Это можно объяснить тем, что у каждой системы говоров имеется свой фонемный состав. Заимствования подстраиваются под фонетические особенности того или иного говора.

Иноязычные вкрапления в основном относятся к общенародной лексике русского языка, в частности, широко представлена предметная лексика. Л.Т. Махмутова справедливо отмечает, что значение заимствованных слов, как правило, совпадает с их значением в языке-источнике (Махмутова, 1982: 73).

Отдельно можно выделить группу заимствований, относящихся к хозяйственным постройкам. Так, например, диалектизм, *веремән'ка* [*veremän'ka*] используется в речи жителей села Кикино в значении 'летний загон для животных, место на выгоне или пастбище, летний скотный двор; комната сарая'. *Веремән'када куйларыбыз бар* (В летнем загоне у нас есть овцы).

В русском языке слово *временка* используется в значении 'временная постройка'. Нами сделаны уточнения, временной ли постройкой являются данные сооружения, жители сообщают, что они постоянные, не перестраиваются, скот и домашние животные прибывают в них в летнее время.

Широко используется лексема *бол'нича* [*bol'nişa*] 'медицинское учреждение для стационарного лечения больных' от русского слова *больница*, которое происходит от праславянского *bolъ* (боль) (Фасмер, 1986. Том I: 191). Слово освоено татарским литературным языком, фонетически преобразовано в говорах западного диалекта, в говорах же среднего диалекта чаще встречается фонетический вариант *бул'нис* [*bul'nis*]: *Әникай белән бол'ничага бара киттек* (С мамой пошли в больницу). Нужно отметить, у жителей нет разделение медицинских учреждений на амбулаторию, фельдшерско-акушерский пункт, стационар и все они именуются словом *бол'нича*.

Аналогично можно проследить фонетическую адаптацию русского слова *мельница* 'здание с приспособлениями для размола зерна', которое берет начало от праславянского *melti, meljo* 'молоть, дробить' (Этимологический словарь..., 2007: 141). В говоре татар она представлена диалектизмом *меренча* [*merenşa*]: *Вота-вота су меренчабыз булган дин сүли иде бабакайлар* (Дедушки рассказывали, что здесь располагалась водяная мельница).

У диалектоносителей данного региона широко используется глагол *думнау* [*dutnai*] от общеславянского *дума, думать* в значении 'направлять мысли на кого или что-нибудь, размышлять' (Этимологический словарь..., 1973: 208): *Тенә думладым да, эш соңы бумага китә бардым* (Вчера подумала и решила после работы пойди на пруд).

В населенном пункте Кутеевка зафиксировано слово *дураш* [*duras*] 'дрожжи, вещество из микроскопических грибков, вызывающее брожение': *Әпәй шынын чәрә дураш салып әбәт буладыр* (Если положить в тесто для хлеба вот столько дрожжей, оно хорошо поднимется). Слово имеет общеславянское корни, возникшее от основы *дрозг* 'отвар солода' (Этимологический словарь..., 1973: 194). В обследованном селе Татарский Шелдаис используется вариант *дражжа* [*drajja*].

В речи диалектоносителей бытует лексическая единица *пых* [*pɪh*] 'пух, очень мелкие, нежные пушистые пёрышки у птиц, используемые для набивания перин, подушек и др.', которая также является иноязычным вкраплением, образованное от звукоподражания «пф-ф» или «пых-пых» 'дуновение': *Йастыкның пыхы кыйты булган* (Пух подушки был не очень качественным).

Употребляется слово *кур'ка* [*kur'ka*] в значении 'половник, большая ложка с длинной ручкой, предназначенная для разливания жидких блюд': *Бер курка*

эшти (Один половник супа). Данная лексема ранее зафиксирована в лямбирском, кузнецком, мелекеском и хвалынском говорах в значении ‘ковш, сосуд с ручкой для зачерпывания жидкости, сыпучего’, в говоре мордва-каратаев же используется мягкий вариант лексемы *курку* в значении ‘половник’ (Татар теленең..., 2009: 339). Слово *кур’ка* является заимствованием из диалектов русского языка, так *корец*, *корчик* является областным диалектизмом в значении ‘маленький ковшик’, имеется и значение ‘половник’. Слово восходит к старославянскому *корыць* ‘ковш, четверик (старая мера зерна)’, которое в свою очередь суффиксальным производным от *корь* ‘сосуд из коры, служащий мерой’ (Этимологический словарь..., 1982: 342). В словарях русского языка дается как областное слово или регионолект.

Во всех населенных пунктах была записана лексема *гатаулап* [*gataulau*] ‘готовить, делать годным, готовым для использования’. Она от русской основы *готов*: *Мин ашарга гатаулады. Тенэ чил бер шавага парэмэчэ гатаулады* (Я приготовила еду. Вчера приготовила целый таз перемечей). В основном у диалектоносителей встречалось в контексте приготовления еды. Параллельно используется и литературная форма *эзерләү* [*əzerləy*] ‘приготовить’.

Очень часто нам приходилось слышать прилагательное *чил* [*cil*] в значении ‘целый, весь; такой, какой есть’, и производные от него *чилата* [*cilata*] ‘целиком»: *Чил тарилка эшти* (Целая тарелка супа). У этого диалектизма в говоре есть и омоним в значении ‘похоронные дроги, носилки, на которых выносят покойника’ (в литературном языке – *жәназа ағачы, жәназа кабыгы*): *Чилга салабыз да мәетне йывып, зәрәткә илтәләр* (Покойника после омовения помещают на дроги и уносят на кладбище).

Понятие «деньги» нередко в речи жителей передается лексемой *манит* [*manit*] от русского слово *монета*, причем без разделения на бумажные или металлические деньги.

В регионе бытует диалектизм *чолка* [*ʃolka*] в населенном пункте Мочалейка *чөлкә* [*ʃülka*] (в данном виде или в других фонетических вариантах широко используется в западном диалекте). Слово восходит к русскому слову *чулки* в значении ‘вязанное изделие (машинной или ручной вязки), надеваемое на ноги под обувь и покрывающее ноги во всю длину’: *Лаукадан чолкалар алдым*. (Купила в магазине чулки), оно используется и в значении ‘носки’ параллельно с *насу́к* [*nasuk*].

В экспедиции были записаны фонетические варианты заимствованных слов, освоенные и преобразованные татарским литературным языком. К таким можно отнести слово *кабестә* в литературном языке, от славянской основы *капуста* ‘огородное растение семейства крестоцветных с завивающимися в кочан листьями, которые употребляются в пищу’. В говоре представлен вариант *капыста* [*kapista*]: *Садыбызда капыста, кишер, картук үсә* (В нашем огороде растут капуста, морковь, картофель).

Укуват [*ukuwat*] – ‘ухват, приспособление для подхватывания в печи горшков, чугунов железное полукольцо в виде двух рогов на длинной рукояти’: *Мин*

әпәйне чүлмәктә пешерәм, ухуват белән алам (Я запекаю хлеб в чугушке и достаю с помощи ухвата).

Курка / кырка [*kirka / kirka*] – литературная форма *күркә*, в значении ‘индюк, большая домашняя птица из семейства куриных с широким распускающимся хвостом’. Диалектизм происходит от русского диалектного слова кура ‘домашняя птица, несущая яйца, курица’ (Этимологический словарь..., 1982: 450).

Бытует лексема *пачкыну* [*raskinu*] от пачкаться, грязниться: *Оланнар пачкынып беткән балчеккә* (Дети перепачкались грязью).

Используется диалектизм *пузналану* [*pusnalanu*] от общеславянской основы *поздъ* ‘поздний’: *Пузналаньрга ярамый урман буенда, арусыз жир анда* (Не стоит припоздниться у леса, этот беспокойное место).

Бытует слово *пәртүк* [*pärtük*], где мы можем наблюдать реализацию фонемы [ф] в аллофоне [п]: *Тутам бәк матур пәртүк йәләде* (Тетя шила очень красивый фартук).

Таким образом, анализируя слова, распространенные в речи жителей татарских населенных пунктов юго-восточной части Пензенской области, мы пришли к выводу, что в диалектном языке данного ареала используются достаточно большое количество лексем, заимствованных из русского или посредством русского языка. Данные лексические единицы имеют локальный характер распространения. Исследованные диалектизмы фонетически адаптированы в речи, то есть, приспособлены к нормам татарского произношения, прежде всего в них наблюдается изменение труднопроизносимых сочетаний звуков на более употребительные.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллин И.А. К вопросу о хронологизации русских и западноевропейских заимствований в татарском языке // Двужычие: типология и функционирование. Казань, 1990. С. 21–32.

Атлас татарских народных говоров / отв. ред.: Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хайрутдинова. Изд. 2-е, доп. и перераб. Казань: ИЯЛИ, 2015.

Ахунзянов Э.М. Русские заимствования в татарском языке. Казань: Изд. Казан. ун-та, 1968.

Гуркин И. История татар Каменского района. URL: <https://mishar-hanum.livejournal.com/17640.html> (дата обращения: 10.07.2024).

Казиханова А.Г. Русские заимствования в лексике западного диалекта татарского языка // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С. 174–178.

Махмутова Л.Т. О характере и некоторых типах русских заимствований в мишарском диалекте татарского языка // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978. С. 95–107.

Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка. М.: Наука, 1978.

Махмутова Л.Т. Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику Codex Cumanicus; по данным лексики (краткий анализ и приложение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Вып. 2. Казань, 1982. С. 68–153.

Рамазанова Д.Б., Булатова А.К. Русские и европейские заимствования в татарском языке // Лексикология татарского языка: В трех томах / Научный редактор Г.Р. Галиуллина. Казань: ИЯЛИ, 2022. Т. 2. С. 98–119.

Фасмер Марк. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачева. Под редакцией и с предисловием проф. Б.А. Ларина. М.: «Прогресс», 1986. Тома I–IV.

Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. М.: Московский университет, 1973. Вып. V. Д, Е, Ж.

Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. М.: Московский университет, 1982. Т. II. Вып. VIII. К.

Этимологический словарь русского языка / Под ред. А.Ф. Журавлева и Н.М. Шанского. М.: Московский университет, 2007. Вып. X. М.

Булатова Ә.К. Диалекталь сүзләренң этимологиясе (Чувашия Республикасына комплекслы экспедиция вакытында теркәлгән лексик берәмлекләр мисалында) // Фәнни Татарстан. 2023. № 1. Б. 24–28.

Рамазанова Д.Б. Пермь татарлары сөйләшәндәге алынма сүзләр // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. Казань, 1976. С. 142–151.

Татар теленң зур диалектологик сүзлегә / Төз.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыйкова, Т.Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009.

REFERENCES

Abdullin I.A. (1990) On the issue of chronologization of Russian and Western European borrowings in the Tatar language. In: *Bilingualism: typology and functioning*. Kazan: 21–32. (In Russ.)

Akhunzyanov E.M. (1968) *Russian borrowings in the Tatar language*. Kazan: Kazan University Publ. (In Russ.)

Atlas of Tatar folk dialects (2015). D.B. Ramazanova, T.Kh. Khairutdinova (eds.). 2nd ed. Kazan: IYALI Publ. (In Russ.-Tat.)

Bulatova A.K. (2023) Etymology of dialectal words (the case of lexical units recorded during a comprehensive expedition to the Republic of Chuvashia). *Fänni Tatarstan* [Scientific Tatarstan]. No. 1: 24–28. (In Tat.)

Etymological Dictionary of the Russian Language. (1982) N.M. Shansky (ed.). Moscow: Moscow University Publ. Vol. 2. Issue 8. K. (In Russ.)

Etymological Dictionary of the Russian Language. (1973) N.M. Shansky (ed.). Moscow: Moscow University. Vol. 5. D, E, Zh. (In Russ.)

Etymological Dictionary of the Russian Language. (2007) A.F. Zhuravlev and N.M. Shansky (ed.). Moscow: Moscow University Publ. Issue 10. M. (In Russ.)

Fasmer Mark (1986) *Etymological Dictionary of the Russian Language*. Transl. from German and supplemented by O.N. Trubachev, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences. Edited and with a preface by Prof. B.A. Larin. Moscow: Progress Publ. Volumes 1–4. (In Russ.)

Gurkin I. *History of the Kamensk region Tatars*. URL <https://mishar-hanum.livejournal.com/17640.html> (accessed: 07.10.2024). (In Russ.)

Kazikhanova A.G. (2008) Russian borrowings in the vocabulary of the Western dialect of the Tatar language. *Vestnik chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. No. 1: 174–178. (In Russ.)

Large dialectological dictionary of the Tatar language. (2009) Compiled by: F.S. Bayazitova, D.B. Ramazanova, Z.R. Sadykova, T.Kh. Khayretdinova. Kazan: Tatar Book Publ. (In Tat.)

Makhmutova L.T. (1978) *Experience in the study of Turkic dialects: the Mishar dialect of the Tatar language*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Makhmutova L.T. (1978) On the nature and some types of Russian borrowings in the Mishar dialect of the Tatar language. In: *Source studies and history of Turkic languages*. Kazan: 95–107. (In Russ.)

Makhmutova L.T. (1982) Tatar language in its relation to the ancient written monument Codex Cumanicus; according to vocabulary data (brief analysis and application). In: *Research on the historical dialectology of the Tatar language*. Vol. 2. Kazan: 68–153. (In Russ.)

Ramazanova D.B. (1976) Borrowed words in the speech of the Perm Tatars. In: *Questions of lexicology and lexicography of the Tatar language*. Kazan: 142–151. (In Tat.)

Ramazanova D.B., Bulatova A.K. (2022) Russian and European borrowings in the Tatar language. In: *Lexicology of the Tatar language: In three volumes*. G.R. Galiullina (ed.). Vol.2. Kazan: IYALI Publ.: 98–119. (In Russ.)

Сведения об авторе: Булатова Альфия Каримовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Карла Маркса, 12/4, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-9225-0853>; e-mail: alf_0082.82@mail.ru

About the author: Alfiya K. Bulatova, Cand. Sc. (Philology), Senior Research Fellow of the Department of Areal Linguistics, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12/4 Karl Marks St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-9225-0853>; e-mail: alf_0082.82@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 26.12.2024

Доработана после рецензирования / Revised 31.03.2025

Принята к публикации / Accepted 18.04.2025

2025
ГОД ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Подготовка и издание сетевого научного журнала осуществлены
в рамках Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа»

The preparation and publication of the online scientific journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People”

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем исключительных
имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данного издания
(размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.),
in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2025. Том 10. № 2
Сетевое издание

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2025. Vol. 10. No. 2
Online media

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен

в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ

420111, ул. Батурина, 7, Казань,

Республика Татарстан, Российская Федерация

Дата выхода в свет 2.06.2025 г.

Формат 60×84 ¹/₈

Свободная цена